КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Апрѣль.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го марта 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVII. 1887 г.

Январь, 1887 г.

Февраль, 1887 г.

Мартъ, 1887 г.

Апрѣль, 1887 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

VI.

КАПИТАНША.

Въ 1845 году, въ томъ самомъ году, когда наводненіемъ до половины разрушило городъ Кременчугъ, а Крюковъ остался невредимъ, а въ Кіевѣ такъ даже къ Братскому монастырю вода поднялася, такъ въ этомъ критическомъ году, въ концѣ марта мѣсяца, выѣхалъ я изъ Москвы по тульскому, тогда только-что открытому шоссе. Ѣхалъ я (замѣтьте на почтовой перекладной телѣгѣ) двѣ недѣли до Тулы, да до Орла недѣлю, и того три недѣли. А что я вытерпѣлъ въ эти три недѣли, такъ этого никакое перо не въ силахъ описать. Одно только скажу вамъ, что я, не изъ описанія какого нибудь туриста, а изъ собственнаго опыта зная, что стоитъ тарелка щей и ломоть хлѣба на почтовой станціи и будучи такимъ образомъ практически знакомъ съ комфортомъ почтовыхъ станцій, на выѣздѣ изъ Москвы, нагрузилъ порядочную корзину всякимъ соленымъ и копченымъ добромъ—и что же? всю эту благодать я долженъ былъ бросить на второй станціи, т. е. въ городѣ Подольскѣ, потому что все это, да и самъ я, окунулися нѣсколько разъ въ грязной снѣжной водѣ. Благоразуміе требовало возвратиться въ Москву, но поди же ты, толкуй съ упрямою головою, ибо между нами будь сказано, я таки не отсталъ отъ своихъ земляковъ въ этой добродѣтели, т. е. въ упрямствѣ, что мы изъ вѣжливости называемъ силою воли. Итакъ отъ Подольска до Тулы пропутешествовалъ я на пищѣ св. Антонія, а отъ Тулы до Орла на той же самой пищѣ, потому что городъ Тула хотя и славится ружьями

и гармониками, но колбасной лавкой не можетъ похвалиться; словомъ я въ Тулѣ, и то съ трудомъ, нашелъ соленаго судака, привезеннаго съ береговъ синяго Дона, или съ береговъ Урала, или же съ береговъ матушки Волги. Съ такимъ-то провіантомъ доѣхалъ я до города Орла. Остановился я было въ гостиннпцѣ, тутъ же около почтовой станціи, да на другой день, какъ пересчиталъ свою казну, такъ только ахнулъ! У меня всего на все было наличныхъ трехрублевая депозитка, да мелочи два четвертака, а изъ Москвы я взялъ съ собою ровно сто рублей серебромъ. Съ такою суммою какъ не доѣхать изъ Москвы до Кіева? А вотъ же случилось такъ, что я только до Орла доѣхалъ, а тамъ, т. е. въ Орлѣ, и сѣлъ, какъ ракъ на мели. Призадумался я не на шутку, и послѣ сугубыхъ размышленій пошелъ искать постоялый дворъ. Опять горе— Ока и Орликъ зáтопили не только всѣ постоялые дворы, но и большую часть самого города. Возвратился я въ свой номеръ еще грустнѣе, чѣмъ изъ него вышелъ; въ раздумьи сѣлъ у окна и смотрю на улицу, а по улицѣ плетется запряженная парою невзрачныхъ лошадокъ большая крытая телѣга, а около нея съ кнутикомъ въ рукѣ идетъ небольшаго роста, пузатенькій, съ рыжей бородкой, мужичекъ. А, пріятель, думаю себѣ, тебя-то мнѣ и нужно! Я отворилъ окно и крикнулъ:

— Эй! мужичекъ! молодецъ!

Мужичекъ остановился, снялъ шапку и, посмотрѣвши на окно гостинницы, увидѣлъ меня и сказалъ:

— Ты, баринъ, кличешь?

— Я.

— А что тѣ надоть? спросилъ онъ.

— А вотъ что. Ты извощикъ?

— Вѣстимо, что извощикъ!

— А которой губерніи?

— Тутошней губерніи, баринъ, а уѣзда митровскаго.

— А не желалъ бы ты, любезный, на праздникѣ дома побывать? (Это было на шестой недѣлѣ великаго поста).

— Какъ не желать, баринъ, вѣстимо, желаю; да какъ порожнемъ пустишься одинъ?

— А хочешь, я тебѣ сѣдока найду до Глухова?

— Какъ не хотѣть, да мнѣ, пожалуй, хоть и до Москвы.

— Да ты знаешь ли, гдѣ Глуховъ?

— Какъ не знать,—за Митровскимъ. Мы и въ Кіевѣ бывали не разъ.

— Много ли же ты возьмешь?

— Съ пуда, что ли, баринъ?

— Пожалуй, хуть и съ пуда.

— По два съ полтинной, баринъ!

— Хорошо, согласенъ, только съ тѣмъ, чтобы деньги получить въ Глуховѣ.

— А задаточку, баринъ?

— Да тамъ же въ Глуховѣ и задаточку.

Мужичекъ почесалъ въ затылкѣ и, посмотрѣвъ на меня съ минуту, спросилъ:

— А когда ѣхать баринъ?

— Да, пожалуй, хоть и сейчасъ.

— Сейчасъ, баринъ, нельзя: маненько лошадокъ укормить надоть.

— Да гдѣ же ты ихъ кормить станешь? Какъ тебя найти?

— Да здѣсь же на улицѣ; вишь постоялые дворы всѣ залило водою, гдѣ кормить станешь?

И, говоря это, онъ приворотилъ къ забору и началъ откладывать лошадокъ.

Я вышелъ къ нему на улицу, осмотрѣлъ телѣгу. Телѣга была помѣстительная, крытая всплошь, въ родѣ жидовской брычки.

— Какой же ты товаръ перевозишь въ этой посудинѣ? спросилъ я его.

— Да какой товаръ? Вотъ теперь хоть и вашу милость повезу, а сюда какую-то барыню привезъ изъ Митровска; къ дѣтушкамъ что ли пріѣхала, въ училищѣ какомъ-то, али корпусѣ, говоритъ; да ужъ и злющая же, Богъ съ ней, то и дѣло дерется съ дѣвкой.

— А какъ думаешь, выѣдемъ сегодня, или не выѣдемъ?

Мужикъ посмотрѣлъ на солнце и сказалъ:

— Лучше, баринъ, переночуемъ.

— Пожалуй, переночуемъ.

И я отъ нечего дѣлать пошелъ шляться по городу.

Проходя мило табачной лавочки, я увидѣлъ между выставленными на окнѣ съ разными изображеніями табачные картузы и гар-

монику. Не предвидѣлось мнѣ большаго разнообразія въ моемъ путешествіи: дай-ка, думаю, куплю гармонику; буду хоть дѣтей потѣшать на подворкахъ. Купилъ я гармонику и возвратился на квартиру; а на квартирѣ, отдохнувши послѣ прогулки, я задалъ себѣ такой вопросъ: а что если у моего пріятеля въ Глуховѣ, на котораго я надѣялся, какъ на каменную стѣну, не случится денегъ, что я тогда стану дѣлать? Правда, у меня въ Глуховѣ есть и другой пріятель, на котораго навѣрнякъ можно разсчитывать; онъ одной фарфоровой глины продаетъ тысячъ на сто въ продолженіи года, такъ какъ на него не понадѣяться? Но дѣло въ томъ, что онъ панъ на всю губу, какъ говорится. У него къ обѣду иначе выйти нельзя, какъ во фракѣ, а это-то мнѣ и не нравилось. Оно и въ самомъ дѣлѣ смѣшно жить въ деревнѣ и наряжаться каждый день,—чертъ знаетъ что! Хорошо еще, ежели похороны или свадьба, или другой какой семейный праздникъ, а такъ—это больше ничего, какъ нелѣпое подражаніе аглицкимъ лордамъ. Итакъ, по долгомъ размышленіи, я написалъ письмо въ Кіевъ и просилъ, чтобы выслали мнѣ денегъ въ г. Глуховъ и адресовали на имя не того пріятеля, что продаетъ фарфоровую глину, а на имя сосѣда его ротмистра въ отставкѣ такого-то.

Устроивши все, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, я на другой день до восхода солнца погрузился въ фургонъ и благополучно прибылъ на постоялый дворъ, отстоящій отъ города Орла на двадцать пять верстъ. Здѣсь было бы очень кстати описать со всевозможными подробностями постоялый дворъ; но такъ какъ эту tableau de genre описывали уже многіе, не токмо прозою, но даже и стихами, то я и не дерзаю соперничать ни съ кѣмъ изъ этихъ досужихъ описателей, ни даже съ самимъ гомеровскимъ описаніемъ въ стихахъ постоялаго двора, напечатаннымъ, не помню, въ какомъ то журналѣ, гдѣ и сравнивается это описаніе съ Иліадою.

Въ г. Кромы мы прибыли ночью и до разсвѣта выѣхали, слѣдовательно о городѣ Кромахъ мнѣ тоже нечего сказать, развѣ только, что за тарелку постныхъ щей съ меня взяли полтину серебра, собственно за то, что я не поторговался прежде. Вотъ все, что могу сказать о городѣ Кромахъ.

Солнце уже довольно высоко поднялось, когда я проснулся въ своемъ фургонѣ. Проснувшись, я высунулъ голову посмотрѣть

на свѣтъ Божій и спросилъ у Ермолая (такъ звали моего извощика), далеко ли до постоялаго двора.

— А вотъ спустимся за горку, тамъ будетъ и постоялый дворъ, отвѣчалъ Ермолай.

Я посмотрѣлъ вокругъ; думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь увижу хоть маленькую горку; ничего не бывало,—равнина и однообразная равнина, перерѣзанная черною полосою почтовой дороги, утыканной кое-гдѣ ракитникомъ и пестрыми столбами, именуемыми верстами.

Незавидный, правду сказать, пейзажъ, а если принять въ соображеніе мое не быстрое путешествіе, то онъ покажется даже скучнымъ. Что будешь дѣлать? Читать нечего, думать не о чемъ (въ то время я повѣстей еще не сочинялъ). Вотъ я полежу, полежу въ фургонѣ, да и вылѣзу изъ него, пройду версту, другую пѣшкомъ да и опять въ фургонъ, поиграю на гармоникѣ, а Ермолай попляшетъ (онъ почти не садился на облучокъ), но постоянно шелъ себѣ съ кнутикомъ около лошадокъ и когда я наигрывалъ на гармоникѣ, то онъ принимался плясать, сначала тихо, потомъ быстрѣе, а когда приходилъ въ азартъ, то, обращаясь ко мнѣ, почти вскрикивалъ:

— Почище, баринъ, почище!

Я ему и почище заиграю, а онъ почище попляшетъ, а тамъ, глядишь, и постоялый дворъ.

Такъ то мы съ Ермолаемъ коротали и время, и дорогу до самой Эсмани (первая станція черниговской губерніи). Не успѣешь переѣхать границу орловской губерніи, какъ и декорація перемѣнилась: вмѣсто ракитника по сторонамъ дороги красуются высокія развѣсистыя вербы; въ первомъ селѣ черниговской губерніи уже бѣленькія хатки, соломою крытыя, съ дымарями, а не сѣрыя бревенчатыя избы; костюмъ, языкъ, физіономіи—совершенно все другое. И вся эта перемѣна совершается на пространствѣ двадцати верстъ; впродолженіе одного часа вы уже чувствуете себя какъ будто въ другой атмосферѣ, по крайней мѣрѣ я себя всегда такъ чувствовалъ, сколько разъ я не проѣзжалъ этой дорогою. Ѣдучи изъ Кіева черезъ Черниговъ, хотя и чувствуешь себя по ту сторону Десны уже не въ Малороссіи, но тамъ все таки есть хоть небольшая интонація, а между Эсманью и Глуховомъ со-

вершению никакой. Проѣхавши версты двѣ или три отъ Эсмани, я увидѣлъ вправо, не далеко отъ дороги, уже не сѣрый бревенчатый съ крѣпкими воротами постоялый дворъ, а бѣлую подъ соломенной крышей между вербами корчму. Видъ этой первой корчмы напомнилъ мнѣ еще въ дѣтствѣ слышанную мною пѣсню, которая начинается такъ:

Ой у поли верба,
Пидъ вербою корчма.

Засвѣтло можно было бы пріѣхать еще въ Глуховъ, но мнѣ такъ понравилась эта корчма, что я просилъ Ермолая остановиться въ ней и переночевать, на что онъ охотно согласился, потому что въ корчмѣ, какъ онъ говорилъ, все дешевле, нежели въ городѣ.

Поровнявшись съ самою корчмою, мы остановились, и я увидѣлъ человѣка, ие обращавшаго на насъ совершенно никакого вниманія. Человѣкъ этотъ одѣтъ былъ довольно странно: въ сѣрой солдатской шинели, подпоясанный, вмѣсто пояса, свитымъ изъ соломы жгутомъ, въ чорной бараньей шапкѣ и съ граблями въ рукахъ. Я вылѣзъ изъ телѣги и, подойдя къ нему, спросилъ:

— Что ты хозяинъ?

— А вже-жъ хазяинъ, отвѣтилъ онъ, едва взглянувши на меня.

— Что у тебя сѣно есть?

— А вже-жъ есть.

— И овесъ еть?

— А вже-жъ есть.

— А поужинать будетъ ли что?

— А вже-жъ буде.

Послѣ этого говорившій со мною человѣкъ обратился къ моему извощику и совсѣмъ неласково сказалъ ему:

— Чого жъ ты тамъ стоишъ, московська ворона, чому не заѣзжаешъ!—и самъ пошелъ отворять ворота корчмы.

Мнѣ понравился мой оригинальный землякъ, какъ содержатель заѣзжаго дома на большой дорогѣ. Особенно послѣ орловскихъ дворниковъ, которые встрѣчаютъ тебя за полверсты, снимаютъ шапку, кланяются, божатся, что у нихъ все есть, кромѣ птичьяго

молока, а на повѣрку окажется только овесъ и гнилое сѣно, а поужинать или пообѣдать, особенно въ великомъ посту, и не думай; подадутъ тебѣ щей съ вонючимъ постнымъ масломъ, да и слупятъ полтину серебра, коли впередъ не поторгуешься. Пока не словоохотный хозяинъ отворялъ и затворялъ ворота своей корчмы, я пошелъ размять ноги, онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія.

Корчма была тщательно выбѣлена и около оконъ обведено было желто-красноватой глиной; примыкающій къ корчмѣ сарай, или такъ называемая стодола тоже акуратно вымазана желтой глиной; вообще видъ корчмы показывалъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ у людей великій праздникъ. По другую сторону корчмы я увидѣлъ изгородь, примыкавшую къ самому строенію,—небывалая вещь около корчмы. Я подошелъ поближе. За изгородью двѣ женщины копали гряды и одна изъ нихъ что-то разсказывала, а другая такъ звонко чистосердечно смѣялась, что я самъ невольно разсмѣялся. Та, которая разсказывала, была женщина уже не первой молодости, а которая смѣялась, только что разцвѣвшая чернобровая красавица и, казалось, была дочерью первой, а не подругою. Не успѣлъ я разсмотрѣть ихъ хорошенько и наслушаться гармоническаго смѣху красавицы, какъ изъ-за угла корчмы показался самъ хозяинъ и позвалъ ихъ въ хату варить вечерю. Я и себѣ послѣдовалъ за ними въ хату. У дверей встрѣтился я съ хозяиномъ. Онъ мнѣ пожелалъ добраго здоровья и просилъ войти въ свѣтлицу. Я вошелъ въ просторную чисто выбѣленную хату, раздѣлявшуюся во всю длину ея, какъ стѣною, кафельною печью (Бироновщина); около стѣнъ кругомъ стояли лавы, или скамейки, а между ними возвышался дубовый чисто вымытый столъ; на стѣнѣ въ углу висѣлъ образъ, украшенный свѣжею вербою и засохшею мятой и васильками.

Просымо садыться, сказалъ хозяинъ, снимая шапку; здесь мы сами живемо, прибавилъ онъ, а для такого народу у насъ есть другая хата.

— А что, хозяинъ, спросилъ я его, садясь на скамьѣ, можно у васъ достать водки?

— Чому не можно. Вамъ полкварты, чи всю кварту? спросилъ онъ.

— Хоть полкварты на первый разъ.

— Добре, сказалъ онъ и вышелъ изъ хаты.

Вскорѣ возвратился онъ съ рюмкою и графиномъ, а за нимъ шла съ тарелкою и полотенцемъ въ рукахъ веселая огородница. Это была самая очаровательная брюнетка, шестнадцати или пятнадцати лѣтъ, стройная, гибкая, какъ молодая тополь; волосы ея, густые, блестящіе, были повязаны черной лентой и украшены свѣжимъ зеленымъ барвинкомъ.

Она накрыла край стола полотенцемъ, поставила тарелку съ какой-то соленой рыбой, положила на столъ два куска бѣлаго хлѣба и улыбнувшись удалилась изъ хаты. Проводивши глазами красавицу, я обратился къ хозяину.

— А что, землякъ! не выпить ли намъ по рюмкѣ водки?

— Чому не выпить? отвѣчалъ онъ и сѣлъ на скамейкѣ.

— Я выпилъ водки и хозяина попотчивалъ; не много погодя, я еще попотчивалъ его и спросилъ:

— Ты, кажется, хозяинъ, служилъ въ солдатахъ?

— Авжежъ служилъ.

— То-то ты такъ важно и по русски говоришь.

— О такъ пакъ! у владимірской губерніи квартирували шесть лѣтъ, та що-бъ не выучиться говорить по русски.

Добрякъ не замѣтилъ моей шутки, за то я ему налилъ еще рюмку водки.

— А что, я думаю, ходилъ и подъ француза?

Этотъ вопросъ я сдѣлалъ ему потому, что замѣтилъ у него голубую ленточку, нашитую на шинели.

— Авжежъ ходывъ! отвѣтилъ онъ.

— Не мало же ты ихъ проклятыхъ пересажалъ на штыкъ?

— А ни одного.

— Отчего же это такъ случилось? не безъ удивленія спросилъ я его.

— Я былъ музыкантомъ, отвѣчалъ хозяинъ.

Это меня еще больше удивило, потому что въ физіономіи его и вообще въ пріемахъ не замѣтно было ничего такого, что обличало-бы въ немъ виртуоза.

— На какомъ же ты инструментѣ игралъ? спросилъ я его.

— На барабанѣ, отвѣчалъ онъ, не измѣняя тону рѣчи.

И на этомъ звучномъ инструментѣ едва ли ты отличался, подумалъ я, глядя на его честный выразительный профиль, а онъ

сидѣлъ себѣ на скамьѣ и согнувшись болталъ ногами, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти. Я разсчитывалъ, и довольно основательно, что услышу отъ него о какихъ нибудь богатырскихъ подвигахъ во время стычекъ, о какой нибудь частной продѣлкѣ, о которой нигдѣ ничего не прочитаешь, даже въ «Запискахъ русскаго офицера», а не тутъ то было: онъ былъ музыкантомъ и въ добавокъ не лгуномъ. Но я все еще не терялъ надежды вызвать его на разсказы, предложивши ему еще рюмку водки, на что онъ охотно согласился, и когда онъ полою шинели вытеръ свои бѣлые усы и крякнулъ, я спросилъ его какъ бы случайно.

— А въ нѣмецкихъ земляхъ и во Франціи таки довелося побывать?

— Довелося. У самій Франціи два года квартирували.

— Кькъ же ты разговаривалъ съ французами?

— По французски, отвѣчалъ онъ, не запинаясь и, не много погодя, продолжалъ.

— Я и по французскому. и по нѣмецкому умѣю. Еще въ десятомъ году, когда ишли мы изъ-подъ турка, одинъ венгеръ выучилъ меня, царство ему небесное! Я, сказавши правду, по всякому умѣю, прибавилъ онъ самодовольно. Напримѣръ, стоимо мы лагеремъ таки подъ самымъ Парижемъ: тутъ и прусакъ, тутъ и цесарець, и агличанинъ, якъ той ракъ червоный, и синеполый шведъ, и Богъ его знае, откудова той шведъ прыйшовъ! до самого Парижа его не видно було, а тутъ мовъ изъ земли выросъ. Отъ воны гуляють по лагерю та межъ собою по своему розмовляють. Отъ, говорять, дасть Богъ, завтра вступимо въ Парижъ, а тамъ, комрадъ, и мახенъ вейнъ, и закусымо, комрадъ, и мамзельхенъ либеръ, и всего въ волю. А я хожу соби межъ ными, усъ покручую да думаю: не хвалитесь, комрады, побачимъ, що съ того буде! Черезъ день, чи черезъ два, одилы насъ, выстроили, перевели черезъ Парижъ церемоніальнымъ маршемъ, не дали и воды напиться; уже верстъ 20 за Парижемъ дали намъ духъ перевести. Отъ я пидхожу до цесарця та й говорю ему по цесарскому: а що, комрадъ, Парижъ важный, говорю, городъ, и вейну, и мамзельхенъ, всего, говорю, въ волю.

— Одеръ дейфель! говоритъ, чтобъ онъ имъ до тла выгоривъ!

— То то—говорю ему по цесарски—не хвалытися було, йдучи на рать.

— А что, землякъ, есть какая нибудь разница между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ? спросилъ я его.

— Малность разныци! такъ что ежели умѣешь добре по нимецьки, то и съ французомъ можно поговорить; малность разныци, повторилъ онъ, покручивая свои бѣлые усы.

Въ это время занавѣска въ нишѣ отдернулась, и вошла въ комнату со свѣчею въ рукахъ та самая женщина, которую я видѣлъ мелькомъ на огородѣ. Это была по городскому опрятно одѣтая, уже не молодая женщина, высокаго роста, съ живыми чертами глубоко впалыми глазами и вообще пріятнымъ выразительнымъ лицемъ. Она поставила на столъ свѣчку, взглянула на моего собесѣдника и, обратясь ко мнѣ, сказала чистымъ великороссійскимъ нарѣчіемъ:

— Не потчуйте его, сдѣлайте одолженіе, а то онъ вамъ и отдохнуть не дастъ.—Иди-ка ты лучше, ложись спать, сказала она, обращаясь къ нему.

— Мовчи ты, капитанша! ма..... отвѣтилъ ей мой собесѣдникъ и мунуту спустя, улыбнувшись, прибавилъ:

— Матери твоій чарка горилки!

Женщина молча посмотрѣла на него и скрылась за занавѣской.

— Что это жена твоя! спросилъ я хозяина.

— Жена, отвѣтилъ онь.

— Зачѣмъ-же ты ее зовешь капитаншею?

— Это я такъ, жартуючи...., а по правди сказать, такъ вона и есть капитанша; да еще не простая, а лейбгвардейская, прибавилъ онъ, какъ-бы про себя, и такъ тихо и скоро, что я едва могъ разслышать и понять.

Меня подстрекало разспросить у него, почему она капитанша, да еще и лейбгвардейка; но онъ такъ невесело опустилъ на грудь свои бѣлые усы, что мнѣ казался всякій вопросъ про капитаншу неумѣстнымъ и даже дерзкимъ.

Недолго мы сидѣли молча, изъ-за занавѣски явилась опять таже женщина и поставила на столъ уху съ какой-то маленькой рыбки, очень вкусно приготовленную. Я поужиналъ, поблагодарилъ хозяевъ и пошелъ въ свой фургонъ спать. Долго я однакожъ не могъ заснуть: мнѣ не давало спать слово капитанша; со мною

впрочемъ это часто случается, да я думаю и со всякимъ: на какомъ нибудь самомъ простомъ словѣ построишь цѣлую драматическую фантазію не хуже прославившагося въ этомъ фантастическомъ родѣ разпочтеннаго N. К. Такъ случилось и теперь: слово капитанша раздѣлилось у меня уже на акты, сцены, явленія, и уже чуть-чуть не развязалася драма самой страшной катастрофой, какъ начали смежаться мои творческія вѣжди, и я заснулъ богатырскимъ сномъ.

Впродолженіе моего путешествія отъ Орла до этой интересной корчмы, я просыпался каждое утро въ дорогѣ. Догадливый Ермолай никогда не будилъ меня, да и не зачѣмъ было будить: я вручилъ ему мою трехрублевую депозитку еще въ Кромахъ, послѣ дорогихъ щей, и онъ всю дорогу разсчитывался за съѣденное и выпитое мною на каждомъ постояломъ дворѣ, а я себѣ спалъ сномъ праведника и просыпался всегда въ дорогѣ. Просыпаясь подъ стукъ колесъ и легкое качанье телѣги, я иногда снова засыпалъ и просыпался уже на постояломъ дворѣ. Послѣ неоконченной драмы на слово капитанша проснулся я на другой день уже не рано и къ немалому моему удивленію не чувствовалъ ни покачиванья телѣги, ни холоднаго утренняго воздуха; прислушивался и не слышалъ ничего вокругъ себя, даже постукиванья колесъ.

Неужели мы уже проѣхали станцію? подумалъ я. Да нѣтъ, не можетъ быть! вѣдь мы должны быть теперь у пріятеля моего въ деревнѣ около Глухова, а не на постояломъ дворѣ; да правда я ему вчера дорогу не разсказалъ, а онъ, дурень, не разбудилъ меня, когда изъ корчмы выѣхали. Рѣшивши такъ мудро сей вопросъ, я снова было задремалъ, но Ермолай, вѣроятно, подслушалъ мое рѣшеніе, подошелъ къ телѣгѣ и сказалъ:

— Баринъ! а баринъ!

— Что Ермолай? отозвался я.

— Вы спите? спросилъ онъ.

— Сплю, отвѣчалъ я.

— Пора вставать.

— Хорошо, встану; не случилось-ли чего нибудь?

— Ничего не случилось; слава Богу, все обстоитъ благополучно.

— Такъ что-же? Ну, и обѣдай съ Богомъ!

— Какой тутъ обѣдъ, баринъ! у насъ нечѣмъ и за вчерашній ужинъ расплатиться: я деньги всѣ, и свои и ваши, израсходовалъ!

— Будто ничего не осталось?

— Ни копѣйки!

— Плохо, подумалъ я, и потомъ спросилъ Ермолая: а лошади у тебя сыты?

— Лошади сыты, дворникъ ничего не знаетъ, отпускаетъ все, что ни спросишь.

— Хорошо; поди-же, скажи ему, чтобы самоваръ нагрѣлъ, я сейчасъ приду.

Ермолай удалился.

Въ трактиръ въ Тулѣ приходитъ ко мнѣ какой-то не совсѣмъ трезвый человѣкъ и предлагаетъ новое одноствольное ружье за три рубли серебромъ. Я, чтобы отвязаться отъ него, посулилъ ему рубль; онъ вышелъ было за двери, не сказавши ни слова; немного погодя, опять вошелъ въ комнату, спросилъ меня, что я шучу съ нимъ или серьезно говорю. Я сказалъ, что серьезно. Онъ немного подумалъ и сказалъ: «а коли серьезно, такъ вотъ вамъ вещь, давайте деньги». Я отдалъ ему рубль, а ружье положилъ на столѣ, не посмотрѣвши даже на него хорошенько, какъ на вещь совершенно мнѣ не нужную. Могъ ли я предвидѣть тогда, что это ружье, почти насильно купленное, разыграетъ такую важную роль, какую я ему теперь назначилъ?

Вылѣзъ я изъ своей подвижной спальни, пошелъ къ колодцу, умылся, охорошился кое-какъ и вошелъ въ комнату. На столѣ уже стоялъ самоваръ, а вчерашняя капитанша вытерла чистымъ полотенцемъ большую чайную фарфоровую чашку. Я привѣтствовалъ ее съ добрымъ утромъ, на что она отвѣчала тѣмъ же.

— А гдѣ же вашъ хозяинъ? спросилъ я.

— А онъ рано еще уѣхалъ къ помѣщику, у котораго мы эту корчму нанимаемъ.

— А какъ прозываютъ этого помѣщика и далеко ли онъ отъ васъ живетъ?

— Отставной ротмистръ NN, а живетъ онъ почти около самаго города.

Да это и есть мой пріятель, моя единая надежда, подумалъ я и, обратясь къ хозяйкѣ, спросилъ, какъ она думаетъ, скоро ли ея хозяинъ возвратится назадъ.

— Я думаю скоро, если его не задержитъ Викторъ Александро-

вичъ: ему тамъ нечего долго дѣлать, отдать деньги и получить бочку водки. Да вамъ что его дожидать, вы и со мною можете разсчитаться.

Въ томъ то и дѣло, что не могу, подумалъ я и вслухъ прибавилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось еще разъ съ нимъ повидаться и побесѣдовать: онъ долженъ быть добрый старикъ.

— Прекрасный человѣкъ! съ замѣтнымъ волненіемъ сказала она.

— Жаль, если я его не дождусь. А впрочемъ мнѣ торопиться некуда.—Не хотите ли со мною чашку чаю выпить?

— Благодарю васъ покорно! мы уже чай пили, говорила она съ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

Мнѣ чрезвычайно нравились въ этой простой женщинѣ: голосъ ея, ея простая и граціозная манера и самая безукоризненная чистота, начиная съ головного платка до башмака. Пока я придумывалъ средство, какъ-бы ее задержать въ комнатѣ, она сложила и положила на столъ полотенце, а сама скрылась за занавѣску.

Напившись чаю, я вышелъ на дворъ полюбоваться весеннимъ апрѣльскимъ утромъ, но это утро уже кануло въ вѣчность, а мѣсто его заступилъ апрѣльскій, теплый, прекрасный полдень. Я обошелъ кругомъ корчму и остановился у изгороди. За изгородью, какъ и вчера, копали гряды мои знакомки.

Я обратился съ вопросомъ къ старшей:

— Что это дочь ваша?

— Дочь! отвѣчала она, но какъ-то не смѣло.

— А какъ ее зовутъ?

— Елена.

— Елена, спросилъ я дѣвушку, умѣешь ли ты играть на гармоникѣ?

— Нѣтъ, не умѣю, отвѣчала она, запинаясь.

— А хочешь, я тебя выучу?

— А гдѣ же вы гармонику возьмете?

— Это не твое дѣло; ты хочешь ли только учиться?

— Хочу, выучите, сказала она, краснѣя.

Я вынесъ гармонику, и лекція началась

Ученица оказалась весьма понятною, чему мать ея замѣтно радовалась.

Мы такъ прилежно занялися гармоникою, что не замѣтили, какъ пріѣхалъ хозяинъ домой и какъ, подходя къ нимъ, крикнулъ:

— Отака повись! люды добри до плащаныци знаменуються, а воны онъ що выробляють!

И подойдя ко мнѣ, онъ взялъ у меня изъ рукъ гармонику, повертѣлъ ее въ рукахъ и сказалъ:

— Славна штука! де вы іи купили?

— Въ Орлѣ, отвѣчалъ я.

— И дорого? спросилъ онъ, отдавая мнѣ гармонику.

— Рубль серебра заплатилъ.

— Гм... А ну, заграй и ты, Олено!

Я подалъ дѣвушкѣ гармонику, и она взяла на ней нѣсколько аккордовъ. Старикъ улыбнулся и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Чи не продажня у васъ оця музыка?

— Продать то я ея не продамъ, а когда хочетъ Елена, такъ я подарю ей эту музыку, а ты, старикъ, коли хочешь, купи у меня ружье.

Старикъ задумался, а я продолжалъ:

— Ружье славное, настоящее тульское.

— А на чорта оно мнѣ ваше тульское ружье, когда я и стрѣлять не умію.

Я отозвалъ его въ сторону и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Онъ выслушалъ меня, усмѣхнулся и весело сказалъ:

— Олено, музыка наша! неси въ хату.

— Только слышите, прибавилъ я: я гармонику дарю, а не продаю.

— Добре, добре! весело говорилъ старикъ: просымо милости въ хату.—Идить и вы, хазяйки мои нечепурни, прибавилъ онъ, обращаясь къ женщинамъ.

Женщины оставили свои гряды, и мы гурьбой отправились въ хату. Впереди важно выступалъ нашъ хозяинъ. Онъ былъ одѣтъ уже не по вчерашнему въ солдатскую шинель, а въ синемъ тонкаго сукна жупанѣ, препоясанъ краснымъ широкимъ поясомъ и въ черной смушевой высокой шапкѣ; въ этомъ нарядѣ онъ былъ похожъ на стариннаго малороссійскаго горожанина, или на зажиточнаго козака.

Мимоходомъ я шепнулъ Ермолаю, чтобы онъ закладывалъ лошадей; а войдя въ хату, я спросилъ хозяина, засталъ ли онъ дома Виктора Александровича. Онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ на самый обыкновенный вопросъ, что засталъ дома и что онъ собирается къ какому то сосѣду на праздникъ.

— Сказано, холостой человѣкъ, одинокій, прибавилъ хозяинъ: то ему и праздникъ не въ праздникъ. Всего у него наварено, напечено, наготовлено, и не съ кѣмъ пообѣдать.

— А вы, добродію, жонати, чи ни? спросилъ меня хозяинъ.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Женитесь, добродію, непремѣнно женитесь, бо скучно буде старитыся одинокому.

Пока мы разговаривали съ хозяиномъ, хозяйка накрывала на столъ, а Елена за занавѣской играла на гармоникѣ. Когда уже на столъ были поставлены водка и закуска, въ это время вошелъ въ комнату Ермолай и сказалъ, что лошади готовы. Я велѣлъ ему принести ружье, а тѣмъ временемъ распрашивалъ, какъ ближе проѣхать къ Виктору Александровичу. Хозяинъ, расказавши мнѣ со всѣми подробностями дорогу, предложилъ выпить рюмку водки и закусить на дорогу. Я отказался, ссылаясь на великую субботу, а въ сущности потому, что было еще рано. Хозяинъ отказался отъ моего ружья и предложилъ деньги за гармонику. Я, разумѣется, тоже отказался. Онъ и жена все еще упрашивали меня выпить и закусить на дорогу, прибавляя, что Богъ проститъ дорожнему человѣку и тому подобное; я однако къ не поддался ихъ доводамъ, простился въ ними, какъ съ старыми знакомыми, и поѣхалъ искать хуторъ Виктора Александровича.

Не доѣзжая версты двѣ до города Глухова, въ правой сторонѣ отъ большой дороги чернѣетъ небольшая березовая роща, а къ этой рощицѣ вьется маленькая дорожка. Эта дорожка привела меня прямо къ усадьбѣ Виктора Александровича.

Усадьба или хуторъ Виктора Александровича скрывался, какъ за скромною занавѣсью, за той рощей. Когда мы приближались къ рощѣ, мнѣ послышался какой-то неопредѣленный шумъ. Шумъ усиливался по мѣрѣ нашего приближенія; еще немного, и я явственно могъ разслушать, что шумъ этотъ происходилъ отъ каскада падающей воды. И дѣйствительно я не ошибся. Между бѣлыми березовыми стволами кое-гдѣ просвѣчивала блестящая вода. По выѣздѣ изъ рощи передо мною открылся широкій прудъ и плотина, полузакрытая старыми огромными вербами; по ту сторону пруда, почти у самаго берега, выглядывали изъ-за деревьевъ бѣлыя хатки и отражалися въ водѣ; между крестьянскими хатками бѣлѣла подъ почернѣвшей соломенной крышей, съ гнѣздомъ гайстра или аиста, большая, о четырехъ

окнахъ, панская хата или будынокъ, а передъ нею стоялъ огромный развѣсистый вязъ; за хуторомъ по косогору раскинулся фруктовый садъ, окруженный старыми березами; на самомъ косогорѣ на фонѣ голубаго неба рисовалась вѣтряная мельница о шести крылахъ, а влѣво отъ мельницы, за пологой линіей косогора, на самомъ горизонтѣ въ фіолетовомъ туманѣ едва замѣтно рисовался городъ Глуховъ.

Между вербами вдоль плотины медленно прохаживался самъ хозяинъ этого скромнаго пейзажа въ смушевомъ тулупѣ, крытомъ сѣрымъ нѣмецкимъ сукномъ, подпоясанный краснымъ поясомъ и въ черной смушевой шапкѣ. Увидя мой фургонъ, выдвигавшійся изъ рощи, онъ остановился и, заслонивъ рукою, какъ-бы козырькомъ, глаза отъ солнца, смотрѣлъ на мой неуклюжій экипажъ.

— Викторъ Александровичъ! закричалъ я ему, не показываясь изъ своей буды.

Онъ сталъ всматриваться еще внимательнѣе.

— Здоровы-ли вы, Викторъ Александровичъ! закричалъ я ему, все еще не показываясь.

— Да какая-же сатана кричитъ тамъ и не вылазитъ на свѣтъ Божій? отозвался онъ, какъ-бы сердясь.

— Это не сатана, а это я, Викторъ Александровичъ, говорилъ я, вылѣзая изъ телѣги.

— Такъ ты-бы такъ и говорилъ! а то кричитъ, кричитъ, а не показывается, проговорилъ онъ,—и мы обнявшись поцѣловались.

— Ай да молодецъ! восклицалъ онъ: ай да козакъ! Спасибо, спасибо, а я уже думалъ, что ты непремѣнно обманешь. Думалъ ужъ было сегодня на ночь пуститься къ Семену Максимовичу праздникъ встрѣчать, а вотъ ты и пріѣхалъ. Спасибо, спасибо тебѣ, теперь не нужно и фракъ доставать.

— Ну, какъ вы поживаете? что подѣлываете, Викторъ Александровичъ?

— Да что подѣлываю! Вотъ другая недѣля, какъ поднялъ шлюзъ да и гуляю день и ночь на греблѣ, какъ собака на цѣпи. Богъ его знаетъ, откуда эта вода прибываетъ, такъ и поддаетъ, и поддаетъ! говорилъ онъ и, взявши меня подъ руку, прибавилъ:

— Ну, теперь просимо до хаты; а ты пріятель, сказалъ онъ, обращаясь къ Ермолаю, отправляйся прямо на конюшню, спроси тамъ кучера Артема и бери у него все, чего душа твоя пожелаетъ.

Панская хата, какъ снаружи, такъ и внутри, отличалась только своими размѣрами и ничѣмъ больше, да и самъ панъ, правду сказать, малымъ чѣмъ разнился отъ своихъ подданныхъ; развѣ только тѣмъ, что носилъ красную шелковую рубашку и черные плисовые шаровары, а по праздникамъ надѣвалъ фракъ и ѣздилъ обѣдать къ своему церемонному сосѣду,—больше ничѣмъ. Воспитывался онъ, правда, въ нѣжинскомъ лицеѣ въ одно время съ незабвеннымъ нашимъ Гоголемъ, потомъ служилъ въ какихъ-то гусарахъ и служилъ съ такимъ успѣхомъ, что и тѣни въ немъ не осталось прежняго воспитанія. Онъ ужъ лѣтъ пять какъ оставилъ службу, но и теперь не прочь былъ погусарить при удобномъ случаѣ и жаловался только на упадокъ физическихъ силъ, т. е. на головную боль послѣ попойки; но это, я думаю, происходило вслѣдствіе недостатка практики. Какъ настоящій бандуристъ, игралъ онъ на бандурѣ и въ часы досуга занимался сочиненіемъ чувствительныхъ малороссійскихъ романсовъ, изъ числа которыхъ одинъ положенъ на музыку извѣстнымъ нашимъ композиторомъ Глинкою; а чтобы сохранить самобытность въ литературѣ, не читалъ онъ ровно ничего, кромѣ басенъ Федра, переведенныхъ во время оно знаменитымъ Барковымъ, да еще кое-когда заглядывалъ въ «Царь или спасенный Новгородъ» Хераскова. Словомъ сказать, онъ совершенно оградилъ себя отъ всякаго подражанія на поприщѣ литературы. Для полноты его характера надо прибавить, что, ведя уединенную жизнь въ самыхъ привольныхъ мѣстахъ для охотника, онъ былъ заклятый врагъ охоты и охотниковъ называлъ не иначе, какъ живодерами и псарями.

Пріятель мой не отличался изящными манерами и привлекательной наружностью, но въ его смугломъ, изрытомъ оспою лицѣ было столько веселаго прямодушія, что нельзя было смотрѣть на него безъ удовольствія, оообенно когда онъ разсказывалъ какой нибудь малороссійскій анекдотъ, или передразнивалъ кого нибудь изъ своихъ сосѣдей: самой естественной мимикой владѣлъ онъ въ высшей степени.

Былъ онъ уже мущина не первой молодости, но нельзя было назвать его и старымъ холостякомъ, хотя онъ уже близился къ категоріи сихъ послѣднихъ. Онъ такъ освоился съ одиночествомъ, что о женитьбѣ и помину не было. На современное воспитаніе ба-

рышень вообще и сосѣдокъ въ особенности онъ смотрѣлъ по своему, т. е. косо и, судя по его оригинальному взгляду на предметы, нельзя было предполагать, чтобы онъ когда нибудь женился, а вышло иначе; не дальше, какъ чрезъ годъ послѣ моего свиданія съ нимъ, онъ женился и какъ въ литературѣ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, поступилъ самобытно.

Нужно прибавить, что среди своихъ «подданныхъ» онъ былъ, какъ отецъ среди семейства: бралъ отъ нихъ только то, что ему необходимо было для дневнаго существованія, прихотей-же не зналъ никакихъ и вообще его расходы были чрезвычайно ограниченны; съ этой стороны онъ былъ достоинъ подражанія.

— Бабусю! крикнулъ хозяинъ, войдя въ хату.

На зовъ его вошла опрятная чистенькая старушка въ деревенскомъ платьѣ.

— Самоваръ! чаю! и прочее..... догадалась?

Старушка кивнула утвердительно головою и вышла изъ хаты.

— Какой-же ты добрый человѣкъ, если-бы ты зналъ, такъ просто я и сказать не умѣю! говорилъ онъ, обнимая и усаживая меня на дубовую широкую лаву или скамью.—Да этакого другаго человѣка и съ фонаремъ теперь не найдешь: дать слово и сдержать его! право не найдешь!

Я молча пожималъ ему руку и кивалъ головою. Пока мы мѣнялись любезностями, тѣмъ временемъ зашумѣлъ самоваръ на столѣ и опрятная бабуся вытирала стаканы, а хозяинъ, оставя меня, принялся раскупоривать бутылку, на ярлыкѣ которой красовались готическія буквы, изображавшія слово «коньякъ».

— Жаль, что не засталъ ты здѣсь стрѣлковаго батальона, говорилъ онъ, ставя на столъ раскупоренную бутылку: на прошлой недѣлѣ выступилъ только; а что за лихіе ребята, большею частію шведы! Чудо, что за народъ: воспитанные, образованные, а ужъ кутнуть или загнуть уголъ, такъ просто, что твои гусары, особенно поручикъ Штремъ, просто геніальная голова.

Пока онъ воздавалъ похвалы поручику Штрему и компаніи, бабуся налила въ стаканы чаю, и мы подсѣли къ столу. Послѣ перваго стакана чаю Викторъ Александровичъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Разскажи-же ты мнѣ про свое путешествіе: вѣдь ты человѣкъ наблюдательный; я думаю, много интереснаго подмѣтилъ.

— Самое интересное, сказалъ я, изъ всего моего путешествія— это ваша корчма около Эсмани, а особенно корчмарь, вашъ посессоръ.

— А, это Омелько Туманъ! Такъ вы таки познакомились съ нимъ?

— Я у него ночевалъ, да еще въ добавокъ и въ долгъ.

— Какъ такъ въ долгъ?

Въ отвѣтъ я разсказалъ ему исторію моихъ финансовъ.

— Плохо! замѣтилъ онъ разсѣянно и, не много помолчавъ, сказалъ:

— А знаете-ли, этотъ старый инвалидъ, Омелько Туманъ презамѣчательный человѣкъ и въ добавокъ оригиналъ совершенно въ малороссійскомъ характерѣ. Онъ не разсказывалъ вамъ про свое знакомство сь Блюхеромъ, или какъ они чрезъ Парижъ промаршировали?

— Про Парижъ разсказывалъ, а про Блюхера нѣтъ.

— Какъ-же это такъ! вѣрно жена помѣшала.

Я подтвердилъ его догадку.

— И онъ вѣрно назвалъ ее капитаншею?

— Дѣйствительно такъ.

— Видишь, какъ я изучилъ моего арендаря или, какъ ты говоришь, посессора. Знай-же, что подъ этой грубой корою скрывается самая возвышенная, самая благородная душа. Жена его, которую онъ шутя называетъ капитаншею, это его воспитанница съ самого нѣжнаго дѣтства. Я вамъ на досугѣ разскажу эту исторію; онъ сослуживецъ и однополчанинъ моего отца, и покойникъ мой безъ сердечнаго умиленія не могъ разсказывать его похожденій. А лучше всего я подарю тебѣ рукопись, написанную со словъ покойнаго батюшки; тамъ ты не найдешь ни одного слова фантазіи, нагая истина. Я думалъ было напечатать ее, да послѣ раздумалъ. Пожалуй, еще какой нибудь баронъ Брамбеусъ остриться на меня вздумаетъ или просто назоветъ ее пустой выдумкой, а это для меня пуще ножа остраго; а ты ее, пожалуй, напечатай, только подъ своимъ именемъ, чтобы я былъ въ сторонѣ. Я завтра-же ее тебѣ доставлю; она у меня гдѣ-то спрятана; я самъ не помню, надо спросить у бабуси: бабуся у меня всему хозяйка. А дочку его видѣлъ? прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Видѣлъ, сказалъ я.

— Что? не правда-ли красавица?

— Дѣйствительно красавица, и хоть она одѣта по крестьянски, но нисколько не похожа на крестьянку.

— На крестьянку! Гм..... она похожа на царевну, а не на крестьянку! А какъ ты думаешь, прибавилъ онъ, пристально глядя мнѣ въ глаза: можно-ли такому важному человѣку, какъ напримѣръ я, назвать ее своею женою, а?

— Почему-же и не такъ, сказалъ я: если она и во всемъ такъ прекрасна, какъ наружностью.

— Рѣшительно во всемъ, сказалъ онъ восторженно. Я сердечно радъ, что встрѣтилъ хоть одного человѣка однихъ мыслей со мною на счетъ истинной независимой семейной жизни, а то приличіе да приличіе, и вся жизнь основана на взаимномъ обманѣ, т. е. приличіи. Провались они съ своимъ приличіемъ! прибавилъ онъ, допивая стаканъ чаю.

— Одно, что мнѣ въ ней показалось страннымъ, говорилъ я.

— А что такое?

— А то, что она для корчмы слишкомъ невинна; она, напримѣръ, до сегоднишняго дня не знала о существованіи гармоники— настоящая дикарка!

— Вотъ именно это мнѣ въ ней и нравится! Какъ-же это она сегодня сдѣлала такое великое открытіе? ужъ не съ вашей-ли помощью?

— Именно съ моею. Я подарилъ ей гармонику.

Радушный хозяинъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья и, покручивая усы, сказалъ:

— Чертъ васъ носитъ съ вашими гармониками! только добрыхъ людей развращаете. Ну, скажи на милость, къ лицу-ли ей, такой принцессѣ, твоя глупая гармоника? Вѣдь она ее обезобразитъ; это все равно, что орловскую увѣсистую бабу посадить за клавикорды Лихтенталя. Сегодня-же отберу и въ печку брошу!

— Бабусю! крикнулъ онъ.

Вошла бабуся.

— Пошлите въ корчму Максима, чтобы онъ принесъ мнѣ музыку..... или нѣтъ, не нужно: я самъ поѣду.

И хозяинъ поспѣшно надѣлъ шапку и, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— Бабусю! найди та отдай имъ ту синюю бумагу, помнишь, что янедавно читалъ Ильѣ Карповичу?

— Помню, сказала бабуся. Хорошо, что вы сказали, а то я хотѣла ее сегодня употребить по хозяйству.

— И хорошо-бы сдѣлала. Отдай-же теперь имъ, когда не успѣла въ дѣло употребить. Прощайте! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вышелъ, порядочно хлопнувъ дверью.

Мнѣ было какъ-то неловко, такъ неловко, что я думалъ было позвать Ермолая и велѣть вооружить колесницу, но раздумалъ, потому именно, что не на что было подняться; волею не волею я долженъ былъ извинить оригинальной и совершенно хуторянской выходкѣ моего Амфитріона, а себя оправдывалъ тѣмъ, что и не такія выходки намъ частенько въ жизни приходится извинять и не только по службѣ, а такъ, какъ говорится, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ и даже безъ всякихъ обстоятельствъ. Пока я предавался такимъ великодушнымъ мыслямъ, бабуся принесла и положила передо мною на столъ довольно объемистый свертокъ синей бумаги, перевязанной розовой ленточкой, и молча начала убирать со стола стаканы. Закуривши сигару (я въ то время еще курилъ сигары), я развязалъ и развернулъ свертокъ, сѣлъ около стола на лавѣ съ умысломъ, не позволяя себѣ никакого комфорта или просто горизонтальнаго положенія, чтобы не сдѣлать въ своемъ родѣ не вѣжливости и не заснуть предъ лицемъ автора на первой-же страницѣ его скромнаго творенія.

Я принялся читать. Заглавіе было такое:

Капитанша или великодушный солдатъ. Разсказъ самовидца.

Даровавши миръ Европѣ, войска нами маршировали во своя-си; въ томъ числѣ маршировалъ и нашъ удалый пѣхотный полкъ №. Полковый адъютантъ нашъ былъ хватище на всѣ руки: напримѣръ наша братья простота спустили все нѣмкамъ да француженкамъ, иной и родительское благословеніе хватилъ по боку сгоряча, а онъ себѣ втихомолочку копилъ денежку за денежкой, да разныя, какъ мы тогда называли, бездѣлушки собиралъ, а эти бездѣлушки были не что иное, какъ рѣдкости: золото и алмазъ—больше ничего! Между прочими рѣдкостями вывезъ онъ на родину и жокея француза или, какъ онъ еще его называлъ, пажа.

Ну, жокей или пажъ, это совершено все равно, дѣло только въ томъ, что этотъ пажъ былъ удивительной красоты мальчикъ и стыдливъ, какъ самая непорочная дѣвица. Звалъ онъ его Альфредомъ или Альбертомъ, не помню хорошенько, а только знаю, что полковые музыканты называли его Володькой, а за музыкантами, признаться, и наша братія, офицію имѣющіе, тоже его Володькой называли: свое родное, знаете, какъ то къ сердцу ближе, особенно когда не побываешь на родинѣ годика два, три. Вѣрите-ли, когда мы вступили въ предѣлы Россіи, то первый постоялый дворъ, какъ онъ не грязенъ, мнѣ показался лучше всякаго французскаго отеля. Все это конечно предразсудокъ, но какъ для кого, а для меня этотъ самый предразсудокъ имѣетъ свою какую-то прелесть. Адъютантъ нашъ жилъ, какъ вообще живутъ скупцы, т. е. на замкѣ. У него бывали товарищи развѣ только за дѣломъ и то за весьма важнымъ дѣломъ, слѣдовательно его домашняя жизнь мало кому была видима; носились однакожъ слухи, что онъ вмѣстѣ съ Володькой и чай пьетъ и ужинаетъ (обѣдалъ онъ каждый день у полкового командира), но это были пока только слухи. Одинъ единственный человѣкъ, который ежедневно посѣщалъ квартиру адъютанта—это барабанный староста. Онъ приходилъ къ нему не столько по обязанности, сколько для Володьки.

Барабанный староста этотъ былъ природный нашъ братъ хохолъ и оригиналъ, какого мнѣ другого и встрѣчать не удавалось. Онъ вообразилъ себѣ, что лучше его не только во всемъ полку, во всемъ корпусѣ никто французскаго и нѣмецкаго языка не знаетъ, а когда спросишь-его, бывало, есть-ли какая разница между языками французскимъ и нѣмецкимъ, онъ пресерьезно отвѣтитъ.

— Малность! ежели кто добре знае французскій языкъ, то можетъ говорить и по нѣмецки.

И этотъ то чудакъ во время похода взялся выучить Володьку русскому языку; а онъ столько же зналъ русскій языкъ, сколько нашъ хуторянинъ, не видавшій русской бороды никогда; хотя староста квартировалъ шесть лѣтъ во владимірской губерніи, но это ему мало помогло: онъ все таки остался настоящимъ хохломъ. Если бы Володька вздумалъ серьезно отъ него поучиться русскому языку, то былъ бы похожъ на того англичанина, съ которымъ вышелъ такой казусъ. Вздумалось ему выучиться по русски говорить; онъ,

чтобы достигнуть скорѣе своей цѣли, поселился на лѣто въ деревнѣ и договорился съ попомъ, чтобы тотъ его выучилъ къ зимѣ настоящему коренному русскому языку, а попъ его и выучилъ церковному нашему языку. Англичанинъ зимою возвращается въ столицу и въ модномъ салонѣ отпустилъ какое-то *бо мо* на церковномъ языкѣ. Барыня такъ и покатилась со смѣху. Англичанинъ оторопѣлъ: онъ совсѣмъ не такого ожидалъ эффекта отъ своего *бо мо;* переконфузился, бѣднякъ, и не могъ понять, чтобы это значило, да послѣ уже ему растолковали.

Съ французикомъ Володькой могло случиться тоже самое, что и съ чудакомъ британцемъ. Однакожъ этого не случалось, а случилось вотъ что: впродолженіи похода французикъ, не смотря на угрюмый и молчаливый нравъ барабанщика, такъ къ нему привязался, какъ только можетъ привязаться дитя къ матери. Чудныя вещи совершаются въ природѣ: на примѣръ Туманъ, барабанный староста (такъ онъ прозывался, и мы его такъ будемъ называть) былъ совершенно не въ французскомъ характерѣ человѣкъ, а полюбился вѣтренному французу, да еще какъ полюбился! просто какъ родной. Есть что-то тайное, незримое, намекающее намъ на наше будущее несчастье, но мы не въ силахъ понять эти нѣмые намеки, а потому и страдаемъ. Французу тоже его ангеломъ хранителемъ была подсказана эта симпатія къ человѣку простому, грубому, чуждому, казалось, всякаго возвышеннаго чувства; а вышло, что всѣ мы ошиблись, а французъ угадалъ.

Володя или французикъ, какъ я сказалъ, былъ скромный и даже застѣнчивый мальчикъ со всѣми, кромѣ Тумана, а съ нимъ онъ такія штуки выдѣлывалъ, какъ можетъ случалось вамъ видѣть играющаго молодаго котенка съ старымъ котомъ. Что-бы ни сдѣлалъ молодой котенокъ, старый только глаза жмуритъ. Такъ и Туманъ: что бы не выдѣлывалъ съ нимъ Володя, онъ только смотритъ на него и улыбается. Развѣ ужъ очень онъ ему надоѣстъ своими шалостями, или просто отдохнуть не дастъ послѣ ротнаго ученья и покурить трубку на свободѣ, такъ онъ поворотится на другой бокъ и проговоритъ: «а шобъ ты ему опряглось»...., да не кончивши нехорошей фразы, остановится, перекрестится и скажетъ: «Господи! прости меня грѣшнаго, оно сирота да еще на чужинѣ, а я его лаю»,—и какъ бы уставши ни былъ, встанетъ, пойдетъ

достанетъ гдѣ нибудь творогу и прочаго и приметсл вареники лѣпить длл своего Володи, чтобы тѣмъ хоть сколько нибудь загладить вину свою передъ нимъ. Адъютантъ хоть видимо и не поощрялъ, но въ тайнѣ былъ доволенъ взаимной ихъ привязанностью, да иначе и быть не могло. Володька что еще?—почти дитя, да еще между чужими людьми, долго ли избаловаться? Къ такому возрасту все льнетъ одинаково: и худое, и хорошее, а онъ былъ увѣренъ, что отъ Тумана пажъ не выучится ничему худому, потому что Туманъ во всемъ полку слылъ за человѣка самого аккуратнаго и самаго честнаго; а что онъ угрюмый, такъ это ничего; иной и ласково смотритъ, а кусаетъ, какъ гіена.

Вступивши въ предѣлы нашего возлюбленнаго отечества, остановились мы на зимнія квартиры. Володя началъ скучать и какъ-то чудно перемѣнился въ лицѣ. А что еще чуднѣе, такъ это то, что онъ своего широкаго плаща никогда не снималъ, такъ и спалъ въ плащѣ. И никогда уже не игралъ, какъ котенокъ, съ своимъ угрюмымъ другомъ, а упадетъ къ нему на грудь, да такъ и обольется слезами. Туманъ хотя всячески баловалъ и старался его развеселять, но мало успѣвалъ. Мы думали сначала, что это просто тоска по родинѣ, больше ничего, и что со временемъ пройдетъ; вышло иначе. Адъютантъ, взявши отпускъ, уѣхалъ съ родными повидаться, а Володѣ нанялъ въ мѣстечкѣ у жида квартиру и оставилъ его на попеченіи барабаннаго старосты. Мы этому тоже не могли надивиться. Отчего бы не взять мальчика съ собой! Онъ все бы таки немного поразсѣялся. Мы приписали это скупости адъютанта, больше ничему.

Не знаю почему, но французенокъ этотъ насъ всѣхъ интересовалъ, въ особенности меня. Въ немъ было что-то привлекательное, симпатическое; и когда онъ остался безъ своего патрона и не показывался на улицѣ, то я какъ будто что то потерялъ и всякій разъ, когда увижу Тумана, спрашивалъ о французѣ. Туманъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что Володя скучаетъ, а потомъ началъ отвѣчать, что Володя «не здужае». Много разъ подмывало меня зайти провѣдать Володю да поговорить съ нимъ о его родномъ Парижѣ; можетъ быть, ему и легче бы стало. Такъ чтожъ вы будете дѣлать съ глупою фанаберіею? Какъ дескать я, будучи офицеръ, пойду съ визитомъ къ какому нибудь, положимъ себѣ, хоть и французу

а все таки лакею. О воспитаніе! Съ отъявленнымъ чиновнымъ негодяемъ мы привѣтливо раскланиваемся на улицѣ, принимаемъ у себя въ домѣ съ самою обязательной улыбкой, предлагаемъ стулъ и первое мѣсто за семейнымъ столомъ и не боимся, что эта ядовитая тварь своимъ дыханіемъ заразитъ дѣтей нашихъ; а встрѣчается съ нами на улицѣ простой человѣкъ, нечиновный, который своимъ безкорыстіемъ и прямотою, быть можетъ, намъ же оказывалъ услуги, да мы на него и не взглянемъ, а если и взглянемъ, то такъ благосклонно, что лучше бы и не взглядывали. И это у насъ называется приличіе! Мерзость, ничего больше! Мы хуже браминовъ: тотъ по крайней мѣрѣ издыхать будетъ, а у парія воды не попроситъ, что бы не быть ему ничѣмъ обязаннымъ. А мы!... впрочемъ на эту тему цѣлые томы написано, такъ не лучше-ли оставить, потому что я ничего новаго сказать не умѣю, да и замѣчено не разъ, что великіе теоретики не всегда бываютъ такіе же практики. Я это говорю въ отношеніи филантроповъ и моралистовъ; а чтобы не попасть въ эту же категорію, то я возвращаюсь къ французику Володѣ.

Прошло мѣсяца два послѣ отъѣзда адъютанта; онъ въ полку не имѣлъ никакого близкаго или пріятеля, слѣдовательно мы объ немъ никакихъ извѣстій не имѣли. Квартировалъ я вмѣстѣ съ нашимъ штабъ-лекаремъ и сидимъ себѣ вдвоемъ въ вечеру да читаемъ какую-то французскую книгу, не помню, какую именно; только деньщикъ докладываетъ, что барабанный староста проситъ позволенія войти.

— Позови, говорю.

Туманъ вошелъ блѣдный и перепуганный.

— Что скажешь, Туманъ? спросилъ я.

— Къ ихъ высокоблагородію.

— Что же тебѣ нужно? спросилъ лекарь.

— Володька умираетъ, ваше высокоблагородіе! Помогите! Только это не Володька, ваше высокоблагородіе, а женщина.

— Какъ женщина? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Такъ просто женщина и теперь страдаетъ родами.

Лекарь наскоро одѣлся и ушелъ вслѣдъ за Туманомъ. Долго онъ не возвращался, или это, быть можетъ, такъ мнѣ показалось потому что я его съ нетерпѣніемъ ожидалъ; наконецъ онъ пришелъ.

— Ну, что! спросилъ я его.

— Ничего, разрѣшилась, отвѣчалъ онъ; младенецъ здоровъ, будетъ живъ, а она бѣдная сильно пострадала, едва ли выдержитъ.

По утру пришелъ Туманъ и объявилъ намъ, что она умерла вскорѣ послѣ ухода ихъ высокоблагородія.

— Дали знать о случившемся полковому командиру. Тотъ велѣлъ на другой день похоронить ее и предать это дѣло забвенію. Полковница хотѣла было взять дитя на воспитаніе, но Туманъ не уступилъ.

— Я предъ Богомъ буду отвѣчать за это дитя; мать, когда умирала, то цѣловала мои руки и все на дитя показывала, т. е. просила, чтобы не покидать ея дитя, и я не долженъ покидать его, говорилъ онъ; и такъ сдѣлалъ: съ помощью фактора въ тотъ же день нашелъ кормилицу, передалъ ей ребенка и заплалилъ деньги.

Хотѣлось намъ узнать, кто такая была покойница, но ничего не узнали: бумагъ никакихъ при ней не оказалось,—должно быть, или какая нибудь кочующая актриса, или просто изъ моднаго магазина субретка, Богъ ее знаетъ.

Теперь я думаю не совсѣмъ еще поздно будетъ познакомить васъ покороче съ моимъ неуклюжимъ героемъ; но лучше поздно, нежели никогда, говоритъ мудрая пословица.

Въ 1809 году запасныя войска наши были расположены частью въ Бессарабіи, частью въ херсонской губерніи, въ томъ числѣ и нашъ полкъ. Я тогда только что кончилъ курсъ наукъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ; меня едва обмундировать успѣли, какъ послали въ дѣйствующую армію, т. е. въ запасныя войска. Прибылъ я въ полкъ, поступилъ въ роту; ротный командиръ и поручилъ мнѣ, между прочими занятіями, только что прибывшихъ въ роту съ полсотни рекрутъ обучить фронту. Въ числѣ рекрутъ былъ и Туманъ.

Едвали самая упрямая цыганская кляча перенесла столько побоевъ, сколько этотъ бѣдный рекрутъ, а дѣло впередъ не подвигалось ни на шагъ: наука парню не далась, шесть мѣсяцевъ прошло, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало; собою-жъ онъ былъ видный, здоровый, молодой, безо всякаго качества, какъ говаривалъ капралъ, только съ норовомъ. А правду сказать, такъ мы сами снаровки не знали, какъ обращаться съ рекрутами, особенно съ

моими земляками. Владиславлевъ въ то время не издавалъ еще памятной книжки для штабъ и оберъ-офицеровъ, въ которой помѣщено весьма дѣльное наставленіе доктора N. на этотъ предметъ. Вскорѣ былъ заключенъ съ турками миръ, и нашему полку приказано было двигаться во внутрь Россіи. И такъ мы на Туманѣ только напрасно хворостъ переломали. Наша рота двигалась вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, слѣдовательно и съ полковой музыкой. Походомъ нашъ недобитый рекрутъ познакомился съ барабанщикомъ; тотъ и давай ему на дневкахъ открывать таинства своего искусства. Что же вы думаете? Не дошли мы еще до назначеннаго мѣста, какъ нашъ Туманъ или, какъ солдаты ето называли, медвѣдь, выбивалъ на барабанѣ зорю, да такъ искусно, что самъ учитель завидовалъ. Ротный командиръ видитъ, что медвѣдь не совсѣмъ безтолковъ, предложилъ ему быть форменнымъ барабанщикомъ. Туманъ охотно согласился и съ такимъ жаромъ и, можно сказать, увлеченіемъ предался своему любимому искусству, что когда подъ Бородинымъ убили у насъ барабаннаго старосту, то онъ занялъ его мѣсто. Что значитъ призваніе! Уразумѣй мы въ немъ это призваніе съ самаго начала и фура хворосту не пропала бы даромъ.

Послѣдующія событія въ служебной и частной жизни моего героя не такъ примѣчательны, чтобы ихъ стоило описывать; развѣ только разсказать о томъ, какъ онъ, если вѣрить его собственнымъ словамъ, познакомился съ Блюхеромъ, какъ Блюхеръ по нѣмецки предлагалъ ему стаканъ шнапсу и какъ Туманъ по нѣмецки же отъ шнапсу отказался и попросилъ у его высокопревосходительства стаканъ вейну, въ чемъ, разумѣется, ему не было отказано. Принимая въ соображеніе характеръ знаменитаго полководца, все это могло случиться такъ, какъ расказывалъ Туманъ; но я какъ не былъ свидѣтелемъ этой сцены, то и не ручаюсь за истину этого курьезнаго происшествія.

Святое то времячко было для нашего брата военнаго человѣка! Бывало, какъ поставятъ полкъ на зимнія квартиры, такъ тутъ онъ и корни пуститъ: зимъ десять съ мѣста не сойдетъ, такъ что наша братія на половину переженится; что я говорю на половину?—всѣ переженятся, если только невѣстъ въ околоткѣ хватитъ. Да, въ то время невѣсты не засиживались, какъ теперь. Да что теперь? Не успѣетъ полкъ, какъ говорится, мѣста нагрѣть, глядь, его турнутъ

на другой конецъ Россіи; какая тутъ женитьба? Дай Богъ познакомиться какъ нибудь! А солдатъ тогда просто блаженствовалъ! Иной ловкій парень такъ уживется съ хозяевами, что просто дѣлается членомъ семейства, если не больше. Одно только что было больно не по нутру нашимъ солдатикамъ, это форма, т. е. обмундированіе. И дѣйствительно, страшно было смотрѣть, когда его бѣдного одѣваютъ въ полную боевую аммуницію: два одѣваютъ третьяго, а когда одѣнутъ и поставятъ на ноги, такъ ужъ стой; а ужъ если, Боже сохрани, споткнулся да упалъ, такъ ужъ такъ и лежи: самъ не встанешь; нужно опять два человѣка, чтобы поставить его на ноги. А ко всему этому прибавьте бѣлаго сукна шинели; это такая была обуза для солдата, что онъ бѣдный не зналъ, что съ нею дѣлать; вмѣсто того, чтобы защищаться отъ непогоды шинелью, онъ долженъ ее защищать. Въ настоящее время русскій солдатъ въ отношеніи обмундировки просто богдыханъ китайскій. Мундиръ только его немножко безобразитъ; ну, да и этотъ недостатокъ со временемъ замѣнятъ чѣмъ нибудь поблагопристойнѣе.

Кто про что, а солдатъ про амуничку; такъ и я: увлекся крагами да кутасами, а о главномъ то и забылъ. Вотъ какъ было.

По обычаю того времени, полкъ нашъ прозимовалъ въ однѣхъ и тѣхъ же квартирахъ восемь зимъ слишкомъ. Варочка (такъ называлъ Туманъ свою воспитанницу) росла не по днямъ, а по часамъ. И что это за прелестное дитя было! просто совершенство дѣтской красоты. Вотъ уже пятый десятокъ коротаю, а не видалъ еще другаго такого очаровательнаго дитяти. И ко всему этому тихое, скромное, совершенный ангелъ небесный. Оно если позволяло себѣ иногда дѣтскую рѣзвость, такъ только съ однимъ своимъ татомъ (такъ называла она угрюмаго Тумана); въ свою очередь и самая нѣжная мать не можетъ ласковѣе улыбаться своему дитяти, какъ угрюмый Туманъ улыбался, лаская свою кудрявую Варочку. Мнѣ часто случалось его видѣть, сидящаго подъ хатою на завалинѣ и ласкающаго на колѣняхъ свою Варочку. Мнѣ всегда эта сцена напоминала прекрасную гравюру, изображавшую усатаго рыцаря въ кольчугѣ съ прекраснымъ младенцемъ на рукахъ; дитя треплетъ его за усы, а онъ ему ласково улыбается. Точь въ точь Туманъ съ своею Варочкою. Счастливый Туманъ! А правду сказать, онъ вполнѣ заслуживалъ этого счастія.

Взявши на свое попеченіе дитя, онъ началъ съ того, что перестал курить трубку и пить водку. Хотя онъ не былъ никогда записнымъ пьяницею, но при случаѣ отъ добрыхъ людей не отставалъ. Отказавшись отъ единственныхъ прелестей солдата, онъ все-таки немного уэкономилъ для своей Варочки: простыми ломовыми трудами въ жидовскомъ мѣстечкѣ не много возьмешь; нужно было подумать о какомъ нибудь ремеслѣ. Вотъ онъ, понадумавшись хорошенько, принялся сапоги точать. Точаетъ онъ ихъ годъ, другой, а на третій приноситъ мнѣ показать опойковые сапоги собственнаго издѣлія, да какіе сапоги, я вамъ скажу! хоть столичному мастеру, такъ въ носъ бросятся. Я, признаться, не повѣрилъ его досужеству и велѣлъ ему сдѣлать для себя сапоги, онъ и сдѣлалъ. Посмотрю, еще лучше: на ногѣ сидитъ просто, какъ вылитый сапогъ. Я рекомендовалъ его товарищамъ. Туманъ ретиво принялся работать и не прошло году, какъ онъ уже работалъ на всѣхъ офицеровъ въ полку и даже на самого бригадира, который, какъ извѣстно, щеголялъ все еще въ парижскихъ сапогахъ н думалъ уже было заказывать въ Варшавѣ. Такъ вотъ какой изъ неуклюжаго и, какъ думали, глуповатаго Тумана вышелъ мастеръ! Правда, что рѣдко встрѣчаются въ русскомъ человѣкѣ двѣ эти добродѣтели, т. е. и мастерство и трезвость, однакожъ встрѣчаются, и вотъ вамъ доказательство Туманъ. За то онъ жилъ, какъ иному офицеру дай Богъ такъ жить; квартира у него лучше квартиры офицерской (онъ нанималъ у шляхтича отдѣльную хатку въ саду; не помню, что платилъ). Нянька у него нанятая опрятная старушка, тоже чуть чуть не шляхтянка; себѣ онъ отказывалъ только въ винѣ и трубкѣ, а больше ни въ чемъ, а про Варочку и говорить нечего: выбѣжитъ бывало на улицу, что твоя куколка разрисованная, куда шляхетскія дѣти! просто замарашки передъ ней; а самъ Туманъ такъ только и показывался на ученьи,—нигдѣ больше его не увидишь: сидитъ себѣ и день и ночь за своими сапогами, да пѣсенки попѣваетъ.

Человѣкъ трудолюбивый, по моему, самый счатсливый человѣкъ на свѣтѣ, особенно если трудъ его имѣетъ такую возвышенную, такую благородную цѣль, какъ трудъ этого простого, этого безграмотнаго человѣка. Завидую и всегда буду завидовать тебѣ, счастливый благородный труженикъ.

Старушка, Варочкина нянька, между прочими добродѣтелями, была еще и грамотная, по польски, разумѣется, почему я заключаю, что она должна быть шляхетскаго роду; и когда Варочкѣ пошелъ пятый или шестой годъ, не помню хорошенько, помню только, что она уже говорила чисто и внятно и еще не много картавила, что выговору ея придавало особую прелесть,—старушка нянька на досугѣ принялась показывать грамоту Варочкѣ. Туману понравилось, что Варочка его будетъ читать, да еще и по польски, и удовольствіе свое онъ выразилъ тѣмъ, что на первой въ мѣстечкѣ ярмаркѣ купилъ шерстяной какого-то темнаго цвѣта платокъ, тулупъ и козловые сапоги, да сверхъ того подарилъ ей полкарбованца. Старушка была въ восторгѣ, и благодарностямъ ея конца не было. Сначала Туманъ было подумалъ, къ чему Варочкѣ грамота, что она за панна такая, но, посмотрѣвши на дитя, нашелъ, что она дѣйствительно панна и, махнувши рукою, сказалъ: «нехай соби учиться,—умитыме до ладу хоть Богу помолитися». А такъ какъ простодушный Туманъ не находилъ большой разницы между языками нѣмецкимъ и французскимъ, то такъ само между грамотой польской и русской: все равно, абы читала!—Однажды, это уже было вскорѣ предъ нашимъ выходомъ изъ благословеннаго мѣстечка, иду я по улицѣ мимо квартиры Тумана и вижу: Туманъ сидитъ подъ хатою на завалинѣ, въ своемъ пестромъ мундирѣ и съ барабаномъ между колѣнъ (должно быть, только что пришелъ съ ученья); передъ нимъ стоитъ Варочка и проситъ у него барабанныя палки; онъ ей подалъ; она взяла палки, да какъ пріударитъ походъ, такъ что твой барабанщикъ; я просто удивился; настоящая Córka Regimentu, что въ прошломъ лѣтѣ польскіе актеры въ Ромнѣ представляли. Но нужно было видѣть самого Тумана: ни одинъ, я думаю, любитель музыки не слушалъ съ такою любовію симфонію Бетховена, съ какою онъ слушалъ и любовался своею Варочкой.

Это мнѣ напомнило другой эстампъ такой самой величины, да чуть ли и не одного мастера, на которомъ изображенъ рыцарь, тоже въ кольчугѣ, обучающій мальчика бить на барабанѣ. Только перемѣнить костюмъ и будетъ та самая картина.

Впрочемъ уже минуло восемь лѣтъ, когда нащему полку приказано было двинуться по смоленской дорогѣ. Туманъ какъ-бы предвидѣлъ эту катастрофу, обзавелся лошадью и повозкой, такъ

что когда приказали выступить въ походъ, наши братья въ тридорога платили за паршивую лошаденку, и то трудно было достать; а Туманъ только улыбался, глядя на запыхавшихся факторовъ и на наши сборы. Кое какъ мы собрались и въ одно прекрасное утро полковой штабъ и моя рота выступили изъ благодатнаго мѣстечка. Проводы были пышные; да и какъ не быть имъ пышнымъ? Простоявши столько времени на одномъ мѣстѣ, многіе солдатики не только коханками, дѣтками обзавелись. Ну, да это картина не въ моемъ вкусѣ, и я не буду описывать вамъ ни слезъ. ни рыданій, ни судорожныхъ объятій; скажу только, что первый переходъ нашъ длился цѣлый день, и половина моей удалой роты ночевала на дорогѣ.

Мы двигались той самой дорогой, по которой такъ недавно промчался геній войны со всѣми ужасами. Въ городахъ, особенно въ Борисовѣ и Красномъ, были видны еще слѣды войны, а въ селахъ какъ будто ничего не бывало; только и слѣду, что у мужичковъ въ баняхъ на каменкахъ замѣненъ былъ булыжникъ чугунными ядрами. Въ одномъ Смоленскѣ оставались еще цѣлыя улицы въ развалинахъ, а соборъ уже возобновлялся.

Въ Смоленскѣ скупился нашъ полкъ, и послѣ инспекторскаго смотра распустили насъ на зимнія квартиры. Такъ какъ я командовалъ гренадерскою ротою, то вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ остался въ Смоленскѣ, а прочія роты расположились въ окрестныхъ селахъ. Туманъ съ своею Варочкою тоже оставался въ Смоленскѣ.

Не смотря на то, что половина города была еще въ развалинахъ, дворянства къ зимѣ съѣхалось много, и мы на развалинахъ древняго Смоленска зиму провели шумно и весело. Маменьки, вѣроятно, разсчитывая на полковую холостежь, навезли невѣстъ, да прехорошенькихъ. Но увы! рѣшительно некому было сватать: наша молодежь, какъ и прежде еще я имѣлъ честь докладывать, вся переженилась. Признаюсь, грѣшный человѣкъ, меня самого тогда подмывало повторить узы Гименея, да жаль стало Викторика; а ему эту зиму только пошелъ четвертый годочекъ, а въ этомъ возрастѣ для дитяти, я по себѣ знаю, что значитъ самая лучшая мачиха: а если, Боже сохрани, навяжется сатана, въ видѣ ангела неземнаго, тогда что дѣлать? Итакъ я подумалъ, подумалъ да и рукой махнулъ. Послѣ я слышалъ, что предметъ моихъ воздыханій сочетался бра-

комъ съ какимъ-то безносымъ богачемъ Энгельгадртомъ, и черезъ годъ онъ уѣхалъ за границу, а она за другую. Я только Богу помолился, когда услыхалъ такую интересную новость.

Квартиру я въ полуразрушенномъ Смоленскѣ успѣлъ захватить порядочную и недорогую. Была одна комната совершенно лишняя, я и предложилъ ее Туману съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ человѣкъ трезвый и аккуратный, присматривалъ за моимъ мизернымъ хозяйствомъ: и Варочкѣ его будетъ веселѣе, и Викторикъ мой безъ меня скучать не будетъ. Нянька и гувернантка у меня была прекрасная и грамотная женщина, и Варочка впродолженіи зимы шутя выучилась русской грамотѣ, да и Викторика моего выучили азбучкѣ. Въ великомъ посту онъ уже пребойко читалъ по верхамъ, а Варочка каждый Божій день по утру и ввечеру читала вслухъ, въ присутствіи всѣхъ, утреннія и вечернія молитвы. Счастливый Туманъ плакалъ отъ умиленія, слушая, какъ Варочка читаетъ такія прекрасныя молитвы, о которыхъ онъ, человѣкъ темный, прежде и понятія не имѣлъ; особенно, когда она начнетъ читать «Помилуй мя Боже» и дойдетъ до стиха «сердце чисто созижди во мнѣ Боже», онъ положитъ земной поклонъ и сквозь слезы поцѣлуетъ въ темя свою умную Варочку. За то нянька моя уже не нуждалася въ башмакахъ, у нея всегдѣ въ запасѣ было паръ шесть лишнихъ,—на случай походу, какъ говорилъ Туманъ, а Викторикъ мой каждое воскресенье щеголялъ въ новыхъ сапогахъ. Я скажу ему бывало: зачѣмъ ты, Туманъ, ему такъ часто сапоги перемѣняешь? — Росте, ваше благородіе, то и перемѣняю. — Добрякъ увѣрялъ меня, что ребенокъ можетъ такъ вырости впродолженіи недѣли, что ему необходимо сапоги перемѣнять. Я разъ было попробовалъ взять какой-то матеріи на платьице для Варочки, да и самъ не радъ былъ: Туманъ мой такъ расходился, что чуть было съ квартиры не сошелъ, насилу унялъ я его—такой чудакъ! Обижаете, говоритъ, ваше благородіе, да и баста. У васъ, говоритъ, самыхъ росте дитына, а вы на чужихъ дитей тратытесь. Я человѣкъ рукомесленный, у мене завсегда буде, а вы де возьмете, якъ Богъ не дасть здоровья; хорошо еще, якъ пенсіи дослужитесь, а то и такъ выпустять.

Въ продолженіи зимы я коротко узналъ этого простаго благороднаго и въ высшей степени безкорыстнаго человѣка.

Весною выступили мы изъ Смоленска по московской дорогѣ; за обозомъ моимъ и за людьми я поручилъ надзирать Туману и былъ совершенно спокоенъ. Въ городѣ всяко случается: не вездѣ для тебя все приготовлено; иной разъ и на тощакъ заснешь, что станешь дѣлать? Но въ этомъ походѣ я былъ, какъ у Бога за пазухой: бывало, не успѣешь придти на мѣсто, у Тумана уже все готово: и для меня и для дѣтей квартирка, и самоваръ кипитъ, и ужинъ готовится, и лошадямъ всего въ волю, и Богъ его знаетъ, какъ это онъ все успѣваетъ. А съ мужиками, не смотря на свое хохлацкое произношеніе, никто лучше его ладить не умѣлъ. Удивительный человѣкъ!

Въ Москвѣ скупилась вся наша дивизія, и бывшій тогда еще корпусный нашъ командиръ, покойникъ Сакенъ, послѣ инспекторскаго смотра, отдалъ приказъ по корпусу, чтобы всѣхъ неграмотныхъ унтеръ-офицеровъ обратить въ рядовые. Не знаю, что ему вздумалось покойнику. Изъ этого вышла такая безладица въ ротахъ, что и Боже упаси. Особенно намъ, ротнымъ командирамъ, надѣлалъ онъ хлопотъ своимъ приказомъ. Безграмотныхъ унтеръ-офицеровъ дѣйствительно было много, но за то это были люди самые расторопные и трезвые—двѣ ничѣмъ незамѣнимыя добродѣтели солдата. Такъ такихъ-то людей мы должны были замѣстить грамотными пьяницами и ворами. Тутъ-то я только узналъ, что значитъ такъ называемый грамотный русскій человѣкъ. Грамотѣи попадаютъ въ солдаты большею частью изъ помѣщичьихъ сельскихъ писарей. Мужички наши не даромъ говорятъ: «не буде добра и правды на земли, поки письменнымъ очи не повылазять». Только вслѣдствіе глубокаго презрѣнія къ этимъ грамотѣямъ могла родиться подобная поговорка. Что бы подумалъ про моихъ земляковъ великій ревнитель народнаго образованія Ланкастеръ, когда бы онъ зналъ, что у насъ существуетъ такая варварская поговорка? Подумалъ бы, что земляки мои не люди, а пародія на людей, и былъ бы несправедливъ. Общая грамотность въ народѣ величайшее добро, но гдѣ на 100 душъ одинъ грамотный, тамъ она величайшее зло. Я ничего не знаю безнравственнѣе и отвратительнѣе сельскаго писаря: онъ первый грабитель бѣднаго мужика, лѣнтяй, пьяница, сосудъ всѣхъ мерзостей и первый развратитель простодушнаго мужика, потому что онъ святое письмо читаетъ.

Покойный Основьяненко въ своемъ «Шельменкѣ волостномъ писарѣ» только легкій очеркъ набросалъ этого отвратительнаго типа. И этакими то грамотѣями снабжаютъ помѣщики нашу славную армію! На вѣрное покойникъ Сакенъ не отдалъ бы такого приказа, если бы онъ хоть недѣлю побылъ экономомъ въ помѣщичьемъ селѣ.

Со званіемъ барабаннаго старосты Туманъ соединялъ и скромное званіе унтеръ-офицера, гордился и дорожилъ этимъ званіемъ, какъ собственною личною заслугою. Но увы! какъ человѣкъ не грамотный, долженъ былъ спороть только что купленные въ Москвѣ дорогіе не мишуровые, а настоящіе серебрянные галуны. И ихъ пришлось спороть и бросить въ помойную яму, такъ, ни за что спороть, потому только, что онъ неграмотный разбойникъ. Глубоко было задѣто самолюбіе бѣднаго Тумана. Какъ развѣнчанный Наполеонъ, ходилъ онъ молча нѣсколько дней, не принимая пищи!

Нашему полку назначена была квартира въ Муромѣ, и мы собирались въ походъ; я просилъ его принять снова команду надъ моимъ мизернымъ хозяйствомъ.

— Возмить соби ундера, сказалъ онъ, едва удерживая слезы; а то рядовой васъ дорогою окраде.

Я самъ чуть не заплакалъ и не въ силахъ былъ повторить моей просьбы.

Отпуская его, я былъ такъ неосторожен, что предложилъ ему синенькую на водку. Зарыдалъ онъ, бѣднякъ, плюнулъ на мою ассигнацію и вышелъ изъ комнаты. На другой день привели его изъ Арбатской части въ полковой штабъ едва-едва движущагося. Когда спросили его, гдѣ онъ пропадалъ, онъ только могъ выговорить: «водки! а то здохну!» Дали ему стаканъ водки и заперли въ пустую комнату. Я испугался за него, но, слава Богу, мой страхъ былъ напрасенъ; Туманъ благополучно отрезвился и больше не повторялъ утѣхи въ горѣ, только до самого Мурома шелъ молча, какъ помѣшанный. Въ Муромѣ вдругъ Туманъ пропалъ; я спрашиваю: гдѣ онъ? говорятъ въ госпиталѣ. Я пошелъ навѣстить его. Прихожу, отворяю дверь въ палату—и чтоже? Вотъ ужъ такой гравюры я не видалъ, да, я думаю, такой картины и на свѣтѣ нѣтъ. Самому великому художнику не представлялось такое прекрасное и оригинальное видѣніе: на койкѣ въ лазаретномъ халатѣ

и колпакѣ сидитъ Туманъ, а на колѣняхъ у него сидитъ Варочка съ азбукою въ рукахъ и складываетъ вслухъ «тма мна», а за нею тихонько басомъ повторяетъ Туманъ. Увидя меня, онъ смѣшался и вставши отвѣтилъ на мое привѣтствіе, прибавивъ краснѣя.

— Варочка оце мени *Помылуй мя Боже* читала.

— Вотъ ужъ и *Помилуй мя Боже*, сказала Варочка наивно: вы еще и склады, Богъ знаетъ, какъ читаете.

— Цыть, дурне! сказалъ торопливо Туманъ, дергая ее за рукавъ.

Варочка сконфузилась, взглянула на меня, потомъ на него и съ упрекомъ сказала.

— Развѣ я не правду говорю? Думала завтра *азъ*, *ангелъ* показать, а теперь и послѣ завтра не покажу, просидите вы у меня всю недѣлю на *тмѣ*, *мнѣ*.

И съ послѣднимъ словомъ она выбѣжала изъ палаты. Туманъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и съ досадой проговорилъ:

— Отъ тоби на!—И обратясь ко мнѣ прибавилъ:

— Воно бреше, ваше благородіе.

Я видѣлъ ясно, что воно не бреше, но показалъ видъ, что я не догадываюсь, въ чемъ дѣло, и спросилъ его.

— А что она постоянно при тебѣ находится?

— Нѣту, ваше благородіе! у фельдшерши находится, а до мене забижить на яку минуту, тай зновъ до фельдшерши.—Таке не посыдяще! прибавилъ онъ, опуская глаза.

— Клевещешь, клевещешь, Туманъ! сказалъ я ему; я знаю, что ты дѣлаешь, да за чѣмъ же отъ меня скрывать? Развѣ худое дѣло учиться грамотѣ?

Туманъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и помолчавши сказалъ:

— Худое, ваше благородіе, очень худое! Скажите, чи бачилы вы, шобъ дытя—блазенъ учило старого человика?

И бѣднякъ почти заплакалъ, а спустя минуту сталъ меня просить, чтобы я никому не говорилъ о его грамотѣ. Я далъ ему слово молчать и предложилъ ему денегъ, но онъ сказалъ, что у него свои еще тянутся. Простившись и пожелавъ ему успѣха, я вышелъ изъ палаты.

Алмазъ, а не человѣкъ, думалъ я, и не жалѣлъ даже, что этотъ алмазъ въ корѣ, такъ онъ мнѣ нравился въ своемъ естественномъ видѣ. Хотѣлъ было я сдѣлать сравненіе съ

червонцемъ, Крылова, да разсудилъ, что такія натуры, какъ Туманъ едва ли въ состояніи переродиться, т. е. переобразоваться.

Штабъ-лекарь нашъ подсмотрѣлъ тайну Тумана и не выписывалъ его изъ госпиталя, пока онъ самъ не попросился. Чрезъ мѣсяцъ является ко мнѣ Туманъ съ улыбающимся видомъ (что было ему со всѣмъ не къ лицу), съ азбукою за обшлагомъ и проситъ меня, чтобы я послушалъ, какъ онъ читаетъ. Я послушалъ его: изрядно читаетъ и заповѣди, и все, что есть въ букварѣ. Я подалъ ему уставъ о гарнизонной службѣ, онъ и уставъ читаетъ. Я въ тотъ же день отрекомендовалъ его адъютанту, а онъ бригадиру, и чрезъ мѣсяцъ Туманъ нашилъ снова свои московскіе дорогіе галуны, переселился ко мнѣ на квартиру и снова принялъ въ свои руки мое хозяйство.

Случилось такъ, что въ тотъ самый день, когда Туманъ торжественно нашивалъ свои нефальшивые галуны, и мнѣ вышло повышеніе: я произведенъ былъ въ маіоры, а командиру перваго батальона вышла отставка, я и долженъ былъ принять отъ него батальонъ. Хотя я по прежнему остался одинокимъ, но хозяйство мое по неволѣ должно было увеличиться и такой человѣкъ, какъ Туманъ, былъ для меня необходимъ, а тѣмъ болѣе, что Викторика своего я отправилъ въ Нѣжинъ къ сестрицѣ, что-бы она приготовляла его для лицея; слѣдовательно и Варочка, какъ дитя, для меня тоже была необходима, потому что я безъ Викторика страшно скучалъ, а она, точно ангелъ Божій, явилась въ моемъ домѣ.

Да, не обинуясь можно было уподобить ее ангелу Божію. Такой красоты неописанной я уже не увижу болѣе. А кротость? Истинно ангельская кротость! Ей уже было лѣтъ одинадцать съ небольшимъ, и она мнѣ чрезвычайно живо напоминала покойную Володьку, т. е. свою несчастную мать. Улыбка, голост, глаза—все было, какъ у бѣдной матери; только у Варочки все это было смягчено кротостью и непорочностью. Хотѣлось мнѣ пріохотить ее къ книгамъ, но для ея возраста въ то время какія можно было книги достать! Издавался въ то время журналъ подъ названіемъ «Благонамѣренный». Я прочиталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе и, увлекшись такимъ благороднымъ названіемъ, выписалъ его собственно для Варочки, да какъ прочиталъ первую книжку,

такъ остальныхъ уже и не разрѣзывалъ,—такъ ихъ у меня въ ларѣ и мыши съѣли.

Во время пребыванія Тумана въ госпиталѣ, Варочка подружила съ фельдшершею и теперь почти ежедневно ее посѣщала. Мнѣ эти визиты были не по сердцу, и я нѣсколько разъ говорилъ Туману, что эта дружба до добра не доведетъ; но онъ, Богъ его знаетъ, по чему, не обращалъ на мои слова вниманія. Я прибѣгнулъ было къ хитрости, т. е. задумалъ пріохотить ее къ чтенію и тѣмъ заставить сидѣть дома; но хитрость моя не удалась. А Варочка тѣмъ временемъ росла и хорошѣла.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

II.

Какъ было уже сказано, до сихъ поръ не извѣстно ни одной народной пѣсни объ освобожденія крестьянъ ни великорусской, ни бѣлорусской. Тоже слѣдуетъ сказать и о Малороссіи лѣваго берега Днѣпра и о Новороссіи. До сихъ поръ народныя пѣсни о «волѣ» подмѣчены только въ Малороссіи праваго берега Днѣпра. При этомъ характерно то обстоятельство, что и въ правобережной Малороссіи пѣсни о «волѣ» появились не въ 1861 г., не въ непосредственной связи съ актомъ 19 февраля этого года, а позже, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и особенно въ связи съ вызванными этимъ возстаніемъ аграрными мѣрами 1863—1864 г.г.

Какъ ни странными могутъ показаться кому нибудь, кто знакомъ съ исторіей освобожденія крестьянъ только по оффиціальнымъ документамъ, всѣ эти обстоятельства, но, при ближайшемъ вниканіи въ дѣло, они являются вполнѣ натуральными. Масса крестьянъ во всей Россіи не была подготовлена къ объявленію положенія 19 февраля не только обстоятельною пропагандою, но даже самою поверхностною гласностію, а потому преобладающее чувство въ этой массѣ въ моментъ эманципаціи было недоумѣніе, если даже не недовѣріе и разочарованіе. Въ Малороссіи же крестьяне на столько сильно ожидали и послѣ 19 февраля 1861 г.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г., мартов. кн., стр. 412—438.

«настоящей воли» и «слушного часу», что сама верховная власть сочла нужнымъ лично объявить представителямъ крестьянъ въ Кременчугѣ въ 1872 г., что «никакой другой воли не будетъ». Понятно, что при такомъ настроеніи народъ не создалъ пѣсенъ объ актѣ 1861 г. ни тотчасъ, ни даже послѣ. На правомъ берегу Днѣпра обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Во первыхъ, тутъ крестьяне были нѣсколько болѣе приготовлены къ объявленію свободы еще инвентарными правилами 1847—1848 г. Во вторыхъ, и это главное, здѣсь аграрныя мѣры 1863—1864 г.,—прекращеніе сразу объязательной работы и повѣрка уставныхъ грамотъ, произвели сразу же существенный переворотъ въ положеніи крестьянъ и при томъ къ явной ихъ выгодѣ, моральной и экономической. Въ третьихъ, здѣсь антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками осложнялся національными и религіозными различіями, а потому и самосознаніе крестьянъ проявлялось сильнѣе. Наконецъ, въ частности на появленіе здѣсь пѣсенъ о текущихъ политическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и объ эманципаціи, имѣло вліяніе присутствіе здѣсь элемента, довольно близкаго къ крестьянамъ и въ то же время въ извѣстной мѣрѣ литературнаго. Элементъ этотъ состоитъ изъ лицъ духовнаго сословія, которое на правомъ берегу Днѣпра, по разнымъ причинамъ, ближе къ крестьянству, чѣмъ на лѣвомъ, шляхтичей, писарей, однодворцевъ и т. п. Во всѣхъ этихъ низшихъ разночинцахъ на правомъ берегу Днѣпра еще не замерли преданія стариннаго малороссійскаго виршеписанія, которыя поддерживались даже среди болѣе или менѣе ополяченныхъ ихъ слоевъ уніатскими воспоминаніями и примѣрами польско-малороссійскихъ поэтовъ, въ родѣ Падуры, пѣсни котораго довольно популярны среди мелко-шляхетскихъ и разночинскихъ элементовъ правобережнаго населенія безъ различія вѣроисповѣданія. Въ довершеніе на появленіе на правомъ берегу Днѣпра пѣсенъ объ эманципаціи крестьянъ долженъ былъ повліять примѣръ сосѣдней Галиціи, откуда, какъ увидимъ, перешли цѣликомъ варіанты пѣсенъ галицкихъ.

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала, мы можемъ указать только на одинъ вполнѣ ясный слѣдъ существованія въ правобережной Украйнѣ воспѣванія эманципаціи крестьянъ до 1863 г. Это вирша, переданная намъ, какъ пѣсня, записанная въ 1869 г.

г. Ал. Руданскимъ въ м. Миньковцахъ, ушицкаго уѣзда, подольской губерніи.

Мы воспроизводимъ здѣсь ее вполнѣ въ виду того, что она до сихъ поръ не замѣчена русскою печатью и что быть можетъ, кто нибудь послѣ насъ нападетъ на другіе ея варіанты.

Велику радисть, важну новину
Зъ Петербурга шлють на Вкраину; (2)
Вона намъ принесла и росказала,
Що польска пыха та вже пропала, (2)
Що мужикъ,—слуга панській виковый,
Царськимъ указомъ скинувъ оковы
Зъ рукъ, зъ шыи й зъ нижокъ мордуваныхъ,
Видъ боли, праци кривью зальляныхъ,
Що нашъ помищыкъ страшно богатый,
Зъ Иваномъ, Карпомъ за панибрата,
Що Иванъ и Карпо въ шапкахъ стояли
И зъ економомъ въ нихъ розмовляли.
—«Ой ты, Иване, Иване милый,
Прóсю-жъ я тéбе та на хрестины,
А ты Васылю, громадьска думо,
Въ мене самого будь, серце, кумомъ.
Напрошу людей я на хрестины
И для пріязни вдягну свитыну,
Руську[1]) сорочку, поясъ червоный,
Штаны въ халявы заткну юхтови».
На панську ласку Васыль ся вклонивъ
И до громады отакъ промовивъ:
— Ой подружились паны зъ хлопáми,
Слава цареви ридному, слава!
Александръ Вторый въ насъ въ серцяхъ буде,
Диль ёго святыхъ Богъ не забуде,
Александръ Вторый въ насъ въ серцяхъ буде,
Для ёго зъ любовью кровъ наша й груди!

По обстоятельствамъ эта вирша подходитъ къ 1862 году, когда, на канунѣ возстанія, многіе изъ польской шляхты начали

[1]) Украинскую, вышитую.

сближаться съ крестьянами, особенно съ вліятельными, и когда описываемыя въ виршѣ сцены братанія сословій были сравнительно не рѣдки въ правобережной Украйнѣ. По формѣ своей, вирша эта очень подходитъ къ стариннымъ малороссійскимъ виршамъ и уніатскимъ кантамъ и кантычкамъ, сбиваясь, какъ и эти послѣднія, на польскій ладъ въ удареніяхъ и стихосложеніи. Но интересно, что не смотря на эти признаки польскаго вліянія, не смотря даже на польскій, такъ сказать, импульсъ къ самому сюжету вирши, она оказалась совсѣмъ противною тогдашнимъ политическимъ стремленіямъ поляковъ, хотя и очень благодушною и довѣрчивою къ панскому классу, въ которомъ, какъ казалось слагателю вирши,—очевидно, зажиточному крестьянину, равнодушному къ аграрной сторонѣ эманципаціи, «польская пыха» уже пропала, подъ вліяніемъ царскаго закона. Уже по этому мы сомнѣваемся, чтобъ вышеприведенная вирша получила широкое распространеніе. Во всякомъ же случаѣ, пока будетъ извѣстенъ только одинъ ея варіантъ, нельзя считать ее за настоящую народную пѣсню.

Можетъ быть, около того же времени, составилась и пѣсня напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» 1886 г., іюль, 571—572 стр. Г. М. В., доставившій ее изъ «имѣющагося у него пѣсеннаго матеріала«, называетъ ее «волынскою пѣснею», но, къ сожалѣнію, не называетъ даже мѣста, гдѣ она записана, между тѣмъ, какъ въ подобномъ случаѣ (совсѣмъ новой пѣсни, которой варіантъ является въ печати въ первый разъ) больше даже, чѣмъ въ другихъ, необходимо бы отмѣтить не только это, но и то, кто пѣлъ пѣсню, какого возраста и состоянія человѣкъ, грамотный ли, а равно и то, гдѣ онъ научился пѣснѣ, что о ней думаетъ самъ и т. п. Пѣсня эта

Несчастніи часы зійшлы,
Якъ зъ неволи хлопы выйшлы и т. д.

больше вспоминаетъ о бывшей неволѣ (особенно подробно о деморализаціи женщинъ въ панскомъ дворѣ), нежели о наступившей волѣ, о которой только и говоритъ въ концѣ.

Теперъ, слава Богу, всюды тихо.
Минулося й не вернеться те лихо.

Пѣсня говоритъ о неволѣ у «пана-ляха», но ни словомъ не упоминаетъ о польскомъ возстаніи 1863 г., почему и возможно предположеніе, что она составлена еще раньше этого времени, хотя это предположеніе еще нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ: нѣсколько объективный, такъ сказать протокольный характеръ ея, можетъ говорить и въ пользу того, что она сложилась даже значительно позже самаго 1863 г., когда уже можно было съ нѣкоторымъ самообольщеніемъ вспоминать тяжкое прошлое. Во всякомъ случаѣ интересно, что собственно о волѣ и о томъ, какъ она пришла, пѣсня эта не говоритъ вовсе.

Бо́льшая часть до сихъ поръ записанныхъ на правомъ берегу Днѣпра пѣсенъ объ эманципаціи крестьянъ прямо связываетъ это событіе съ польскимъ возстаніемъ 1863 г. Нѣсколько изъ нихъ было напечатано: въ «Днѣ» 1864 г. № 9 (въ статьѣ г. Кокошкина «Три мѣсяца на Волыни»), въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. №№ 64 и 95 и въ «Кіевской Старинѣ» 1866 г., іюль, 572—573 стр. Мы отсылаемъ къ указаннымъ изданіямъ тѣхъ читателей, которые пожелали бы узнать полные тексты этихъ пѣсенъ, а здѣсь скажемъ только по нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ.

Кромѣ одной, которая рисуетъ страшную расправу крестьянъ съ поляками повстанцами у с. Соловіевки, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи, и которая приводитъ только кратко мотивъ: «намъ зъ ляхами не жити», остальныя три говорятъ болѣе или менѣе обстоятельно о крѣпостномъ правѣ, какъ о мотивѣ ненависти къ панамъ-полякамъ и недовѣрія къ нимъ даже тогда, когда они предлагаютъ «золотыя грамоты». Двѣ изъ нихъ,—напечатанныя въ «Днѣ», выражаютъ горячія благодарности царю, который «вольность черни даровавъ, вражихъ ляшкивъ изунявъ». Одна пѣсня восклицаетъ:

Теперъ, черне моя,
Вамъ воленька одъ царя,
Вамъ воленька одъ царя,
Панамъ бити васъ нельзя.

Другая, которой начало сливаетъ приступъ извѣстной малороссійской пѣсни объ осадѣ Почаева турками съ приступомъ великорусской солдатской пѣсни о шведской войнѣ 1741—43 г.г.,

съ тѣхъ поръ передѣлывающійся на всякую новую войну, очень сближается съ галицкими пѣснями въ слѣдующихъ словахъ:

Подякуймо царю, царю Александру;
Винъ намъ вольность давъ,
Що винъ поляченьковъ, превражихъ сыночковъ,
На ланцугъ побравъ.
Щобъ наша цариця и царськи диты
До ста литъ жили;
Вони поляченьками по всихъ городочкахъ
Тюрмы сповнили.
Не журиться жъ, добри люде,
Ще щось мае Богъ вамъ дать:
Передъ поляками, чернь моя кохана,
Шапки не ламать[1]).

Пѣсня, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ», довольно длинно повѣствуетъ, какъ въ «Цвитосци (заславск. уѣзд. волынск. губ.) межъ лисами зибрались моцки-паны воювати зъ москалями», описываетъ участіе въ возстаніи ксендза въ инфулѣ и потомъ круто сворачиваетъ на то, какъ «царь нашъ руській змилувався, за те дуже добре взявся, щобъ мужикамъ волю дати, изъ рукъ лядськихъ одибрати», и заключаетъ:

Александеръ теперъ царь,
Винъ те дило розибравъ,

---

[1]) Напомнимъ, что и въ благодушной виршѣ 1862 г. отмѣчается, какъ самое отрадное явленіе, что „Иванъ и Карпо передъ экономомъ въ шапкахъ стояли", что въ галицкихъ пѣсняхъ „неснимавіе шапокъ" передъ панами играетъ важную роль. Еще въ старыхъ пѣсняхъ XVII—XVIII вопросъ о шапкѣ игралъ важную роль въ столкновеніяхъ малороссовъ и *ляховъ*.

Ой ходить ляхъ по рыночку,
Шабельку стискае,
За нимъ иде козаченько,
Шапки не знимае.
Ой кинувся ляхъ до шабли,
А козакъ до дрюка:
— Ой тутъ тоби, вражій ляше,
Зъ душею розлука!

Що Иванъ та Степанъ
Зъ теи жъ шопы, що и панъ.
Винъ те дило розибравъ,
Та и волю людямъ давъ!
Нехай теперъ кожный знае,
Нехай кожный споминае,
Чи то въ хати, чи на поли,
Чи то въ праци, чи у воли,
Що винъ батька-царя мае.

Пѣсня эта отзывается семинарско-дьяковскою книжностію и, по всей вѣроятности, сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, но она, очевидно, получила нѣкоторое распространеніе. Не знаемъ еще, на сколько она распространена въ крестьянствѣ, но мы слышали, что семинаристы и бурсаки въ подольской и волынской губерніи поютъ слѣдующій варіантъ ея послѣднихъ словъ, какъ особую пѣсню:

Схаменитесь вы, паны,
Поскидайте жупаны,
Надивайте сіряки,
Бо не ваши мужики.
Александеръ царь наставъ,
Винъ те дило розибравъ,
Що Иванъ и Степанъ,
Съ теи-жъ глины, що и панъ[1]).

Еще одна имѣющаяся у насъ пѣсня, записанная г. Ал. Руданскимъ въ м. Колюсикѣ, ушицкаго уѣзда, подольской губ., говоритъ о крѣпостномъ правѣ и эманципаціи въ связи съ польскимъ возстаніемъ и очевидно сложилась непосредственно послѣ этого возстанія еще въ 1863 г. Эта пѣсня не была еще напечатана, а потому мы выпишемъ ее здѣсь всю:

Нема свята, ни недили, а голосить въ церкви дзвинъ,
Мило гуде о пивночи, всихъ сзывае въ Божій димъ.
Кажуть, есть щось видъ царя,
Чи не крикнемъ ёму: ура!

---

[1]) Интересно, что и тутъ на первомъ планѣ высунута идея *равенства*.

Дзвинъ гуде про нашу милу долю, всихъ кличе пидъ
святый хрестъ,
Бо про нашу милу волю прыйшовъ царській манифестъ.
Молитеся за царя
И вси крикнемъ ёму: ура! [1])
Въ шистьдесятъ першимъ року, а въ начали сентября
Выйшли царськіи оброки, выйшовъ выкупъ видъ царя.
Нагай панській на викъ згинувъ, и гришнее тило
Теперъ трохи видпочило, бо вже дуже насъ болило.
Нашихъ хлопцивъ, ни дивокъ не буде вже панъ винчати,
А якъ злучить Господь Богъ, не посміе розлучати.
Стала панщина не тая: противъ нашой доброй воли
Насъ недиленька святая не застане вже на поли.
Теперъ наша душа властна, вже панъ іи не продасть
И вражій ляхъ безнапрасно за собаку не виддасть.
Паны цёго не злюбили, та взялися за пала́ши,
А мы пики поробили, та сказали: мы не ваши!
Вси помремъ за Русь святую, вона наша ридна мати,
И за волю золотую, що хотять ляхи видибрати.
Молимося за царя
И вси крикнемъ ёму: ура!

По всему видно, что нескладная пѣсня эта не устнаго происхожденія. Это также семинарщина, только низшей пробы; на складъ ея имѣло, кажется, вліяніе стихотвореніе Падуры «Ruchawka. Piśń kozacza», написанное въ 1825 г. и распѣвавшееся среди польскихъ повстанцевъ на Украинѣ въ 1831 г. и съ тѣхъ поръ не забытое среди мелкой шляхты и оффиціалистовъ на правомъ берегу Днѣпра.

Hej! kozacza, w dobryj czas!
Wże holosyt' w cerkwi dzwin;
Komu wilniśt' myła z was,
Za worohom na zdohin!
Hej! kozacze, na wraha,
Hurraha! hurraha!

---

[1]) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Что касается до содержанія пѣсни, то въ ней особенно интересны слѣдующія два стиха:

Въ шистьдесятъ першимъ року, а въ начали сентября
Выйшли царськіи оброки, выйшовъ выкупъ одъ царя.

Цыфра «61-й рокъ» тутъ очевидно стоитъ неправильно вмѣсто 63-го. Поправка-ли это записывателя, или пѣвецъ, слыхавшій-же о законѣ 1861 года, сдѣлалъ эту поправку, но въ обоихъ случаяхъ она находится въ противурѣчіи съ дальнѣйшими важными словами. Манифестъ 19 февраля 1861 года дошелъ до Подоліи и объявленъ въ началѣ марта, а не сентября, въ сентябрѣ-же объявлялось, но не 1861 г., а въ 1863 г. распоряженіе о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и объ обязательномъ выкупѣ по сбавленнымъ оброкамъ, то, что второй изъ выписанныхъ стиховъ и называетъ «царскими оброками и выкупомъ отъ царя».

Если мы прибавимъ къ отмѣченнымъ еще одну пѣсню, напечатанную въ «Кіевлянинѣ» (1869 г., № 95) и которая начинается съ горькаго воспоминанія о томъ, что «мы зазнали одъ тыхъ панивъ-ляшкивъ», и оканчивается указаніемъ на перемѣну въ обращеніи пановъ, пѣсню, очевидно, сложенную уже послѣ объявленія аграрныхъ льготъ 1863 г., то мы закончимъ обзоръ всѣхъ пѣсенъ объ эманципаціи крестьянъ въ правобережной Украйнѣ, извѣстныхъ намъ по одному варіанту каждая. Повторяемъ, что уже по этому послѣднему обстоятельству трудно высказаться окончательно о степени народности этихъ пѣсенъ.

Покамѣстъ дѣйствительно народною, популярною пѣснью о великомъ переворотѣ въ жизни крестьянства въ Россіи слѣдуетъ признать только пѣсню о «зозуленькѣ» съ ея осложненіями, перенесенную изъ Австріи. Намъ извѣстно уже шесть ея варіантовъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украйны: три печатныхъ (въ «Кіевлянинѣ» 1869 г. № 95, въ «Запискахъ юго-зап. отдѣла географич. общест., т. I, прилож. 54—59, и въ статьѣ г. Костомарова «Исторія козачества» и пр. «Русск. Мысль, 1880 г., іюль, стр. 64—65) и три неизданныхъ.

Изъ этихъ варіантовъ напечатанный у г. Костомарова, очевидно, тотъ-же, который мы имѣемъ въ рукописи, въ сборникѣ г.

Сѣницкаго, записанный въ Гайсинѣ, подольск. губ., самый короткій и подходитъ вполнѣ къ жолковскому варіанту г. Головацкаго, который въ свою очередь представляетъ наиболѣе безхитростное усвоеніе перваго «кавалка» «Зори галицкой». Варіантъ «Кіевлянина» подходитъ къ серединѣ обработки перваго образца, напечатаннаго у г. Головацкаго подъ № 75, только составныя части его сложены по своему и кромѣ того въ концѣ поставлена благодарность «Богу да своему цареви», въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ другихъ галицкихъ варіантахъ, съ тою только разницею, что здѣсь вмѣсто слова съ *панами* (на ривнû) сказано: съ *ляхами*. Варіантъ этотъ усиливается обставить тему россійскими подробностями. Такъ онъ начинаетъ со словъ:

Наихали *становыи*, стали говорити:
— «Не будете, люде добри, панщины робити»!
Наихалы *мировыи*, та й стали казати:
— «Не будете передъ панами шапокъ издіймати»

и даже говоритъ, что панщина пропала *въ мисяци феврали*, но тѣмъ не менѣе россійскій варіантъ не смогъ переварить подробностей австрійскихъ. Въ серединѣ въ немъ являются и *комиссары*, только совсѣмъ въ странномъ видѣ: они «збираються на тихее озерце!» совѣщаться, «чимъ бы мужика пиняти, шобъ выняти серце!» и наконецъ разсуждаютъ, какъ паны австрійскихъ варіантовъ, о своемъ положеніи при неумѣніи трудиться и рѣшаютъ: «хиба пидемо на шляхи учитися красти». Уже изъ этого видно, что россійскій варіантъ хотя менѣе ловко сшитъ, чѣмъ австрійскіе, но еще злѣе относительно пановъ. Также зло вспоминаетъ онъ и экономовъ, говоря:

А въ нашого оконома нагай за плечима,
За ковниромъ купа в...й зъ чорными очима.

Варіантъ кіевскаго отдѣла географич. общества, записанный г. Н. Бѣлинскимъ въ м. Брайловѣ, винницкаго уѣзда, подольск. губ., отъ лирника, живущаго въ с. Овсяникахъ, литинск. уѣзда, под. губ., заподозрѣнъ г. Костомаровымъ, который отзывается о немъ такъ: «пѣсня эта, хотя и выдаваемая за чисто народную, при ближайшемъ разсмотрѣніи употребленныхъ въ ней пріемовъ оказывается амплификаціею мотивовъ, выражаемыхъ въ приведенныхъ

нами здѣсь пѣсняхъ (вар. г. Сѣницкаго и «Кіевлянина»), амплификаціею, составленною какимъ-то досужимъ любителемъ и знатокомъ малорусской народной поэзіи» (Р. М. 1880, іюль, 66). Почтенный историкъ на этотъ разъ не правъ. Не говоря уже о томъ, что «досужіе любители», которые выдаютъ свои изданія за чисто народныя пѣсни (какъ это было съ нѣкоторыми даже извѣстными писателями въ 30—40-е годы, въ родѣ Срезневскаго, Максимовича и др.), не поступаютъ такъ, какъ г. Бѣлинскій, который далъ полный адресъ своего лирника,—г. Костомаровъ не сказалъ бы приведеннаго выше суда, если бы не упустилъ изъ виду даже напечатанныхъ галицкихъ варіантовъ, которыхъ впрочемъ, на бѣду своего примѣчанія къ пѣснѣ, не зналъ и г. Бѣлинскій. Варіантъ послѣдняго заключаетъ въ себѣ множество элементовъ галицкихъ варіантовъ. Въ этомъ особенно можно убѣдиться, если прибавить къ печатнымъ галицкимъ варіантамъ тѣ рукописные, съ которыми мы познакомили читателя выше. Допустить же, что самъ г. Бѣлинскій сдѣлалъ сводъ галицкихъ варіантовъ, не возможно, такъ какъ это бы значило предположить, что онъ имѣлъ въ рукахъ тѣ варіанты, которые только теперь нами опубликовываются. Въ довершеніе подлинность варіанта г. Бѣлинскаго подтверждается еще двумя варіантами, которыхъ существованіе не могло быть извѣстно ни г. Бѣлинскому, ни его почтенному обвинителю, такъ какъ они находятся у насъ въ рукописяхъ. Это два варіанта записанные въ Россіи по близости къ галицкой границѣ и представляющіе нѣчто среднее между изложенными выше галицкими варіантами и варіантомъ г. Бѣлинскаго. Первый изъ нихъ записанъ въ м. Сатановѣ на самой границѣ съ Австріей, но, къ сожалѣнію, достался намъ въ весьма неразборчивой рукописи. Онъ представляетъ очень неловкое усвоеніе галицкаго варіанта, близкаго къ № 75 г. Головацкаго. Птицъ въ немъ также много: *зозуленька*, *посмитюха* и *дика качка*, которой нѣтъ въ галицкомъ варіантѣ, но которая вмѣстѣ съ *павою* является и въ «Кіевлянинѣ», представляющемъ въ этомъ отношеніи тоже «амплификацію». Съ непонятными для нашихъ крестьянъ комиссарами здѣсь вышла путаница еще большая, чѣмъ въ варіантѣ «Кіевлянина»:

А що були паны графы, теперъ комисары,
А що були комисары, теперъ екоманы.

Но за то съ обращеніемъ къ мѣсяцу справился сатановскій варіантъ даже лучше иныхъ своихъ галицкихъ собратовъ:

Ты, мясяцю ясный, красный, не сьвити никому,
Сьвити царю Александру, якъ иде до трону [1]).

Другой варіянтъ записанъ г. Ал. Руданскимъ въ с. Калюсикѣ, ушицкаго уѣзда, подольск. губ., въ 1870 г. «на ярмаркѣ на св. Николая отъ лирника, который очень гордился своимъ знаніемъ и котораго толпа слушала съ невыразимымъ удовольствіемъ». Это гораздо болѣе умѣлое усвоеніе—сводъ галицкихъ варіантовъ съ мѣстными прибавками, тоже довольно умѣло вставленными. Впрочемъ и тутъ не обошлось безъ путаницы въ тѣхъ случаяхъ, когда мужику-лирнику пришлось справляться съ книжностями въ родѣ «полуды» на очахъ недостаточно пробудившихся русиновъ, или съ австрійскими комиссарами. Для большей прочности нашихъ финальныхъ выводовъ, а также для полной регабилитаціи варіанта г. Бѣлинскаго, интереснаго во многихъ отношеніяхъ, политическомъ и литературномъ, мы выпишемъ здѣсь варіантъ г. Руданскаго цѣликомъ.

Ой летила зозуленька черезъ наши села,
Чогось наша громадонька смутна, невесела [2])

---

[1]) Подобнымъ образомъ передѣланъ совсѣмъ уже искуственный финалъ вышеприведеннаго 2-го „кавалка“ „Зори Галицкой“ и въ нѣкоторыхъ галицкихъ пѣсняхъ. Тамъ поется: „Тильки сьвити цисарику, якъ иде до трону“, но иногда вм. послѣднихъ словъ является: „якъ ûде зъ кордону!“

[3]) Это начало, которое находится и въ сатановскомъ варіантѣ, не совсѣмъ умѣстно въ пѣснѣ о радостномъ событіи и весьма интересно въ литературномъ отношеніи, какъ своего рода атавизмъ. Такъ начинаются многія народныя пѣсни, напр.: „Кувала зозулечка видъ села до села, щось наша файна любка сумна, не весела“ (Зап. А. Стефановичъ въ с. Вильховци, въ колом. пов.); или пѣсня объ убійствѣ мужа женою: „Ой летила зозуленька зъ гаю до до села, чому жъ наша шинкарочка смутна не весела (у Головацкаго, т. III, стр. 19 и 20; ср. т. I, стр. 59 „Два голубы“ и т. II, стр. 602 „Сыви пташки“). По образцу послѣдней пѣсни, повидимому, и сложена была наша пѣсня, чѣмъ, можетъ быть, объясняется и то, что мотивъ ея, какъ извѣщаетъ г-жа К. изъ Новоградъ-Волынска, грустный. Конечно галицкіе составители этой пѣсни передѣлали народное начало соотвѣтственно своему сюжету; но въ Россіи, внѣ книжнаго вліянія, старое начало и всплыло на верхъ. Впрочемъ, по сообщенію г-жи К., въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ она слышала начало такъ: „Ой летила зозуленька черезъ наши села, та принесла новиноньку усимъ намъ веселу“, т. е. близко къ началу „Piśni Radosti“,

Ой летила зозуленька, зачала кувати:
—«Схожайтеся, люде добри, щось маю казати;
Ой маю я щось казати, маю говорити:
Не будете, люде добри, панщины робити.
Якъ настануть мировіи, ще й до того волостніи,
Ой стануть повидати, шобъ теперъ передъ панами
шапокъ не знимати.»

Ой поихавъ панъ въ село на панщину гнати:
—Выйди, выйди, вражый сыну, маешъ кару взяти!—
Ажъ нихто свого пана слухати не хоче
И на ёго гризни ричи смиливо ся регоче.
Бо въ нашого окомана нагай за плечима,
Въ него в..и по за комиръ зъ черными очима.
Наши паны вже не багати, бо маютъ полуды;
Видибрали панщиноньку, не слухають люде.

Ой летила черезъ село сыва посмитюха
Та спивала панщиноньки, а ляшуга слуха:
—«Ходимо, пане брате, тыю птыцю вбити,
Най ся вона перестане зъ биднихъ ляшкивъ кпити».
—«Ой кпилася, кпилася та й кпитися буду,
Бо есть таки мыже вами, шо роблять облуду».

Ой летила дика качка, впала въ очерети,
Ой тикала панщинонька видъ панивъ въ верети.
Не сама вона втикала, іи громада гнала,
Загнала іи въ пущи, въ нетри, шобъ тамъ пропадала.

Ой якъ выйшла стара пани на затыльни двери [1]:
—«Ой вернися, панщинонько, хочъ намъ до вечери!»
—«Не вернуся, не вернуся, бо я вамъ була вирна,
Сами-жъ то вы видправили, я тому не винна».

—«Ой вернися, панщинонько, вернися, вернися,
Ой хочъ на рикъ, хочъ на два въ панивъ наймися».—

Ой ты зоро вечерняя [2]), ой ты зоро ясна,

---

[1]) На эти двери выходитъ мать муже-убійцы шинкарки въ пѣснѣ указанной выше.

[2]) Опять возвращеніе къ образцу народной поэзіи отъ галицкой книжности.

Ото-жъ ты намъ засьвитыла, ажъ панщина згасла.
Въ нашимъ сели штыри паны, а два окоманы,
Висимнадцять полёвыхъ, а еденъ пидданный.
Ой зъихались комисары *кармалюка*[1]) грати;
Сюда-туда по кешеняхъ, нигде чого взяти[2]).
—Шо мы будемъ, пане брате, шо будемъ робити,
Шо не вміемъ, пане брате,ципомъ молотити?
Шо не вміемъ молотити, наши жинки прясти,
Ой ходимо до Шкалата[3]), навчимося красти.
Шо не вміемо косити, наши жинки жати,
Ой ходимо на гору въ тополяхъ лежати......
Ой летила посмитюха, середъ села впала:
А мисяця сентября панщина пропала.
Вылетила ластивонька, мало снигу, впала,
Въ сами свята великодни панщина пропала[4]).
Летила зозуленька, сила на гилляци,
Выбачайте, добри люде, вже панщина въ с...и!
Ой въ нашого пана-графа малёвани брамы,
Въ него в...и по-за комиръ дрыгають лапками.
Ой летила ряба птиця середъ села впала,
Ажъ теперечки, голодранци, панщина пропала!
На многія лита нашому цареви,
Шо зробивъ увольненя нашому краеви;
На многія лита нашій и царыци,
Шо не ходять на панщину наши молодыци;
На многія лита ще й царевимъ дитямъ,

---

[1]) Билліардъ, м. б. какъ пародія на гоньбу чиновниковъ за извѣстнымъ разбойникомъ 30-хъ годовъ Кармелюкомъ.

[2]) Ср. выше въ закарпатскомъ варіантѣ, а также финалъ еще одного галицкаго варіанта (запис. А. Стефановичемъ, въ Шешорахъ, въ колом. горахъ) изъ короткихъ, котораго мы не упомянули выше по его незначительности.

[3]) Скалатъ—городъ Галиціи.

[4]) Въ этихъ четырехъ стихахъ противурѣчиво сведены двѣ австрійскія даты: около Пасхи въ 1848 г. фактически прекратилась въ Галиціи панщина и издано было распоряженіе о ея отмѣнѣ въ Галиціи (см. выше), а въ сентябрѣ того же года изданъ былъ общій австрійскій законъ объ отмѣнѣ всякой барщины. Мѣсяцъ послѣдней даты совпадаетъ съ закономъ 3 сентября 1863 г. для юго-западнаго края.

Шо позволивъ добрымъ людямъ въ корчми посидити.
Ой будемо заробляти, на боже давати,
Шо не ходять окоманы по-пидъ наши хаты.
Нихто-жъ теперъ мужика, нихто-жъ вже не збудить,
Хиба ёму въ головахъ дитина затрубить.
На панщину хожу, хожу,
Нигде въ сьвити не догожу;
Хожу въ зими, хожу въ лити,
Не догожу нигде въ сьвити! [1])
Ото, хлопци, наши злыдни:
За еденъ день [2]) робивъ три дни
Робивъ три дни, наробився,
Прыйшовъ вечиръ, ще й набився.
Молотивъ я въ понедилокъ
Молотивъ я и въ вивторокъ,
Обмолотивъ я въ вивторокъ,
Лышилося снопивъ зъ сорокъ.
А въ середу докинчивъ:
День панщины видробивъ.
А теперъ я до полудня бъю солому,
А зъ полудня йду до дому.
Оттакъ ципомъ помахаю,
А все видъ ляха сорокивця маю.
Теперъ моя жинка паня,
Шо не пряде митка зраньня.
Серпомъ гоныть, юркомъ душить,
Заплатити ій панъ мусить.
Наши хлопци празникують,
Бо въ ляшуги гроши чують.
Ой ходить панъ по сели
Та збирае косари:
—«Ходи́ть, хлопци, косити,
Буду платити

---

[1]) Подобное же воспоминаніе о панщинѣ см. въ „Кіевлянинѣ", 1869 г., № 95, 375, въ пѣснѣ о польскомъ возстаніи 1863 г.

[2]) Пропущенный противъ инвентарнаго положенія.

Й дамъ горилки оковити».
Ой ходить панъ по нивоньци,
Мае клопитъ въ голивоньци:
Дрибни снопы, копивъ мало,
А въ кешени легко стало.....
Помолиться, люде, Богу до святои Матки,
Подарувавъ царъ панщину,—подаруе и податки.
Помолиться, молодыци, до святои фигуры,
Що подарувавъ вамъ царъ яйця, митки, куры...

Варіантъ г. Бѣлинскаго, какъ сказано было, очень близокъ къ вышеприведенному. То же расположеніе, та же географія (Шкалатъ въ той же роли), тѣ же по большей части выраженія; но только онъ гораздо распространеннѣе. Птицъ еще больше; прибавлена еще и гадюка, какъ символъ горькой для пановъ вѣсти,—и каждое существо привлекаетъ за собою связанные съ нимъ образцы въ народной словесности. Но особенность варіанта составляетъ горячность фантазіи его первыхъ слагателей, которая побуждаетъ ихъ прибавлять все новыя подробности уже готовыхъ мотивовъ, особенно тамъ, гдѣ приходится рисовать панщину и пановъ, къ которымъ данный варіантъ относится еще злѣе, чѣмъ другіе. Это озлобленіе побудило включить въ этотъ варіантъ часть особенной пѣсенки, которая, кажется, сложена была въ Галиціи еще въ первой четверти текущаго столѣтія, когда тамъ введена была рекрутчина, конечно, сначала только для крестьянъ. Вотъ эта пѣсенка, оканчивающаяся проклятіемъ.

Ой тикали два ледени (молодцы) по гори садами,
А за ними два капралы зъ довгимы шаблями.
—«Не тикайте, лединики, дайте ся имити;
У цисаря добра служба, лышень бы служити».
— У цисаря добра служба, та й добра заплата:
Не одному воячкови головочка стята.
Ой стята, стята, та й не похована,
За нашого цисарика, за нашого пана.

Бодай паны панували, бодай паны жили,
Бодай паны въ самимъ Видни тачками возили!
(Запис. Н. Окуневская, въ Яворовѣ, въ 1883 г.)[1]).

Послѣднее проклятіе развилось въ отдѣльную злобную пѣсенку, вѣроятно около 1848 г.

Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Въ веретки ся зодягали, въ насъ хлиба просили.
Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Бо-дай панки при дорози каминчики били.
Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Бо-дай панки въ Тернополи кайданы носили.
Бо-дай панки панували, бо-дай панки жили,
Бо-дай панки въ Тернополи песики водили.
(Запис. въ 1872 г. П. Бѣлинскій въ тернопольск. пов.).

Въ Галиціи потомъ пѣсенка эта передѣлалась и на жидовъ,— новыхъ пановъ, у овсяниковскаго же лирника она явилась въ такомъ видѣ:

Дай, Боже, щобъ паны жили: на рукахъ, на ногахъ кайданы носили,
Шобъ воны проживали: въ мисти Камъянци рынокъ замитали!

Въ озлобленіи на пановъ варіантъ г. Бѣлинскаго передѣлываетъ образы своихъ предшественниковъ, выражающіе недоумѣніе пановъ, какъ они будутъ жить, не пріученные къ крестьянской работѣ, на фантазію о томъ, какъ паны и мужики помѣнялись ролями:

Силы хлопци коло стола *марьяша* грати,
Послали своихъ панивъ до стосивъ рубати и т. д.

Подобныхъ подробностей нѣтъ въ галицкихъ варіантахъ, хотя варіантъ г. Бѣлинскаго въ цѣломъ, конечно, сложенъ еще въ Га-

---

[1]) Варіантъ конца оттуда же:
Бодай паны панували, бодай паны жили,
Бодай тоби, цесарыку, мы вже не служили.
Бодай паны панували, бодай паны жили,
Бодай пана молодого на воячка взяли!

лиціи. Лирникъ, который диктовалъ его нашему собирателю, самъ признавался, что научился этой пѣсни *отъ нимия*. Выше приведенная вставка, картина домашнихъ крестьянскихъ судовъ, которые замѣнили панскую расправу, да воспоминаніе о трехдневной барщинѣ, вм. однодневной,—вотъ и всѣ российскія прибавки къ австрійской основѣ. Характеристична впрочемъ незначительная по смыслу передѣлка стиха о «податкахъ», которую мы уже встрѣчали и въ другихъ россійскихъ варіантахъ, но которая выражена въ варіантѣ овсянниковскаго лирника особенно ясно:

Молитеся, хлопци, Богу до святои Матки,
Подарувавъ царъ панщину, *подаруе ще й податки.*

Между тѣмъ, какъ овсянниковскій варіантъ почти резюмируетъ все найболѣе характерное изъ всѣхъ, какъ австрійскихъ, такъ и россійскихъ разновидностей пѣсни о зозуленькѣ и волѣ, такъ что становится уже обременителенъ для обыкновенной крестьянской памяти и доступнымъ только для спеціалиста-лирника, еще одинъ неизданный варіантъ, который мы имѣемъ отъ г-жи П. Поплавской (запис. въ с. Уланцѣ, около Томашполя, ямпольскаго уѣзда, подольской губ. въ 1882 г.) показываетъ новое направленіе въ обработкѣ этой все таки книжной темы въ устной народной словесности: изъ многихъ мотивовъ разросшихся варіантовъ взятъ одинъ, найболѣе простой и обработанъ въ отдѣльную, короткую народную пѣсню. Вотъ она:

Дай-же, Боже, здоровья нашому цареви,
Що намъ зробивъ вольность, нашому краеви.
Дай-же, Боже, здоровья нашои царивни,
Що зробила зъ мужика, що зъ панами ривный.
Дай-же, Боже, здоровья ще царевымъ дитямъ,
Що намъ вильно заробляти, де самому хотити.
Дай-же, Боже, заробити, та й на боже дати,
Що не ходять осавулы по-пидъ наши хаты.
Ой, у поли могилочка зъ витромъ говорила,
Ой у той могилочци панщина зогнила!

Этотъ конецъ, схватившій изъ длиннаго описанія аллегорическаго погребенія панщины галицкими крестьянами только одинъ

образъ могилы и вспомнившій по поводу этого слова старый пѣсенный образъ степной могилы, которая говоритъ съ вѣтромъ, по нашему мнѣнію, прекрасно замыкаетъ эту пѣсенку, бросая на нее тѣнь народности и въ тоже время изящества.

Вотъ и всѣ извѣстныя намъ до сихъ поръ пѣсни и варіанты опытовъ поэтическаго воспроизведенія великаго событія освобожденія крестьянъ на русскихъ земляхъ въ двухъ имперіяхъ, символически изображаемыхъ двуглавыми орлами. Послѣ сказаннаго, безспорно, что найболѣе распространенная изъ этихъ пѣсенъ, возникла въ имперіи австрійской и уже оттуда распространилась въ Россіи, пока только въ одной, сравнительно не широкой мѣстности. Мы уже показывали на самыхъ россійскихъ варіантахъ ея, что она связалась въ Россіи, подобно другимъ пѣснямъ того-же рода, не съ 1861 г., а съ 1863 годомъ. Но кромѣ указаній самой пѣсни, есть и постороннія свидѣтельскія показанія о времени появленія этой пѣсни въ Россіи и о ея движеніи по «юго-здпадному краю».

Первое указаніе на появленіе пѣсни о зозуленькѣ на Волыни относится къ 1864 г. («День», №№ 9 и 21); но, къ сожалѣнію, корреспондентъ московской газеты не далъ полнаго текста встрѣтившейся ему волынской редакціи пѣсни. Тоже слѣдуетъ сказать и о сообщеніи г. Блажіенка въ «Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (перепечатано въ «Кіевлянинѣ» 1869 г., № 36) о новыхъ пѣсняхъ «про панщину», появившихся въ острожскомъ уѣздѣ, волынск. губ., по словамъ самихъ мѣстныхъ крестьянъ въ декабрѣ 1868 года. «Прохожій изъ Старо-Константинова, говоритъ г. Блажіенко, пропѣлъ первую изъ нихъ въ гульчанской корчмѣ (с. Гульча) и не могъ отвязаться отъ крестьянъ, пока не выучилъ ихъ, и такъ пѣсня распространилась далѣе: гульчанцы научили сосѣдей урвенцевъ и такъ далѣе, такъ что въ настоящее время пѣсни эти поются во всемъ острожскомъ, дубенскомъ и староконстантиновскомъ уѣздѣ». Дѣло идетъ, очевидно, о зозуленькѣ. Мы имѣемъ сообщеніе о томъ, что пѣсня эта поется уже и въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ лирниками [1]). Подольскіе варіанты, лирницкіе и простой, мы при-

---

[1]) Намъ говорили также, что пѣсню эту пѣли уже около 1866 г. колядники одного села въ радомысльскомъ уѣздѣ.

вели выше,—при чемъ лирникъ г-на Руданскаго въ 1870 г. гордился своимъ знаніемъ пѣсни, очевидно, какъ новостью. Пошла ли уже эта пѣсня дальше на востокъ, дошла ли она хоть до Днѣпра,—пока печатныхъ указаній нѣтъ. Но судя по тому интересу, съ какимъ ее, по всѣмъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, слушаютъ крестьяне на Волыни и Подоліи, можно думать, что движеніе ея не остановится на этихъ мѣстностяхъ.

Отголосокъ ея замѣченъ уже и въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ къ нему прицѣпилось начало весьма распространенной на Украйнѣ прекрасной пѣсни о крѣпостномъ правѣ, очевидно, сложенной въ концѣ XVIII вѣка, тотчасъ по раздѣлѣ Польши. Вотъ для сравненія, этотъ отголосокъ:

Була, була Польща,
Та стала Вкраина[1]),
Не заступить сынъ за батька,
А батько за сына.
Пишовъ батько изъ косою,
А сынъ съ бороною;
Пишла мати за ленъ жати,
А дочка до гною.
Ой ковала зозуленька,
Ковала, ковала,
Якъ панщина даремщина
Отъ панивъ втикала.
Утикала [illegible]инонька,
Ажъ г[illegible] тряслися,
А за нею эк[illegible]:
«Панщино, вернися»!
— Не вернуся, не вернуся,
Бо нема до кого,
Було хлопа шановати,
Якъ здоровья свого.
Догоняли панщиноньку
У Калиновимъ мости:

1) Въ текстѣ приводимаго списка стоитъ: *Россея*, но это очевидно измѣненіе первоисточника, на что указываетъ риема.

«Ой, вернися, панщинонько,
Хочь до насъ у гости»!
— Не вернуся, не вернуся,
Бо нема до кого,
Теперъ мене подавайте
Хочь до мирового!
Подякуймо царю й Богу,
И нашій царыци:
Закопали панщиноньку
На пруській граници.
Подякуймо царю й Богу
И нашій царицни,
Що зривняли панивъ, ляхивъ
И усихъ заривнй[1]).

Подъ этой пѣснею подписано г. Шеловымъ: «Записалъ слушатель виленскаго учительскаго института М. Середа», но гдѣ записана пѣсня, не сказано. Въ языкѣ этого варіанта нѣтъ ничего бѣлорусскаго, слѣдовательно онъ записанъ, по всей вѣроятности, отъ малоросса гродненской губерніи и еще не успѣлъ обѣлоруситься.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать для сравненія съ малорусскими пѣснями, которыя намъ кажутся виршами, объ эманципаціи крестьянъ, извѣстныя уже вирши, записанныя въ Бѣлоруссіи и Великороссіи.

Изъ первой г. Шейнъ сообщаетъ довольно длинную виршу *Разговоръ Данилы и Сьцьпана про волю.* Разговоръ этотъ, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ сопоставленія картинъ крѣпостнаго права и воли, *еще ожидаемой* отъ царя, напоминаетъ по своему духу и идеямъ вышеприведенныя украинскія пѣсни, между прочимъ и въ томъ, что и здѣсь большое значеніе придается предстоящему гражданскому и свѣтскому равенству мужиковъ съ панами:

---

[1]) Пѣсня эта помѣщена въ „Русской Старинѣ“ за 1886 г., мартов. кн., стр. 673, но въ невозможной, якобы мѣстной, транскрипціи, которую мы, ради прекраснаго содержанія пѣсни и для удобства чтенія, замѣнили здѣсь общеукраинскою. Цѣлыя пѣсни о панщинѣ съ такимъ началомъ напечатаны: въ „Основѣ“, 1862 г., т. IV, стр. 107 и у Костомарова, въ его трудѣ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, стр. 868—869. Мы имѣемъ еще три рукописныхъ варіанта.

Но цяперъ на свѣцѣ усе иначей строюць:
Уже не сермяги да сюрдуты кроюць,
Треснуць яны, лопнуць, а на ихъ ня будзе,
Бо уже рѣчи стали у цара и у судзѣ,
Кабы мужыкъ быу воленъ, а царъ яго паномъ,
И ня смѣвъ бы николи звацъ панъ его хамумъ.
Будзиць тоя, браце, дожджомъ, мой Сьцѣпане,
Што панъ на насъ скажиць: «мой коханы пане!»
Мы на ихъ не глянимъ и шапки не снимемъ,
Хоць близка насъ будзиць, не скланіувшись минемъ
и т. п.

(Русская Старина, 1886, III. 675.).

Сообщая эту интереснѣйшую виршу, г. Шейнъ замѣчаетъ: «Послѣднее стихотвореніе одно изъ немалочисленныхъ произведеній новѣйшей народной или популярной бѣлорусской музы. Стихотвореніе это распространено во многихъ спискахъ, особенно въ минской губерніи. Замѣчательно, что лучшій списокъ написанъ польскими литерами—доказательство, что стихи распространены между крестьянъ римско-католическаго вѣроисповѣданія». Послѣднее обстоятельство можетъ показаться удивительнымъ для тѣхъ, кто раздѣляетъ ходячія понятія о католическомъ и православномъ населеніи западныхъ губерній. Но кто знаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, тотъ не удивится и предположенію о томъ, что и самая вирша эта сочинена въ средѣ крестьянъ католическихъ, болѣе образованныхъ въ томъ краѣ, при первыхъ еще вѣстяхъ о предстоящей волѣ, въ 1857—58 году. Это предположеніе подтверждается и слѣдующими стихами вирши:

Атъ ксяндзоу, атъ жидоу усѣ людзи чуюць,
Що вольносць намъ бѣднымъ дасьць царъ безъ откладу.

Въ Великороссіи еще не замѣтно ни пѣсенъ, ни виршей, спеціально посвященныхъ освобожденію крестьянъ. Факта этого только коснулся, въ ряду другихъ, простонародный стихотворецъ сатирикъ Яковлевъ, богородскаго уѣзда, московской губерніи, описанный г. Михневичемъ. «Наблюдая указанные нами факты деморализаціи промышленнаго крестьянина, его страстишку къ франтовству и модничанью, къ трактиру, гульбѣ и проч., говоритъ г.

Михневичъ, нашъ доморощенный Ювеналъ усмотрѣлъ корень всему злу въ волѣ:

Какъ крестьяне волю получили,
То себя больше къ пьянству пріучили;
Нынѣ крестьяне живутъ, не робѣютъ,
А себѣ добра не прочатъ, не радѣютъ,
Кто для себя добываетъ,
И то все на вино пропиваетъ [1]).

П. Кузмичевскій.

1) Вл. Михневичъ, Истор. Этюды русской жизни, стр. 413. Статья „Изв а-щеніе народнаго пѣснотворчества“.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Продолженіе) [1]).

Краткія свѣдѣнія о школахъ въ западныхъ провинціяхъ, бывшихъ до преобразованія.

Эти же занятія мои дѣлами кременецкой эдукаціонной коммисіи познакомили меня нѣсколько съ учебными заведеніями, существовавшими въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, въ томъ состояніи, въ какомъ они были до закрытія ихъ въ 1831 году.

Эти учебныя заведенія были слѣдующія:

А. Въ кіевской губерніи.

1) Кіевская гимназія на особыхъ правахъ. Въ ней сверхъ наукъ, которыя преподавались обыкновенно во всѣхъ гимназіяхъ, были еще введены русское право, римское право и греческій языкъ. Воспитанникъ, по окончаніи гимназіи, получалъ чинъ 14 класса. Для содержанія этой гимназіи суммы отпускались изъ казны, преподаватели были присылаемы изъ педагогическаго института и харьковскаго университета.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 439—468.

2) Подольское уѣздное училище, въ которомъ преподавались науки, введенныя во всѣ русскія уѣздныя училища. Содержаніе получало изъ казны.

3) Каневское повѣтовое училище о шести классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базиліанъ. Въ этомъ училищѣ часть преподавателей была изъ монаховъ базиліанскихъ, часть выписывалась изъ виленскаго университета.

4) Уманское повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи базиліанъ.

Предметы въ этихъ училищахъ преподавались такіе, какіе обыкновенно введены въ гимназіяхъ; но были еще особенные учителя для латинскаго языка, Закона Божія и польской словесности.

Сверхъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній существовало пятнадцать приходскихъ училищъ.

Б. Въ волынской губерніи.

5) Кременецкій лицей или волынская гимназія. Этотъ лицей состоялъ изъ семи классовъ; въ первыхъ четырехъ классахъ преподавались предметы, какъ къ семинаріяхъ, а въ послѣднихъ трехъ курсахъ науки преподавались въ такой почти степени, какъ въ университетахъ. Преподаватель долженъ имѣть степень доктора, или, по крайней мѣрѣ, магистра. Они присылались по большей части изъ виленскаго университета. Лицей этотъ содержался изъ собственныхъ доходовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, и доходовъ изъ кременецкаго староства.

6) Клеванское повѣтовое училище, о 6 классахъ, на степени гимназіи, помѣщалось въ замкѣ, подаренномъ для сего князьями Любоміρскими. Суммы для содержанія его отпускались изъ казны.

7) Межирецкое повѣтовое училище, также о 6 классахъ, на степени гимназіи, содержалось на иждивеніи піаровъ.

8) Овручское повѣтовое училище было о четырехъ классахъ; но въ послѣднемъ классѣ преподавались три года гимна-

зическіе предметы для тѣхъ воспитанниковъ, которые желали потомъ поступить въ университетъ. Это училище содержалось иждивеніемъ базиліанъ.

9) Бердичевское повѣтовое училище, о четырехъ только классахъ, содержалось иждивеніемъ кармелитовъ.

Сверхъ того были на Волыни слѣдующія городскія училища: въ г. Житомірѣ, мѣстечкѣ Полонномъ, Коднѣ, Бердичевѣ, Новоградъ-Волынскѣ, Корцѣ, Острогѣ, Овручѣ, Велединкѣ, Заславлѣ, Старомъ-Константиновѣ, Теофиполѣ, Кременцѣ, Катербургѣ, Вишневцѣ, Алексинѣ, Почаевѣ, Радзивиловѣ, Боремлѣ, Млыновѣ, Дубнахъ, Доростаѣ, въ большомъ и маломъ, Луцкѣ, Мизочѣ, Локачахъ, Несвижѣ, Торчинѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Седлицѣ, Гороховѣ, Порыцкѣ, Сельцѣ, Устилугѣ, Ковлѣ, Турійскѣ, Мѣльницахъ, Голобахъ, Ратномъ, Коблинѣ, Любарѣ, Чудномъ, Колкахъ, Любомлѣ, Ровнѣ, Клевани, Олыкѣ, Деражномъ, Степани, Бережинцахъ, Шпаковѣ, Казимірковѣ, Горынь-городѣ, Заблоцѣ, Буковцѣ и Трояновѣ.

Большая часть изъ этихъ училищъ содержались на счетъ владѣльцевъ помѣщиковъ, а остальныя на иждивеніи латинскаго духовенства. Владѣльцы для этого опредѣляли: 1) домъ о двухъ комнатахъ и при немъ огородъ въ два морга, 2) сѣнокосъ въ два морга, 3) пахатной земли—въ иныхъ по 10, въ другихъ по 20, а въ иныхъ по 30 морговъ; сверхъ того 4) учители получали деньгами 600 злотыхъ, 5) въ награду прилежнымъ учителямъ 5 р. 40 к. сереб., 6) за каждую перемѣну владѣльца вотчиною платится цѣна 50 корцевъ ржи, 7) изгородь огорода, первую обработку полей и засѣвъ также бралъ на себя фундаторъ и 8) въ добавокъ, два кормленыхъ кабана и двѣ фастки масла.

В. Въ подольской губерніи.

10) Винницкая гимназія. Получала содержаніе изъ казны.

11) Меджибожское повѣтовое училище. Помѣщалось въ замкѣ князя Адама Черторижскаго и получало содержаніе отъ казны.

12) Каменецъ-Подольское повѣтовое училище. Получало содержаніе отъ казны.

13) Барское повѣтовое училище. Содержалось на иждивеніи тринитаровъ.

Всѣ три послѣднія училища были о 6 классахъ; въ нихъ преподавались науки въ такомъ же объемѣ, какъ въ гимназіяхъ.

Сверхъ того существовало еще 29 приходскихъ школъ, содержимыхъ по большей части латинскимъ духовенствомъ.

Окладъ жалованья чиновникамъ былъ слѣдующій.

Въ кременецкомъ лицеѣ: директору 1,000 р. сер.

Въ винницкой гимназіи: директору 800 р. сер., префекту и преподавателямъ наукъ по 400 р. сер.

Въ повѣтовыхъ школахъ: штатному смотрителю 400 р. с., учителямъ по 300 р. сер.

Въ приходскихъ училищахъ жалованье учителю не превосходило 150 р. сер., если онъ самъ не хотѣлъ заниматься обработкой назначенныхъ ему земель.

Учебныя книги для кіевской гимназіи присылались изъ департамента министерства просвѣщенія и харьковскаго университета; а для прочихъ учебныхъ заведеній, по требованію, высылалъ коммисіонеръ виленскаго университета, Глюксбергъ. Всѣ книги были на польскомъ языкѣ. Каждый классъ имѣлъ свою книгу, и онѣ назывались: книга для перваго класса, книга для втораго класса, книга для третьяго класса и т. д. Въ книгѣ для перваго класса изложена часть науки, которая должна быть пройдена непремѣнно въ этомъ классѣ, въ книгѣ для втораго класса было продолженіе той же науки, а въ книгѣ для третьяго класса слѣдовало продолженіе науки съ того пункта, на которомъ она оканчивалась въ книгѣ, предназначенной для втораго класса, и т. д. Эти книги печатались на сѣрой бумагѣ. Цѣна имъ назначалась очень малая: отъ 6 грошей до 2-хъ злотыхъ, не дороже. Виленское училищное начальство очень заботилось о томъ, чтобы не перемѣнять учебниковъ и тѣмъ не вводить воспитанниковъ въ разореніе отъ частыхъ покупокъ. Учи-

теля для руководства въ преподаванiи всеобщей исторiи имѣли исторiю Кайданова, переведенную на польскiй языкъ. Она всегда находилась на каѳедрѣ развернутою и, кажется, только и имѣла это назначенiе—лежать на каѳедрѣ, потому что преподаватели руководствовались другими учебниками по этой части. Тоже можно сказать и о русской исторiи.

Воспитанники по нѣсколько человѣкъ помѣщались на избранныхъ префектомъ квартирахъ, подъ надзоромъ или старшихъ учениковъ или окончившихъ прежде ученiе. Даже дѣти, живущiе въ томъ городѣ, гдѣ было училище, имѣли дозорца, надзирателя. Каждый дозорца имѣлъ переплетенную книгу, въ которой прописывались имена воспитанниковъ, ихъ лѣта, въ какомъ классѣ кто находился, какiя у него книги, вещи, сколько у него денегъ, сколько издержалъ воспитанникъ денегъ и сколько у него осталось на лице. Въ этой книгѣ ежедневно отмѣчались успѣхи воспитанниковъ въ наукахъ и ихъ поведенiе. Префектъ почти ежедневно посѣщалъ квартиры воспитанниковъ, а по утрамъ получалъ донесенiя о нихъ отъ дозорцевъ. При посѣщенiи онъ пересматривалъ книгу, въ которую собственноручно записывалъ свои замѣчанiя о воспитанникахъ, ихъ вещахъ, состоянiи квартиры, чиста ли она, тепла, или холодна, и всѣ свои расправы, которыя онъ учинилъ. Расправы съ воспитанниками на квартирѣ были обыкновенно розги; эту экзекуцiю всегда исполнялъ цензоръ, ученикъ атлетическаго роста и силы. По окончанiи годичнаго курса, дозорцы передавали эти книги префекту для храненiя, а въ началѣ курса имъ выдавались новыя. Сверхъ того префектъ имѣлъ особеннаго довѣреннаго человѣка, шпiона, изъ постороннихъ лицъ, иногда изъ простаго сословiя, даже изъ жидовъ. Эти тайные дозорцы, подъ благовиднымъ предлогомъ, посѣщали хозяина квартиры, или воспитанниковъ, ловко стороною развѣдывали о поведенiи дозорцевъ и воспитанниковъ и секретно доносили о томъ префекту.

Дѣти достаточныхъ родителей помѣщались при монастыряхъ, въ отдѣльныхъ комнатахъ, называемыхъ конвиктами, подъ надзоромъ монаховъ, или живали на квартирахъ учитель-

скихъ съ платежемъ денегъ по условію. И тѣмъ и другимъ платили значительныя деньги. Дѣти бѣднѣйшихъ родителей и круглые сироты помѣщались даромъ на общихъ квартирахъ.

Каждый классъ имѣлъ свое знамя, которое выносилось только во время торжественныхъ случаевъ, а именно: во время праздника Божіе Тѣло, или во время маювки, т. е. майскаго гулянья. Этихъ гуляній было непремѣнно три: 1, 15 и 30-го мая. Горе училищному начальству отъ родителей, если оно не выполнитъ этихъ трехъ гуляній съ ихъ дѣтьми!

Между преподавателями находилось много съ хорошимъ образованіемъ. Въ гимназію опредѣлялись магистры, даже доктора, а въ уѣздныя училища кандидаты, Нѣсколько изъ преподавателей кременецкаго лицея впослѣдствіи заняли каѳедры въ виленскомъ университетѣ. Извѣстный Лелевель былъ сперва учителемъ въ кременецкомъ лицеѣ. Всѣ преподаватели пользовались хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ и принимались даже въ домахъ аристократовъ, или магнатовъ, какъ тамъ обыкновенно выражаются, съ отличнымъ уваженіемъ.

Преподаватели и воспитанники имѣли *мундуръ*, форменную одежду, высочайше утвержденную для виленскаго учебнаго округа. Но мѣстное училищное начальство не стѣсняло бѣдныхъ воспитанниковъ; имъ дозволялось являться въ училище и въ партикулярной одеждѣ.

Дешевизна въ учебныхъ пособіяхъ, квартирахъ и содержаніи, свобода въ одеждѣ, а особливо любовь поляковъ къ образованію вообще, привлекали воспитанниковъ въ учебныя заведенія, которыя были многолюдны.—Въ Межирѣчи, Каневѣ, Винницѣ считалось ежегодно до 300 учениковъ и болѣе, а въ кременецкомъ лицеѣ число воспитанниковъ доходило до 1000.

Преподаватели, даже и тѣ, которые служили въ училищахъ, содержимыхъ духовенствомъ, могли получать чины, еслибъ того желали они сами. Но тѣ и другіе не любили ранговъ, чиновъ, боясь подвергнуться общественной насмѣшкѣ. Я зналъ многихъ преподавателей, которые служили по двадцати лѣтъ, состарѣлись, получили даже полный пенсіонъ и не имѣли чи-

новъ. Отъ нихъ-то я узналъ, что бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Чарторижскій, сильно, могущественно поддерживалъ эту нелюбовь къ чинамъ. «На что вамъ чины? вы шляхтичь, вы ученый человѣкъ; это выше всѣхъ чиновъ»! Такъ обыкновенно отвѣчалъ Чарторижскій тѣмъ преподавателямъ, которые просили его о представленіяхъ къ чинамъ.

Всѣ училища посѣщаемы были визитаторами, которые присылались, въ разныя времена, изъ виленскаго университета; но по большей части, по распоряженію виленскаго университета, эти училища визитировались или предсѣдателемъ, или членами эдукаціонной коммиссіи. По дѣламъ коммиссіи видно, что Чацкій, графъ Плятеръ и Подгородинскій часто посѣщали училища въ качествѣ визитаторовъ.

Во всѣхъ училищахъ введенъ былъ обычай каждый день предъ начатіемъ ученія водить учениковъ въ костелъ для выслушанія тихой мши, т. е. когда не играетъ органъ и кседзъ шепчетъ про себя весь составъ литургіи. Это обыкновеніе было, по мнѣнію моему, очень хорошо, потому что оно пріучало дѣтей молитвою начинать дневные труды.

Въ заключеніе, не могу утаить, что въ давнія времена въ этихъ училищахъ сильно поддерживалась національность польская: скрывали отъ воспитанниковъ и движеніе образованности въ Россіи, и могущество ея подъ властію мудрыхъ самодержцевъ, и развитіе въ ней промышленности, и благотворныя дѣйствія и учрежденія правительства, ведущія имперію къ цвѣтущему состоянію; но за то умѣли возвеличить передъ ними, при всякомъ случаѣ, и прелесть края польскаго, и высокую образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ изящной словесности; съ теплотою прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему, и тому подобное. Оттого юноши не любили Россію, но обожали Польшу; однимъ словомъ, Россія была для учениковъ terra incognita, но за то Польша была извѣстна со всѣми подробностями, и въ прошедшія, и въ насто-

ящія времена, и они не сомнѣвались въ исполненіи ихъ будущей судьбины, на основаніи тѣхъ понятій, которыя заранѣе имъ внушались. Не удивительно, если напитанные такими внушеніями юноши и въ возмужалыхъ лѣтахъ были глухи къ призыву русскаго правительства на служеніе общему отечеству—Россіи! Молодые люди съ большимъ состояніемъ оставались въ домахъ, хозяйничали, охотились, иногда путешествовали по Европѣ съ ученою цѣлью и безъ цѣли; люди съ среднимъ состояніемъ также хозяйничали, также охотились, но путешествовали не далѣе Львова и Варшавы, чтобъ только сказали о нихъ, что они путешествовали; а бѣдная шляхта служила у тѣхъ и другихъ, сперва лакеями, кучерами, писарями, далѣе дворецкими, потомъ если повезетъ необыкновенное счастіе, то достигали выгодной должности коммисара, т. е. управляющаго имѣніемъ, а тамъ чрезъ нѣсколько времени дѣлались поссесорами, то есть брали во временное владѣніе деревни у богатыхъ, а наконецъ дѣлались настоящими владѣльцами и достигали иногда почетнаго титла: hrabia, т. е. графа, пожалованнаго имъ отъ околодка, а иногда отъ цѣлаго уѣзда. Изъ этой шляхты были дѣльцы, занимались адвокатствомъ,—самымъ прибыльнымъ ремесломъ и служили по выборамъ дворянства.

Дѣвицы съ порядочнымъ состояніемъ получали воспитаніе преимущественно въ женскихъ монастыряхъ у визитокъ, гдѣ внушали имъ страхъ Божій, строгое благочестіе, высокую нравственность, любовь къ дѣятельности, опрятности; за тѣмъ, по выпускѣ изъ монастыря, они узнавали въ домахъ все то, что нужно имъ для общественной жизни. Эти монастырскія училища визитировались только бискупомъ или уполномоченнымъ отъ него. Бѣдныя шляхтянки воспитывались или въ домахъ своихъ родителей, или у родственниковъ своихъ, или въ парафіальныхъ школахъ; потомъ дѣлались прислужницами и компаніонками въ богатыхъ домахъ. Всѣ польки вообще набожны, высокой нравственности, умѣютъ одѣваться къ лицу, привѣтливы, ловки въ обращеніи, а потому прелестны; притомъ большія хозяйки и, нечего скрывать, большія патріотки и деспотки въ домахъ сво-

ихъ, но деспотствуютъ силою женской дипломаціи: кротостію, красотою и прелестью. Объ исключеніяхъ я не стану говорить ни слова.

Кіевъ, 25 іюля.

Окончивъ наши выписки, столько, сколько нужно на первый разъ, товарищъ мой и я рѣшились отправиться въ путь прямо на Вишневецъ. Лишь только поднялись мы на гору, то казалось, что мы приблизились къ земному полюсу градусовъ на пять: такъ и пахнуло на насъ свѣжимъ воздухомъ, оживившимъ наши силы, чрезвычайно истощенныя тропическою теплотою глубокаго ущелья кременецкаго. Въ Вишневцѣ мы остановились въ домѣ тамошняго пробоща. Оправившись нѣсколько послѣ дороги, мы, въ сопровожденіи этого духовнаго лица, отправились въ замокъ графа Мнишка, но его, къ несчастію, не застали въ домѣ. Насъ встрѣтилъ управляющій его имѣніемъ, который заблаговременно былъ уполномоченъ владѣльцемъ исполнять всѣ наши требованія. Вслѣдствіе того, мы отправились осмотрѣть училищный домъ, находившійся противъ замка и приведенный въ отличный порядокъ. Въ разсчетѣ недоимки за прежнее время и въ отпускѣ 150 р. с. на содержаніе учителя не только не произошло спора, но еще охотно исполнилъ онъ и другія наши предложенія, которыя клонились къ лучшему благосостоянію училища. Актъ былъ написанъ и подписанъ, какъ слѣдуетъ. Слава Богу! подумалъ я. Первый приступъ къ нашему дѣлу исполненъ удачно, а хорошее начало есть половина дѣла, говоритъ пословица.

Здѣсь къ стати открыть истину. Всѣ фундаторы училищъ, кромѣ духовенства, вслѣдствіе своихъ обязательствъ, поставили непремѣннымъ условіемъ, что пожертвованія ихъ прекращаются съ тѣхъ поръ, какъ скоро училища будутъ закрыты. И такъ, мы имѣли большое основаніе обрадоваться первому нашему успѣху.

Управляющій простеръ свою къ намъ привѣтливость еще далѣе. Онъ отправилъ гонца въ Алексинцы съ тѣмъ, чтобъ все

было приготовлено къ нашему пріѣзду, для того, говорилъ онъ, дабы мы не имѣли ни въ чемъ остановки. А, кажется, цѣль его была другая: онъ извѣстилъ тамошняго управляющаго о томъ, что мы говорили и дѣлали въ Вишневцѣ. Могу ли умолчать о томъ, съ какимъ вниманіемъ я осматривалъ замокъ, прекрасный паркъ, его вѣковыя липы, подъ которыми, можетъ быть, ложный царевичъ, Димитрій, за два вѣка передъ этимъ. очарованный ловкою дочерью Мнишка, Мариною, любовался прелестнымъ положеніемъ Вишневца и мечталъ съ нею о царствованіи своемъ надъ Московіею!

Дѣйствительно, въ Алексинцахъ намъ не было никакой задержки: мы въ три часа покончили съ тамошнимъ управляющимъ всѣ дѣла наши по училищу на такомъ же основаніи, какъ и въ Вишневцѣ. Почему, не мѣшкая ни мало, мы отправились въ Почаевъ, мѣстечко знаменитое тамошнимъ монастыремъ, гдѣ нашла пріютъ чудотворная икона Матери Божіей и гдѣ указываютъ на слѣдъ стопы ея, напечатлѣнный на камнѣ, слѣдъ, изъ котораго безпрестанно струится кристальная вода. Говорятъ, что этотъ монастырь былъ очень богатъ церковною утварью тогда, когда онъ былъ подъ властію базиліанъ. Какъ скоро они узнали, что этотъ монастырь предназначается въ каѳедру православнаго архіепископа, то, расхитивъ драгоцѣнные камни, золотые и серебренные сосуды, скрыли ихъ такъ, что никакихъ слѣдовъ не оставили. Первою моею обязанностію почелъ я посѣтить и принять благословеніе отъ архіепископа Иннокентія, который недавно основалъ здѣсь свою каѳедру, перенесши жилище свое изъ Аннополя. Преосвященный распрашивалъ меня объ основаніи, на которомъ будутъ открыты приходскія школы и чьему надзору они должны быть поручены. Я тогда могъ ему сообщить только то, что мнѣ ничего не извѣстно, ибо я боялся откровеннымъ сознаніемъ сдѣлать огласку, которая могла повредить полезному окончанію нашего дѣла. Затѣмъ я познакомился съ намѣстникомъ монастыря архимандритомъ Антоніемъ; ему самому угодно было показать мнѣ достопримѣчательности монастыря и присутствовать при молитвен-

номъ обрядѣ, посредствомъ котораго при гробѣ угодника Божія Іова изгоняли тяжкій недугъ у какого-то человѣка. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что этотъ умный, кроткій и ученый Антоній, бывшій незадолго предъ этимъ законоучителемъ въ кременецкомъ лицеѣ, будетъ со временемъ возведенъ на первый святительскій престолъ въ имперіи. Во время легкой закуски были только онъ, я и дочь его, жена деревенскаго священника кіевской губерніи. И онъ, сознаваясь въ недостаточномъ своемъ состояніи, съ душевною скорбію принужденъ былъ отказать ей въ такомъ денежномъ пособіи, какого она съ плачемъ требовала. Дочь моя любезная! я далъ тебѣ столько, сколько могъ; не требуй отъ меня большаго! Я самъ ничего не имѣю. Клянусь Богомъ! таковы были послѣднія слова его. Послѣ нихъ я немедленно простился съ нимъ. Мнѣ грустно стало.

Изъ Почаева мы снова возвратились въ Кременецъ, чтобы составить рапортъ къ г. попечителю учебнаго округа о первыхъ нашихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ по предмету устройства школъ. Этотъ нашъ возвратъ былъ по низменной равнинѣ, лежащей на сѣверной сторонѣ кременецкихъ горъ. Роскошь растительности и частыя встрѣчи съ прудами и быстрыми ручьями, обсаженными тополями и вербами, а можетъ быть и особенное настроеніе духа, представляли мнѣ эту равнину живымъ образомъ рая, въ которомъ, казалось, разрушеніе не могло коснуться человѣческаго организма.

Чрезъ три дня, а именно 26 іюня, мы снова вырвались изъ ущелья, называемаго Кременцомъ, и направили наше странствованіе прямо въ Дубны, куда прибыли на закатѣ палящаго солнца. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ день былъ зноенъ невыносимо. На другой день, утромъ, мы посѣтили тамошняго почтеннаго пробоща, который по предмету дубенской школы съ перваго нашего слова на все согласился и все сдѣлалъ. И такъ, не мѣшкая, учинили мы наѣздъ къ графу Ходькевичу, котораго въ тамошнихъ окрестныхъ мѣстахъ именуютъ еще графомъ млыновскимъ, вѣроятно потому, что онъ живетъ въ м. Млыновѣ, и еще потому, что въ дубенскомъ уѣздѣ есть другой

графъ Ходькевичь, который также имѣетъ другое придаточное прозваніе, если не ошибаюсь, графа варковичскаго. По небытности въ домѣ самаго владѣльца, насъ принялъ сынъ его, молодой человѣкъ, съ отличнымъ образованіемъ. Онъ намъ между прочимъ объявилъ, что онъ былъ уже предувѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ, а потому заблаговременно привелъ училищный домъ въ порядокъ и станетъ отпускать содержаніе учителю, на основаніи условія, *хоть заразъ*. Намъ осталось только благодарить его за вниманіе и привѣтливость. Этотъ молодой графъ—большой любитель химіи и имѣетъ порядочную коллекцію книгъ по этому предмету. По этому, вся наша бесѣда вертѣлась около этой науки, и надобно правду сказать, бесѣда его была очень занимательна.—Такъ какъ деревня Доростаи, принадлежитъ тому же владѣльцу, то и тамъ насъ не задержали. Оттуда мы отправились въ Луцкъ, городъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ болотами, извѣстный въ отечественной исторіи тѣмъ, что въ немъ за $2^1/_2$ вѣка тому назадъ бывали частые соборы духовенства, православнаго и латинскаго, для совѣщанія о предметахъ вѣры.

Здѣсь мы должны были остановиться на нѣсколько дней за тѣмъ, чтобъ составить второй рапортъ къ г. попечителю о нашихъ занятіяхъ.

Въ Луцкѣ я представился латинскому преосвященному, бискупу Пивницкому, которому лично принесъ глубокую, душевную мою благодарность за циркулярную его инструкцію къ подвѣдомому ему духовенству. Вслѣдствіе этой инструкціи, пробощи костеловъ оказали намъ радушное гостепріимство, а главное: снабдили насъ, со всею искренностію, мѣстными свѣдѣніями объ училищахъ и владѣльцахъ.

Потомъ посѣтилъ я директора гимназіи, И. Г. Кулжинскаго, который ловко и дѣльно боролся съ лицами, преданными съ патріотическимъ фанатизмомъ прежнимъ школамъ, и неусыпными трудами старался ослаблять въ нихъ предубѣжденія къ училищамъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Правда, эта борьба была для него не легка, особливо въ Луцкѣ, въ центрѣ

высшей власти латинскаго духовенства, гдѣ такъ много молодыхъ ученыхъ каноииковъ, получившихъ образованіе въ виленскомъ университетѣ, «первѣйшемъ въ цѣломъ свѣтѣ университетѣ», по выраженію поляковъ. Въ интимныхъ нашихъ бесѣдахъ мы сознались однако, что только время и терпѣніе, эти вѣрные союзники во всѣхъ человѣческихъ предпріятіяхъ, помогутъ намъ въ головахъ нѣкоторыхъ сословій привить начала русской жизни.

Въ Луцкѣ можно ли оставить безъ вниманія великолѣпный костелъ и архивъ рукописей, ожидающій заботливаго и ученаго разбора!

Изъ Луцка отправились мы въ Локачи, Несвижъ, Торговицу, потомъ чрезъ Доростаи въ Олыку, мѣстечко, принадлежащее князьямъ Радзивилламъ. Здѣшній костелъ великолѣпенъ и надѣленъ огромными фундушами. Пробощъ онаго имѣетъ званіе инфулата, потому что носитъ инфулу и пользуется правами бискупа при священодѣйствіи. За двѣсти лѣтъ тому назадъ, епископъ Заіерскій, въ бытность свою инфулатомъ олыкскимъ, завѣщалъ 70,000 злотыхъ, обезпечивъ эту сумму на имѣніи князя Родзивилла, съ тѣмъ, чтобы основать въ этомъ мѣстечкѣ семинарію и училище для всякихъ сословій. Вслѣдствіе этого завѣщанія князь Радзивиллъ, эрекціею 1638 года 15 апрѣля, основалъ духовно-свѣтское училище въ Олыкѣ, въ которое опредѣлилъ пять учителей: двухъ изъ духовнаго званія, а трехъ свѣтскихъ; они получали содержаніе изъ процентовъ означеннаго капитала. Изъ тѣхъ капиталовъ содержалось еще 8 такъ называемыхъ анколѣтовъ, т. е. готовившихся къ священному сану семинаристовъ. Потомъ олыкскій инфулатъ, Сухинскій, эрекціею (завѣщаніемъ) 1657 года 10 апрѣля записалъ 17,305 злотыхъ для содержанія при немъ 7 семинаристовъ, подъ названіемъ фіалетковъ. Наконецъ ксендзъ Козеровскій въ 1762 году 20 августа пожертвовалъ въ пользу училища 3,000 злотыхъ.

Не взирая на такой значительный фундушъ, училище существовало въ разныхъ формахъ и мало достигало своей цѣли, а иногда и вовсе не существовало. Проценты изъ означенныхъ

суммъ, кажется, употреблялись на другіе предметы, извѣстные только олыкскимъ инфулатамъ. Чацкій во время своего визита, въ 1803 году, сдѣлалъ распоряженіе и условіе объ устройствѣ отдѣльнаго свѣтскаго училища съ двумя учителями. Это училище кой-какъ существовало съ тѣхъ поръ, а съ 1824 года и вовсе его не было. Это обстоятельство озаботило г. министра просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова, и это дѣло передано намъ для разслѣдованія.

Прибывши въ Олыку, мы обратились къ инфулату Оссинскому, мужу ученому, острословному, который передъ тѣмъ былъ законоучителемъ въ Кременецкомъ лицеѣ. Онъ принялъ насъ ласково, и мы сдѣлали съ нимъ разсчетъ училищныхъ недоимокъ безъ всякаго ропота съ его стороны и постановили новыя условія о будущемъ существованіи школы,—единодушно, спокойно.

Отсюда мы отправились въ Клевань, гдѣ остановились въ замкѣ, который князь Любомірскій отдалъ для помѣщенія дворянскаго уѣзднаго училища. Училище это должно было открыться въ началѣ наступающаго академическаго года.

По изустному преданію мы узнали, что князья Олыкскіе и Клеванскіе во время существованія Польши держались иногда разныхъ партій на сеймѣ. Вслѣдствіе того существовали между ними распри, окончивавшіяся по большой части кровопролитною битвою. Замки наполнялись мелкою шляхтою, которая во время вылазокъ нападала на поселенія мирныхъ жителей, грабила имущество ихъ, умерщвляла ихъ, сожигала домы и хлѣбъ на поляхъ ихъ. И это убійство, этотъ грабежъ, эти смуты, производимыя во имя свободы, славили какъ счастливое, блаженное время!...

Въ Клевани мы составили третье донесеніе г. попечителю кіевскаго учебнаго округа по предмету устройства училищъ, осмотрѣнныхъ нами по пути отъ Луцка.

Изъ Клевани мы отправились въ Ровно, городъ, принадлежащій князьямъ Любомірскимъ. Князь принялъ насъ въ загородномъ домѣ своемъ привѣтливо и угостилъ прекраснымъ за-

втракомъ. Потомъ показывалъ намъ огромную оранжерею, устроенную не далеко отъ его прекраснаго дома, который построенъ въ срединѣ города. При этомъ спрашивалъ у насъ мнѣнія, не можетъ ли помѣститься гимназія въ этомъ зданіи, разумѣется съ тѣмъ, что въ немъ будутъ сдѣланы напередъ потребныя передѣлки. Тогда я ему искренно объявилъ, что хотя это зданіе двухъэтажное и каменное, но оно такъ узко, что въ немъ при всѣхъ возможныхъ внутреннихъ перестройкахъ гимназія помѣститься не можетъ. Потомъ совѣтывалъ ему достать планъ и фасадъ, которые недавно Высочайше утверждены вообще для зданій гимназическихъ, и, по разсмотрѣніи разсчитать, выгодно-ли будетъ ему построить такое зданіе, послѣ чего онъ уже можетъ обратиться съ своимъ предложеніемъ къ г. попечителю. Князь, подумавъ нѣсколько, сказалъ, что онъ по первой почтѣ напишетъ къ г. попечителю письмо, въ которомъ изъявитъ желаніе построить въ Ровно такое зданіе, какое пожелаетъ училищное началнство, съ условіемъ помѣстить въ немъ луцкую гимназію, которая теперь тѣснится въ маломъ и неопрятномъ домѣ. А мы обѣщали ему, что, прибывши въ Кіевъ, при явкѣ къ его превосходительству, переговоримъ съ нимъ о томъ подробнѣе. Вотъ начало основанія гимназіи въ Ровно, а окончаніе оной послѣдовало, кажется, чрезъ четыре года потомъ.

Успѣхи наши по устройству школъ были быстры въ Шпановѣ, Острогѣ, Аннополѣ, Корцѣ, Новоградѣ Волынскомъ, Полонномъ и Межирѣчи, потому что не было никакихъ препонъ со стороны владѣльцевъ и еще потому, что мы сами искусились въ этомъ дѣлѣ совершенно. При томъ на всѣ обстоятельства по этому предмету мы имѣли уже готовыя формы.

Такъ-какъ до 25 іюля намъ осталось нѣсколько лишнихъ дней, то мы рѣшились отдохнуть въ Житомірѣ и въ тоже время приготовить четвертое донесеніе къ г. попечителю о нашихъ дѣйствіяхъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что житомірская гимназія вошла въ свое дѣло смирно и успѣшно; она не встрѣтила никакого упорства отъ фанатизма къ прежнему порядку; притомъ директоръ гимназіи, Бокщанинъ, какъ туземецъ, немедленно ввелъ въ учебное заведеніе, ему ввѣренное, всѣ обстановки и обыкновенія, пріятныя и обывателямъ. Вслѣдствіе того число воспитанниковъ въ первое полугодіе простиралось до 250 человѣкъ. Помѣщеніе гимназіи было впрочемъ очень-незавидно, даже не благовидно.

Путь нашъ отъ Житоміра до Кіева не имѣлъ никакихъ служебныхъ остановокъ, а потому мы живо промчались чрезъ Радомысль, крѣпко неопрятный городъ, и не опомнились, какъ очутились на послѣдней станціи предъ Кіевомъ, въ Бѣлогородкѣ. Поднявшись на гору, мы увидѣли сперва печерскую колокольню, а потомъ и величавый Кіевъ и его великолѣпные храмы, которыхъ куполы, казалось, горѣли отъ лучей заходящаго солнца. Путь этотъ мы совершили почти въ одни сутки.

При этомъ по неволѣ вспомнилось мнѣ, какимъ гоненіямъ, терзаніямъ подвергалась нѣкогда православная церковь въ странѣ, теперь мною пройденной,—въ странѣ, въ которой она прежде имѣла покойный пріютъ! Глубокія ея раны, при всѣхъ заботахъ правительства нашего, при всей ревности пастырей, еще и теперь не совершенно залѣчены. Молитвенные домы наши, отъ которыхъ въ давнія времена отстали вельможи и зажиточные обыватели, стали бѣднѣть, ветшать: они построены на отдаленныхъ отъ селъ мѣстахъ, часто едва приступныхъ, а въ тоже время латинскіе костелы, великолѣпно сооруженные, съ изваянными украшеніями, оглашаемые мелодіею звучныхъ органовъ, высились гордо на лучшихъ площадяхъ. Латинское духовенство пировало и пируетъ, владѣя и значительными доходами изъ недвижимыхъ имѣній, и процентами изъ капиталовъ, пожертвованныхъ фундаторами костеловъ; а наши кроткіе священники едва-едва могутъ прокормить себя и семейство свое доходами

изъ скромныхъ усадьбъ и мірскихъ подаяній. очень скудныхъ. Тѣ самонадѣянно вступаютъ въ пышные замки магнатовъ и, владѣя ихъ совѣстію, веселятся съ ними и получаютъ сверхъ того все то, что имъ нужно для пріятной, одинокой жизни; а нашимъ священникамъ едва доступны дома владѣльцевъ, и то развѣ только въ дѣловыхъ случаяхъ. Я видѣлъ нашихъ священниковъ, съ набожнымъ чувствомъ вступавшихъ въ костелы, какъ храмы христіанскіе, и молившихся Творцу Всевышнему; но ничто не заставитъ ксендза войти въ православную церковь, которую они называютъ мужицкою, потому что въ ней собирается только простой народъ. Часто я былъ свидѣтелемъ набожныхъ чувствованій православныхъ изъ простаго народа, которые въ костелахъ молятся усердно, даже благоговѣйно повергаются долу и, переплетясь руками одинъ съ другимъ, недвижимо выслушиваютъ цѣлую мшу, но католикъ рѣдко посѣтитъ нашу церковь, и то лишь въ случаяхъ необходимыхъ...

На другой день по прибытіи въ Кіевъ мы явились къ г. попечителю округа съ нѣкоторымъ смущеніемъ и сильнымъ любопытствомъ, какъ онъ приметъ и наши дѣйствія, и наши отчеты по устройству училищъ. Его превосходительство при первой встрѣчѣ объявилъ намъ свою благодарность и нѣсколько разъ повторилъ: «я очень, очень доволенъ вами; отчеты ваши совершенно удовлетворительны; о томъ я говорилъ уже генералъ-губернатору, о томъ я писалъ и дальше». Потомъ приказалъ намъ принять совершенный покой послѣ такихъ непрерывныхъ странствованій и заботъ, впредь до востребованія его.

Здѣсь я снова увидѣлся съ профессорами бывшаго кременецкаго лицея, прибывшими въ Кіевъ вмѣстѣ съ учебными пособіями онаго и помогавшими г. Бокщанину въ путевыхъ заботахъ по этому предмету. Эти учебныя пособія были сложены въ длинномъ каменномъ домѣ, нарочно для того нанятомъ на Печерскѣ.

Послѣ того, какъ я былъ обласканъ г. попечителемъ, подъ вліяніемъ этого отраднаго состоянія души моей, мнѣ блеснула

мысль, вмѣсто того, чтобъ покоиться въ Кіевѣ, испросить у него дозволеніе отправиться на самое короткое время въ Новгородсѣверскъ для устройства перемѣщенія моего семейства въ Каменецъ-Подольскій. Я обратился о томъ къ его превосходительству съ просьбою, присовокупивъ къ тому и долговременную разлуку мою съ семействомъ, и неопытность семейства для такой далекой поѣздки. Г. попечитель милостиво и охотно изъявилъ на то свое согласіе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, въ 1861—62 гг.

Совершенно правъ г. Ефименко, говоря въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1886 г., что намъ, людямъ, живущимъ въ послѣдней четверти XIX столѣтія, нужно торопиться собирать среди самого народа изустный матеріалъ о народныхъ движеніяхъ вообще и въ особенности о народныхъ движеніяхъ, вызванныхъ крестьянской реформой 1861 года, такъ какъ очевидцевъ этаго великаго момента съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, и недалеко, вѣроятно, то время, когда разсказы о «волѣ» будутъ передаваться намъ уже изъ вторыхъ рукъ, устами новаго молодаго поколѣнія, которое будетъ говорить обо всемъ «со словъ стариковъ» и «по слухамъ», вслѣдствіе чего утратится всякая свѣжесть драгоцѣнныхъ разсказовъ и, что особенно печально въ интересахъ исторіи, они, эти разсказы, утратятъ значительную часть своей достовѣрности и такъ изукрасятся вымыслами фантазіи, что будутъ представлять не историческій матеріалъ для воспроизведенія великой картины крестьянскаго освобожденія, а скорѣе матеріалъ этнографическій, въ смыслѣ характеристики того поколѣнія, которое украситъ ихъ цвѣтами своей фантазіи и будетъ разсказывать ихъ «по своему», пропуская черезъ призму собственнаго сознанія. Да, необходимо скорѣе, какъ можно скорѣе собирать и записывать всѣ разсказы объ этомъ времени, сохраняющіеся еще въ памяти непосредственныхъ участниковъ этихъ движеній, кто-бы ни были эти послѣдніе, крестьяне-ли, помѣщики или священники.

Если мы не постараемся сдѣлать этого, то исторія будетъ вправѣ бросить намъ упрекъ въ преступномъ равнодушіи къ од-

ному изъ самыхъ выдающихся моментовъ въ жизни нашего народа; если о какой нибудь войнѣ 1877—78 гг., не имѣвшей никакого рѣшающаго значенія въ нашей внутренней жизни, написаны цѣлыя книги воспоминаній, анекдотовъ, даже пѣсенъ, книги, которыя могли-бы, по своему количеству, составить порядочную библіотеку, то по исторіи крестьянскаго освобожденія, съ котораго начинается новая эра крестьянской жизни, мы должны были-бы имѣть теперь уже цѣлую литературу, а между тѣмъ что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Нѣсколько толстыхъ томовъ главнѣйшихъ официіальныхъ матеріаловъ (изд. Стрельбицкаго) и двѣ-три жиденькія монографіи, изъ которыхъ лучшая (проф. Иванюкова) выдается только мастерской систематизаціей и группировкой матеріаловъ, не затрогивая и даже не намѣчая многихъ сторонъ этого въ высшей степени интереснаго момента. Если прибавить къ этому еще нѣсколько мелкихъ сообщеній, разсѣянныхъ въ историческихъ журналахъ и составленныхъ большею частью на основаніи оффиціальныхъ документовъ, то передъ нами будетъ и вся литература объ освобожденіи. Изустныя-же преданія объ этой интересной эпохѣ еще почти совершенно не затронуты. Намъ могутъ возразить, что изустныя преданія вообще отличаются односторонностію, а тѣмъ болѣе односторонни и пристрастны они должны быть въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ моментъ освобожденія наша страна переживала весьма острый кризисъ, вызванный рознью интересовъ кртстьянскаго и дворянскаго сословія; кромѣ этого намъ могутъ указать на оффиціальные документы, которые хранятся въ архивахъ, какъ на источники, по которымъ можно будетъ возстановить полную и истинную картину эпохи освобожденія. Что говорить, архивные мстеріалы вещь прекрасная и вполнѣ необходимая для исторіи; вѣрно и то, что изустныя преданія, отъ кого-бы они ни были почерпнуты, могутъ быть пристрастны и тенденціозны. Но одинъ архивный матеріалъ, уже по своей извѣстной сухости и лаконичности, не дастъ возможности сдѣлать болѣе или менѣе правильныхъ выводовъ относительно той эпохи и нарисовать полную драматизма картину крестьянскаго освобожденія, тѣмъ болѣе, что въ этихъ документахъ сплошь и рядомъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ и при томъ наиболѣе характерныхъ подробностей, которыя съ изумительной отчетливостью передаются свидѣтелями-очевидцами. Занимаясь архивными изысканіями,

мы не разъ наталкиваемся на подобнаго рода явленія...... Вотъ почему, вмѣстѣ съ почтеннымъ П. Ефименкомъ, мы настаиваемъ на необходимости собранія устныхъ сказаній объ эпохѣ освобожденія и при томъ настаиваемъ на возможно скорѣйшемъ собраніи ихъ, такъ какъ время, уже унесшее многое, конечно не замедлитъ стереть въ крестьянской средѣ и послѣднюю память объ этомъ событіи. Пусть эти разсказы будутъ тенденціозны и односторонни,—бѣда небольшая: исторія провѣритъ ихъ при помощи оффиціальныхъ архивныхъ документовъ и, откинувши все субъективное и тенденціозное, возьметъ изъ нихъ лишь то, что не будетъ противорѣчить истинѣ и что можетъ служить дополненіемъ и освѣщеніемъ протокольныхъ оффиціальныхъ данныхъ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и заключается все великое значеніе подобныхъ народныхъ разсказовъ для исторіи.

Откликаясь на призывъ г. Ефименка и «Кіевской Старины», обѣщавшей давать мѣсто на своихъ страницахъ для подобныхъ народныхъ разсказовъ о времени освобожденія крестьянъ, мы приводимъ здѣсь два такихъ разсказа, записанные нами въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, во время производства мѣстныхъ изслѣдованій, которыми мы занимались здѣсь по порученію курскаго губернскаго земства. Разсказы эти были записаны нами частію со словъ крестьянъ, частію со словъ мѣстнаго духовенства и вообще всѣхъ, кто во время оно были живыми свидѣтелями происходившихъ тогда событій и помнятъ всѣ обстоятельства, ихъ сопровождавшія.

Первый разсказъ нашъ относится къ Борисовской вотчинѣ графа Шереметева, состоявшей изъ слободы Борисовки съ прилегающими къ ней хуторами (эти послѣдніе составляютъ въ настоящее время 2 особыя волости: Стригуновскую и Высоковскую) и слободы Краснаго Кутка. По X ревизіи, въ этой графской вотчинѣ числилось 21,300 душъ обоего пола, въ настоящее-же время, по послѣдней земской переписи, здѣсь считается уже около 31,000 душъ.

Слобода Борисовка представляетъ одинъ изъ найболѣе населенныхъ крестьянскихъ центровъ на югѣ курской губерніи. Здѣсь, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, считается около 16,000 душъ обоего пола. Слобода эта издавна служила главнымъ торговымъ рынкомъ для всего грайворонскаго уѣзда. Сюда привозили прежде, до проведенія курско-харьковской желѣзной дороги, хлѣбъ со всего грай-

воронскаго уѣзда. Здѣсь во время двухъ осеннихъ ярмарокъ, Крестовоздвиженской и Михайловской, происходили, да и теперь происходятъ еще милліонные торговые обороты. Въ настоящее время въ Борисовкѣ нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, десятка 3—4 каменныхъ домовъ, множество торговыхъ лавокъ и питейныхъ заведеній (послѣднихъ считается здѣсь 37), вплотную оцѣпляющихъ широкую базарную площадь; наконецъ, здѣсь есть почтовая и даже телеграфная станція; все это, конечно, скорѣе напоминаетъ городъ, чѣмъ простую слободу, населенную исключительно крестьянами-земледѣльцами.

Не мудрено, что населеніе этой слободы издавна отличалось своею культурностью и образованностію. Такою-же культурностію отличается и населеніе хуторовъ прилегающихъ къ Борисовкѣ, потому что здѣшніе крестьяне есть не болѣе, какъ выселенцы изъ Борисовки, и выселенцы сравнительно очень недавніе.

Когда послѣ «воли» объявлена была по вотчинѣ «уставная грамота», сущность которой заключалась въ томъ, что крестьяне до выхода на выкупъ, должны отбывать въ барской экономіи трехдневку, то здѣшнее населеніе начало роптать. До освобожденія борисовцы не работали на барщинѣ и всѣ находились на оброкѣ, занимаясь по домашности разнаго рода кустарными производствами и отхожими промыслами. И вдругъ теперь, когда имъ и манифестъ прочитанъ въ церкви относительно «воли», когда они думали, что совершенно избавились отъ помѣщичьей власти, теперь ихъ заставляютъ ходить на барщину и ставятъ такимъ образомъ въ бо̀льшую зависимость отъ помѣщиковъ, чѣмъ стояли они до сихъ поръ. Это показалось борисовскимъ крестьянамъ величайшей несправедливостію. «Это все отъ помѣщиковъ», рѣшили они: «царь насъ освободилъ, а они опять насъ закабалить подъ себя хотятъ»....

Къ тому-же, по «уставной грамотѣ» борисовцевъ выпускали съ «неполнымъ надѣломъ», не какъ другихъ: въ надѣлъ имъ было отведено всего по 2 дес. на ревизскую душу, тогда какъ высшій размѣръ надѣла для грайворонскаго уѣзда, по мѣстному положенію, равнялся $2^{3}/_{4}$ десят. Борисовцы посылали къ управляющему своихъ уполномоченныхъ, выборныхъ отъ міра, и просили его нарѣзать имъ надѣлъ по высшему размѣру, но управляющій, основываясь на общемъ положеніи, отвѣтилъ, что сдѣлать этого никакъ

нельзя, такъ какъ крестьяне до положенія владѣли неполнымъ надѣломъ и потому теперь не могутъ требовать прирѣзки. Борисовскіе же грамотѣи толковали положеніе по своему и были въ полной увѣренности, что эта прирѣзка необходимо должна быть. Они сначала заподозрили было управляющаго въ томъ, что онъ нарочно прижимаетъ ихъ, съ цѣлью самому воспользоваться частію крестьянскаго надѣла. Но когда управляющій показалъ собственноручную подпись графа подъ уставною грамотою, то они стали винить барина своего и всѣхъ вообще помѣщиковъ, которые де-скать «не хотятъ съ чернымъ народомъ раздѣлаться по совѣсти». Лѣтомъ, около Успеньева дня, крестьяне собрались какъ-то на общій вотчинный сходъ, гдѣ принимали участіе не только одни борисовцы, но и населеніе всѣхъ окружныхъ хуторовъ, кромѣ с. Краснаго Кутка, у котораго была особая «расправа» и который имѣлъ право самостоятельнаго схода. Послѣ долгихъ преній на сходѣ рѣшено было: если экономія не прирѣжетъ земли—не платить оброка и не ходить на барщину.

Объ этомъ узналъ мѣстный грайворонскій исправникъ, Булгаковъ, и пріѣзжалъ увѣщевать крестьянъ «покориться законнымъ требованіямъ властей и помѣщика». Собиралъ онъ сходъ два раза, разъяснялъ, грозилъ, увѣщевалъ—все было напрасно; крестьяне упорно стояли на своемъ и отказывались подписывать уставную грамоту, требуя прирѣзки земли, въ противномъ случаѣ отказывались платить какіе-бы то ни было налоги. Дѣло было серьезное. Исправникъ не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать на свой страхъ, какъ это бывало въ мелкихъ деревняхъ съ незначительнымъ населеніемъ, и далъ знать объ этомъ въ «губернію».

Волненіе шереметевскихъ крестьянъ не утихало и осенью, и зимой 1861 г.; напротивъ, съ каждымъ днемъ оно принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года случилось здѣсь одно происшествіе, которое еще болѣе усилило возбужденіе борисовскихъ крестьянъ. Пришелъ въ Борисовку какой то загадочный странникъ и говорилъ всѣмъ крестьянамъ:

— «Стойте и держитесь крѣпко *за вѣру и правду*. Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за 2 желѣзными дверями и 6 замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, съ нимъ большое воинство, и хочетъ

онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ. Подержитесь только немного; онъ придетъ въ скорости»......

И показывалъ будто-бы странникъ крестьянамъ золотую книгу, а въ этой книгѣ было сказано, что всю землю царь Михаилъ отдаетъ крестьянамъ во владѣніе, а помѣщикамъ не оставляетъ ничего.

Странника этого видѣли многіе. Намъ передавали о немъ люди, сами съ нимъ лично бесѣдовавшіе. Говорятъ, онъ былъ уже очень старъ, весь сѣдой, ноги его едва держали; одѣтъ онъ былъ въ поношенный подрясникъ; на головѣ черная скуфейка, какъ у послушника. Странникъ говорилъ свои рѣчи и въ частныхъ домахъ, и на рынкѣ, останавливаясь вездѣ, гдѣ толпилась куча народа. Сколько времени онъ пробылъ въ Борисовкѣ—неизвѣстно.

Посѣщеніе странника и его возмутительныя рѣчи возымѣли дѣйствіе. 7-го апрѣля борисовцы собрались всѣ вмѣстѣ на общій сходъ со всѣхъ четырехъ сотенъ, чтобы еще разъ «помиркувати», какъ и что предпринять имъ. Посланы были гонцы на хутора, чтобы созвать весь народъ на вотчинную сходку. Сдѣлано это было «не по закону», помимо вотчиннаго правленія, которое одно могло собирать общіе вотчинные сходы. Распорядились этимъ «старики», которымъ за это впослѣдствіи и досталось не мало...

— Что станетъ дѣлать Борисовка, на томъ станемъ и мы, толковали хуторяне и валомъ валили въ Борисовку.

Всѣ улицы въ слободѣ были запружены народомъ.

Толковали цѣлый день; однако ни къ чему опредѣленному не пришли и рѣшили собраться на слѣдующее утро.

На другой день узнали, что пріѣхалъ царскій чиновникъ «изъ губерніи».

— Ну, вотъ, значитъ, онъ намъ настоящій царскій указъ привезъ, обрадовались крестьяне. То намъ все облыжную, неправильную волю показывали, а теперь увидимъ настоящую.

Всѣ повалили къ «расправѣ» (волостному правленію), гдѣ остановился дѣйствительно прибывшій въ Борисовку чиновникъ. Это былъ Мосоловъ, чиновникъ особыхъ порученій при курскомъ губернаторѣ; но прибылъ онъ не одинъ, съ нимъ было 4 эскадрона гусаръ.

Мосоловъ пріѣхалъ въ Борисовку ночью; самъ онъ съ офицеромъ помѣстился до утра въ расправѣ, а солдатъ оставилъ на улицѣ.

Рано утромъ Мосоловъ былъ уже на ногахъ и ожидалъ крестьянъ. Когда крестьяне подошли къ расправѣ, онъ, въ сопровожденіи старшины, становаго и цѣлаго отряда сотскихъ, вышелъ на крыльцо и сталъ объяснять крестьянамъ, что они должны подписать «уставную грамоту» и платить оброкъ, потому что въ противномъ случаѣ всѣ подвергнутся строгому наказанію, какъ не повинующіеся законнымъ властямъ.

— Подумайте хорошенько, братцы, закончилъ Мосоловъ, что вы затѣваете. Добромъ это для васъ не кончится, если будете продолжать упорствовать. Разойдитесь сейчасъ же по домамъ, а ужо, въ вечеру, васъ соберутъ по сотнямъ и вы будете подписывать грамоту... Да смотрите, чтобы каждый домохозяинъ при этомъ внесъ оброкъ, который состоитъ за нимъ. Безъ этого я не уѣду... А теперь разойдитесь пока, да обдумайте хорошенько.

— Не станемъ мы расходиться, отвѣчали коноводы изъ толпы. Не зачѣмъ... Мы только на Бога надѣемся, да на царя. Отдай намъ сейчасъ истинный царскій указъ—мы сію минуту разойдемся по домамъ, не дашь—не тронемся съ мѣста.

Мосоловъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Видимое дѣло, убѣждать крестьянъ было напрасно: сколько ихъ не убѣждай, они не послушаютъ, но ему также не хотѣлось употреблять въ дѣло и вооруженную силу.

— Кто въ Бога вѣритъ и на царя надѣется, громко сказалъ онъ, пусть станетъ на колѣни и сложитъ крестъ по православному.

Никто въ толпѣ не шелохнулся. Тогда онъ снова повторилъ свой призывъ. Очень немногіе, не болѣе 20—30 человѣкъ изъ 7 ми-тысячной толпы стали на колѣни и подняли руку, сложивъ пальцами крестное знаменіе. Большинство же осталось на ногахъ, полагая, что если они исполнятъ приказаніе чиновника, то это будетъ значить, что они согласны на принятіе уставной грамоты.

Мосоловъ распорядился отдѣлить, какъ агнцевъ отъ козлищъ, всѣхъ, кто сталъ на колѣни и затѣмъ приказалъ гусарамъ окружить со всѣхъ сторонъ остальныхъ. Тотчасъ же это было приведено въ исполненіе. Появились на сценѣ розги и началась расправа съ непокорными. Сѣкли всѣхъ подъ рядъ, не разбирая, какъ передаютъ крестьяне. «Секуція» продолжалась съ утра до ночи, въ 3 или 4 мѣстахъ разомъ; однако, не смотря на это,

далеко не всѣ побывали подъ розгами. При разсказѣ объ этой секуціи, крестьяне не обходятся конечно безъ преувеличеній; разсказываютъ напр., что когда пучекъ розокъ сверху обламывался, то били «оцупками», что нѣкоторые при этомъ «заходились», и т. д. Трудно, даже совсѣмъ невозможно провѣрить, въ какой мѣрѣ эти разсказы справедливы...

Такъ какъ цѣпь гусаръ была не сплошная, а съ небольшими промежутками, то нѣкоторые борисовцы пытались «утикать» изъ этого круга. Такихъ гусары догоняли и сопротивлявшихся били по головѣ, спинѣ, рукамъ, по чему попало. Инымъ удалось уйти. Одинъ крестьянинъ разсказывалъ намъ, что онъ «20 верстъ въ ту пору безъ оглядки пробѣжалъ, только тѣмъ и спасся»...

Мосоловъ стоялъ почти все время на крыльцѣ и смотрѣлъ на расправу съ крестьянами. Нѣкоторые крестьяне, лежа подъ розгами, всячески ругали и «паскудили» Мосолова—такихъ онъ приказывалъ класть подъ розги по два раза: вотъ тутъ-то и случалось, что попавшіе подъ розги «заходились» и не скоро приходили въ чувство.... Такимъ путемъ иные получили по 250—300 ударовъ. По два же раза клали подъ розги и тѣхъ, которые распоряжались собираніемъ самовольнаго вотчиннаго схода. Послѣ этой расправы борисовцы не стали противиться, и на другой-же день всѣ 4 «сотни», на которыя раздѣлено село, подписали уставную грамоту.

Не можемъ не привести здѣсь еще одного эпизода, который разсказывали намъ крестьяне. Во время экзекуціи, Мосолову донесли о томъ, что недавно, былъ здѣсь, въ слободѣ, старецъ-странникъ, говорившій возмутительныя рѣчи. Правленскія власти выразили даже предположеніе, что странникъ этотъ, можетъ быть, и до сихъ поръ находится въ Борисовкѣ. Мосоловъ обратился къ крестьянамъ, спрашивая, не видѣли-ли они странника, не останавливался-ли онъ у кого на ночлегъ. Крестьяне всѣ дали по этому поводу отрицательный, уклончивый отвѣтъ: знать, дескать, не знаемъ и видомъ не видали такого.

Опасаясь, что «странникъ» этотъ, разъ онъ остался въ селѣ, опять можетъ насказать крестьянамъ разныхъ разностей и произвести новую смуту, Мосоловъ приказалъ разставить «бекеты» (изъ сотскихъ и десятскихъ) по всѣмъ дорогамъ, которыя вели въ Борисовку и велѣлъ приводить къ себѣ всѣхъ «странныхъ людей»

безъ разбора. Въ теченіе одного дня изловлено было до 50 человѣкъ странниковъ, изъ которыхъ больше половины было нищихъ. Мосоловъ допрашивалъ всѣхъ: кто онъ, откуда, требовалъ паспорта и если таковаго не оказывалось, то приказывалъ сѣчь и сажать въ холодную, а когда здѣсь мѣста не хватило, ихъ стали запирать просто въ сарай. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Мосолова ихъ всѣхъ выпустили на свободу.

Послѣ этого стали отыскивать среди борисовцевъ «зачинщиковъ» мятежа, т. е. грамотѣевъ, читавшихъ и разъяснявшихъ народу общее положеніе. Семь человѣкъ, особенно усердно агитировавшихъ противъ податей и барщины и въ томъ числѣ три старика, распоряжавшихся относительно созыва вотчиннаго схода, были привлечены къ слѣдствію, какъ народные возмутители. Всѣ они были сосланы въ Сибирь, въ тобольскую и томскую губерніи. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Шестопаловъ, воротился оттуда по «милостивѣйшему манифесту», въ 1876 или 1877 г. Участь остальныхъ неизвѣстна.

Мосоловъ уѣхалъ изъ Борисовки черезъ три дня послѣ экзекуціи, какъ только всѣ крестьяне подписали уставную грамоту. Онъ взялъ съ собою только одинъ эскадронъ гусаръ, остальные-же остались въ Борисовкѣ и жили здѣсь еще недѣли три послѣ него. Объ ихъ пребываніи здѣсь борисовцы разсказывали много весьма некрасивыхъ вещей; таскали они сѣно и овесъ, куръ, утокъ и поросятъ, раздавали подзатыльники и зуботычины мужикамъ, не обходилось безъ подлаживаній къ молодицамъ и т. д. Жители Борисовки были такъ напуганы ими, что боялись выходить изъ домовъ. уѣзжали потихоньку въ ночное время изъ Борисовки въ сосѣдніе лѣса. Вѣрно-ли все это—сказать мудрено; но вотъ напр., какой интересный анекдотъ передавали намъ, между прочимъ въ селѣ Борисовкѣ по поводу гусаръ. Если этотъ анекдотъ и не вѣренъ, если онъ не показываетъ дѣйствительныхъ отношеній гусаръ къ крестьянамъ, то по крайней мѣрѣ весьма ярко характеризуетъ взглядъ этихъ послѣднихъ на гусаръ.

Идетъ солдатъ по улицѣ; видитъ—мужикъ сидитъ на землѣ, лапоть ковыряетъ. Солдату захотѣлось побаловаться; вотъ онъ и говоритъ крестьянину:

— Слушай, другъ любезный. Положу я тебѣ пучокъ соломы на голову; если ты хоть одну соломинку изъ него на землю уронишь, пока я въ кабакѣ шкаликъ водки выпью, не сносить тебѣ головы.

Положилъ мужику пукъ соломы на голову, а самъ пошелъ въ кабакъ; вмѣсто шкалика хватилъ тамъ цѣлый полштофъ и позабылъ про мужика.

Въ сумерки вышелъ изъ кабака; идетъ домой; видитъ—мужикъ все сидитъ на землѣ и держитъ на вѣсу въ одной рукѣ кочедыкъ, въ другой лапоть, а солома у него на головѣ: онъ, бѣдный, сидѣлъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и пошевелиться боялся, чтобы не сронить соломинки; такъ и застылъ въ томъ положеніи, въ какомъ его оставилъ солдатъ, идя въ кабакъ.

Увидѣвши его теперь, солдатъ засмѣялся.

— Ты еще, говоритъ, все сидишь? Поди домой, я только пошутилъ....

Si non e vero, e ben trovato.

Экзекуція оставила въ народѣ по себѣ твердую память. Борисовцы помнятъ ее во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; они даже время измѣряютъ этимъ событіямъ. Секуція сдѣлалась для борисовцевъ своего рода эрой. Спрашиваете вы, напримѣръ, борисовскаго крестьянина: «когда ты купилъ усадьбу?»—«Черезъ два года послѣ секуціи», отвѣчаютъ вамъ. «Когда сына поженилъ?» —«На другой годъ послѣ секуціи». И такъ далѣе.

Въ с. Красномъ Куткѣ, въ той-же вотчинѣ гр. Шереметева, движеніе носило такой-же характеръ, какъ и въ Борисовкѣ. Здѣсь крестьяне также отказались подписать уставную грамоту и перестали платить подати и повинности, какъ только это рѣшено было въ Борисовкѣ.

Когда долетали сюда темные слухи о томъ, какъ въ другихъ мѣстахъ расправляются съ непокорными крестьянами, то кутковцы храбрились сначала и говорили, что они въ случаѣ надобности даже и противъ солдатъ пойдутъ, въ колья ихъ примутъ, а все таки «правды» добьются и податей платить не будутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не «ублаготворятъ» землею. Но когда услыхали они о томъ, что солдаты уже появились въ Борисовкѣ, въ 5 верстахъ, и производятъ тамъ общую «секуцію», то на всѣхъ напалъ паниче-

скій ужасъ и они поразбѣжались по сосѣднимъ вольнымъ деревнямъ, гдѣ жили однодворцы—четвертники и крестьяне государственные, экономическіе. Нѣкоторые убѣжали въ лѣсъ, захвативъ съ собою найболѣе цѣнныя вещи изъ своего имущества. Остались дома только тѣ, кто не хотѣлъ «противиться начальству», кто не отказывался платить подати и внесъ ихъ своевременно въ вотчинное управленіе. Такихъ домохозяевъ набралось всего 16 изъ общаго числа 150.

Мосоловъ, покончивши свое дѣло въ Борисовкѣ, пріѣхалъ сюда въ сопровожденіи одного эскадрона гусаръ (остальные, какъ мы выше упоминали, остались въ Борисовкѣ). Онъ тотчасъ-же, разумѣется, собралъ сходъ изъ оставшихся домохозяевъ и сталъ допрашивать ихъ, куда дѣвались остальные крестьяне. Узнавъ-же, что они попрятались по лѣсамъ и разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ къ однодворцамъ, онъ разослалъ сотскихъ и десятскихъ звать ихъ въ Кутокъ и при этомъ обѣщалъ, что наказанія имъ никакого не будетъ, лишь-бы только вернулись. Въ случаѣ, если они не явятся домой черезъ три дня, имъ не будетъ нарѣзано земли по «новому положенію».

Черезъ два дня всѣ бѣглецы были уже дома. Мосоловъ все это время жилъ въ Красномъ Куткѣ и подъ рукою развѣдывалъ о зачинщикахъ и коноводахъ настоящаго движенія.

На третій день утромъ онъ собралъ сходъ и велѣлъ наказать розгами четырехъ зачинщиковъ. Одинъ обвинялся въ томъ, что самовольно созвалъ сходку въ мартѣ мѣсяцѣ, безъ заявленія объ этомъ сельскимъ властямъ; двое другихъ—въ томъ, что возбуждали крестьянъ къ бунту, говорили имъ, что по положенію нужно у помѣщиковъ отнять всю землю въ пользу крестьянъ; четвертый-же былъ наказанъ за то, что убѣждалъ крестьянъ увозить свое имущество въ лѣсъ, говоря: придутъ де солдаты, набросятся на вашу «худобу» и всю ее растащатъ.....

Относительно всѣхъ другихъ крестьянъ, убѣжавшихъ изъ Кутка при приближеніи солдатъ, Мосоловъ исполнилъ свое обѣщаніе и оставилъ ихъ безъ наказанія. Да, впрочемъ, этого и не нужно было дѣлать, такъ какъ всѣ они, напуганные расправой въ Борисовкѣ, безъ малѣйшаго колебанія выразили готовность под-

писать уставную грамоту и тотчасъ-же полностію внесли просроченный оброкъ.

Въ вотчинѣ кн. Хорвата грайворонскаго уѣзда, въ сл. Головчиной, д. Антоновкѣ и Тополяхъ, крестьяне не хотѣли принимать уставную грамоту, такъ какъ имъ не нравилось, что тамъ было, между прочимъ, прописано, что они должны ходить на панщину еженедѣльно 3 раза: 2 дня мужчина и 1 женщина.

— Страдали, страдали, говорили крестьяне, да еще и теперь поди робь на барина-то. Нѣтъ, ужъ это дудки.....

Князь Хорватъ, узнавъ объ этомъ отъ своего управляющаго, немедленно-же далъ знать о «бунтѣ» въ городъ исправнику Булгакову; тотъ прискакалъ сію-же минуту, собралъ въ сл. Головчиной крестьянъ на сходъ и сталъ ихъ спрашивать.

— Чего, братцы, хотите, зачѣмъ бунтуете?

Крестьяне, предчувствуя бѣду, хотѣли отдѣлаться молчаніемъ. Стоятъ всѣ передъ исправникомъ безъ шапокъ и никто ни слова.

Исправникъ понялъ, къ чему они клонятся и безъ дальнихъ околичностей потребовалъ грамоту, велѣлъ вынести столъ на крыльцо волостнаго правленія и заявилъ сначала тихо, мирно, «не бранясь», разсказываютъ крестьяне.

— Ну вотъ теперь ребята съ Богомъ подходите, кто у васъ грамотный, подписывайте. Не бойтесь, при мнѣ васъ никто не обидитъ. Подходите.

Мужики молчали, топтались на одномъ мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу, но никто изъ нихъ къ столу не подходилъ.

Исправникъ и еще разъ попробовалъ убѣждать крестьянъ подписаться подъ грамотой, разъяснялъ имъ, что самъ царь, де-скать, требуетъ отъ васъ этой подписи и что онъ царскій слуга, ручается, что крестьянамъ никакого худа отъ этого не выйдетъ. Но эти убѣжденія и разъясненія нисколько не помогали дѣлу. Крестьяне молчали, но къ подписи не шли. Тогда исправникъ сошелъ съ крыльца, взялъ перваго попавшагося мужика за плечо и спросилъ:

— Ты умѣешъ писать?

— Нѣтъ, не обучены, отвѣтилъ мужикъ.

Другого—тоже самое, тотъ же отвѣтъ; третьяго, четвертаго, всѣ отозвались, что грамотѣ не знаютъ, не обучались.

— Такъ промежъ васъ и нѣтъ ни одного грамотнаго, спросилъ улыбаясь исправникъ.

— Такъ и нѣтъ, отвѣтили ему изъ толпы, и подписывать вашу грамоту некому.

Это конечно неправда и исправникъ отлично зналъ, что въ культурномъ и многолюдномъ селѣ грамотныхъ среди крестьянъ много.

— Эй, не дурите, братцы, сказалъ исправникъ: худо будетъ.

Но братцы по прежнему стояли, какъ вкопанные, и молчали. Исправникъ приказалъ подать розогъ.

— Такъ не хотите подписывать? Въ послѣдній разъ васъ спрашиваю, обратился онъ къ толпѣ.

Гробовое молчаніе.

— Кладите вотъ этого, перваго, указалъ исправникъ на крестьянина, стоявшаго къ нему ближе всѣхъ другихъ.

— Батюшка, отецъ родной! взмолился крестьянинъ; пощади. Ей-Богу, не обученъ, не разумѣю грамотѣ.

Однако его разложили..... Дали 10 ударовъ.

— Довольно, отставь! крикнулъ исправникъ. Берись за другого.

Было подвергнуто экзекуціи 4 человѣка; но крестьяне все таки не сдавались и грамоты подписать не хотѣли.

Исправникъ плюнулъ и уѣхалъ, ничего не добившись.

Въ деревняхъ Антоновкѣ и Тополяхъ сходъ также стоялъ предъ исправникомъ безмолвно, слушая его разъясненія и угрозы, но подписать уставную грамоту никто не рѣшался. Крестьяне здѣшніе твердили исправнику только о томъ, что они—«какъ головчанцы».

— Коли Головча подпишетъ, то и мы подпишемъ. Головча у насъ всему голова[1]).

Исправникъ и разговаривать не сталъ здѣсь, махнулъ рукою на непослушныхъ крестьянъ и уѣхалъ домой въ городъ, чтобы сейчасъ отрапортовать въ губернію о «бунтѣ» хорватовскихъ крестьянъ и описалъ при этомъ подробно все, что случилось, не скупясь разумѣется на краски.

---

[1]) Головча—самый большой и населенный пунктъ въ имѣніяхъ князя Хорвата; здѣсь считается въ настоящее время около 400 дворовъ.

Въ апрѣлѣ пріѣхалъ сюда изъ Борисовки чиновникъ особыхъ порученій, тотъ же Мосоловъ и съ нимъ эскадронъ гусаръ.

На этотъ разъ крестьяне оказались сговорчивѣе. Пріѣздъ ли губернскаго чиновника съ отрядомъ внушительнаго вида, или что другое на нихъ подѣйствовало, но только они съ перваго же слова согласились подписать грамоту. Казалось бы, и дѣлу конецъ; но пріѣхавшее начальство сочло все-таки полезнымъ для «примѣра другимъ» наказать розгами главныхъ зачинщиковъ. Зачинщики указаны были барскимъ управителемъ; ихъ оказалось въ Головчѣ 5 человѣкъ, въ Антоновкѣ 2 и въ Тополяхъ 8 человѣкъ, и всѣ они подвергнуты «секуціи», конечно, не такой, чтобы могла служить эрой...

Н. Добротворскій.

КАРТИНКИ СТАРИНЫ.

Кіевскій спектакль начала XVIII в.

I.

Весенній день восьмаго мая 1708 года кончался въ Кіевѣ.

На горахъ верхняго города еще горѣли солнечные лучи; надъ Подоломъ, отъ горъ, потянулись тѣни. Уличная суета, передъ наступленіемъ ночи, становилась тороплвѣе. Козаки, въ жупанахъ, въ кармазинахъ, скакали на гору небольшимъ отрядомъ. Торговцы и мѣщане нижняго города убирали товаръ на базарахъ, укладывая его въ сундуки или на ручныя тачки, купцы собирались закрывать лавки. Гдѣ то, подъ окнами, слышалось пѣніе школьниковъ—*миркачей*. Часы на зданіи магистрата пробили шесть ударовъ и въ нишѣ, гдѣ они стояли, показалась и исчезла процессія двѣнадцати апостоловъ.

На валу, что шелъ по гребню горъ верхняго города, перекликались часто разставленные часовые. На легкомъ, розоватомъ вечернемъ небѣ вырисовывались главы церквей и пушки укрѣпленій. Старая деревянная церковка на андреевскомъ холмѣ, стоявшая въ линіи валовъ, блестѣла крестомъ издалека. Послѣ жаркаго дня, наступила та прохлада майскаго вечера, когда цвѣты благоухаютъ сильнѣе, когда отъ молодой травы и кустарниковъ, отъ недавно распустившихся тополей, одѣтыхъ еще нѣжной и клейкой листвой, отъ цвѣтущихъ яблонь и вишень льется животворный, упоительный ароматъ. Стоявшія наискось къ Днѣпру улицы стараго Подола изобиловали садами и палисадниками. Заботливыя хозяйки поливали

передъ вечеромъ огородныя грядки и цвѣточныя клумбы, гдѣ цвѣли нарцизы и раскидистыя пивоніи и гдѣ начинала ужь разстилаться огородная зелень.

На площади передъ Братствомъ было особенное оживленіе. Любимое дѣтище стараго Кіева—коллегіумъ, недавно названный академіей, въ тотъ день справлялъ ежегодное торжество. Передъ разъѣздомъ студентовъ, по окончаніи годовыхъ испытаній, устраивалось театральное представленіе, котораго ожидали и къ которому готовились давно. На этотъ разъ профессоръ піитики Лаврентій Горка, ставилъ въ первый разъ свою пьесу.

И бурсаки, и приходящіе студенты, сновали и толпились въ академическомъ дворѣ. Длинныя китайковыя и шелковыя студенческія киреи, кафтаны, застегнутые до верху на металическія пуговицы, смѣшивались съ жупанами горожанъ, съ скользившими въ толпѣ черными тѣнями монаховъ. Мелькавшія то тутъ, то тамъ стройныя фигуры усатыхъ академистовъ, искреннее оживленіе на ихъ молодыхъ, здоровыхъ лицахъ, яркіе цвѣта сапогъ и одежды, звонкіе голоса, оживлявшіе эту суету, все вмѣстѣ представляло оживленную, радостную картину.

На небѣ зажглась первая звѣзда, показался серпъ мѣсяца. Огоньки замелькали тутъ и тамъ въ домахъ Подола. У заставъ, у четырехъ пловучихъ мостовъ надъ Днѣпромъ скопились возы, ѣдущіе въ городъ и уѣзжающіе изъ него. Гдѣ то за рѣкой на лугахъ разгорался яркимъ пламенемъ костеръ... Прекращена переправа по Днѣпру на всю ночь... Послѣдніе всадники въѣхали въ Кіевъ, послѣдній воловый возъ потянулся къ броварскимъ лѣсамъ; спитъ хозяинъ на возу, волы лѣниво плетутся у самой лѣсной опушки, топча копытами траву, среди которой пріютился свѣжій, росистый ландышъ.

Къ братской оградѣ народъ прибывалъ въ экипажахъ и пѣшій. Большой двухъ-этажный каменный корпусъ, построенный Мазепой, уже свѣтился огнями. Тамъ «на конгрегаціи», въ залѣ торжественныхъ собраній устроена была сцена, туда и стремился народъ. Далеко не всѣ изъ студентовъ могли попасть въ самую залу: ихъ такъ много, свыше 1000, было въ то блестящее для академіи время. Зрителями на спектакль допускались, разумѣется, только старшіе. Изъ младшихъ, въ число счастливцевъ, попали лишь уча-

ствующіе въ самой пьесѣ, гдѣ было множество хоровъ и «воинствъ». Непопавшіе въ залу толпились у оконъ, глядя пока на стѣснившуюся въ залѣ публику и прочитывая издали искусно разрисованную, огромную афишу, гдѣ возвѣщалось, что «на позоръ христолюбивому роду» благородными сынами россійскими показана будетъ сегодня трагедо-комедія «Іосифъ Патріарха».

Нѣкоторые изъ горожанъ, родственниковъ студентовъ и почетныхъ лицъ, наполнявшихъ залу, бывали уже на академическихъ представленіяхъ. Но многіе не видѣли ничего подобнаго никогда и крайне интересовались предстоящимъ зрѣлищемъ. Искуственно привитая, пока еще только школьная забава,—театръ не проникъ еще въ южно-русское общество и только что начиналъ пускать корни у этого народа селянъ и воиновъ. Великій Могила, стремясь къ европейскому просвѣщенію, завелъ въ созданной имъ школѣ театръ по образцу нѣмецкихъ университетовъ и польскихъ школъ. Латинскія и польскія мистеріи и моралите и игрались сперва, пока появился свой репертуаръ и свои писатели. Къ концу XVII вѣка и началу XVIII дѣло драмы оживилось. Талантливыя попытки Прокоповича привлекли къ ней вниманіе, въ интермедіяхъ стали мелькать типы ежедневной, окружающей жизни и толпа удивилась, увидѣвъ на сценѣ самую себя, личности ей знакомыя, любимыя или ненавидимыя ею. Начитанный, образованный Горка написалъ свою пьесу въ ту пору подъема духа. Сквозь схоластическія формы въ ней пробивается сильно лиризмъ, есть попытки рисовать типы. Строгая и возвышенная библейская драма оживлялась двумя, вставленными въ нее, фарсами.

II.

Восковыя свѣчи рампы, вправленныя въ вогнутые металлическіе подсвѣчники, мелькаютъ отъ проносящагося по залѣ вѣтерка. Во избѣжаніе жары открыли всѣ окна и съ надвору вѣетъ запахомъ цвѣтущей сирени и яблонь, несетъ отъ Днѣпра вечерней прохладой. За кулисами суета приготовленій, нервное нетерпѣніе, комическія сцены. Страшно загримированная «Зависть» разговараваетъ съ »Фараономъ», въ бумажной тіарѣ, неприступный красавецъ «Іосифъ» дружески обнимаетъ миловидную «жену Пентефрія», изображаемую на сей вечеръ его товарищемъ, сыномъ полковника

съ Лѣвобережья. Какъ водится всегда и вездѣ, какъ водилось и въ академіи въ прошломъ вѣкѣ, актеры сквозь щели занавѣси смотрятъ въ залу на страшную для нихъ многоголовую публику.

Они видятъ въ первомъ ряду, рядомъ съ префектомъ, кіевскаго полковника, войта, того полковника съ Лѣвобережья, сынъ котораго играетъ Пентефріеву жену, нѣсколько сотниковъ изъ сосѣдней Черниговщины, много горожанъ и сплошною стѣною столпившуюся массу смѣющихся, оживленныхъ товарищей. Молодой, стройный Іосифъ, совсѣмъ одѣтый и загримированный, подходитъ къ занпвѣси и впивается глазами въ толпу. Лицо его зажглось румянцемъ удовольствія и прекрасныя, строгія очи улыбнулись. Въ тѣсныхъ рядахъ публики, прижавшись къ матери, сидитъ юная подольская красавица.... Онъ знаетъ, ради кого она явилась сюда.

Самъ авторъ пьесы и учитель—за кулисами руководитъ послѣдними приготовленіями, осматриваетъ наскоро гримировку многочисленныхъ аллегорическихъ лицъ. Пьеса тщательно репетировалась и приготовлялась. Къ спектаклю ожидался самъ гетманъ; но онъ проѣхалъ на дняхъ изъ Батурина въ Бѣлую Церковь, озабоченный и мрачный, остановившись въ Кіевѣ лишь на нѣсколько часовъ, занятый повидимому теперь болѣе всего разбирающимся въ Витебскѣ дѣломъ Кочубея.

Всѣ приготовленія кончены, подымается занавѣсь. Неприхотливая декорація домашней живописи изображаетъ фантастическую улицу древне-египетскаго города.

Идетъ нѣчто въ родѣ пролога. Другъ Іосифа, пріѣхавшій въ Египетъ, радуется, разсказывая о его счастливой судьбѣ и, уходя со сцены, въ концѣ длиннаго монолога, наталкивается на отвратительную фигуру «Зависти», неожиданно вылѣзшую изъ за кулисы. Эта братоубійственная, скверная сила, преслѣдующая бѣднаго юношу, проклинаетъ Іосифа и клянется его погубить. «Зависть» взываетъ къ помощи и сцена вдругъ покрывается страшными уродами, бѣсами и гарпіями. Они грозятъ Іосифу, обѣщая въ конецъ погубить его душу и тѣло, «разсѣчь на малыя части, распилить пилою смерти, отдать его на съѣденіе звѣрямъ»! Зависть кричитъ, что убить одно тѣло—недостаточно, надо убить и душу.

Свѣчи притушены. На сценѣ, подъ шипѣнье гадовъ, воцаряется мракъ. Вдругъ волны свѣта, отъ выставленныхъ вокругъ сноповъ свѣчей, заливаютъ сцену. Прекрасное видѣніе «Божіей защиты» разгоняетъ адское сборище и предсказываетъ судьбу Іосифа, который, хоть и претерпитъ искушенія, оковы, тюрьму и бѣды, но будетъ посаженъ на царскомъ престолѣ:

Будетъ и въ темницѣ,
И въ бѣдѣ велицѣ
Жити;
И вражду сокрушитъ,
И смерти разрушитъ
Сѣти:
Вся бо та погибнутъ лютѣ и сила прелестна!

На послѣднихъ строкахъ этой пѣсни о непостоянствѣ міра и о побѣдѣ правды, съ послѣднимъ, стройнымъ аккордомъ мелодіи, опускается занавѣсь.

Актъ первый:—«протазисъ». Египетская комната съ изображеніями сфинксовъ, съ іероглифическими надписями и колоннами. Жена Пентефрія, въ пурпуровой, обшитой золотомъ одеждѣ, «сквернымъ желаніемъ бѣснуется». Предъ ней, изъ трапа, предстаетъ вдругъ, въ бѣлой одеждѣ, «совѣсть» и хочетъ отрезвить ее. Но «Велможа» не внемлетъ своей совѣсти, велитъ слугамъ связать ее и повергнуть въ темницу. Діалогъ идетъ стремительно, съ возрастающей страстью:

Велможа. Кій се срамъ или студъ
Чого сердце желаетъ?
Совѣсть. Студъ есть велій.
Велможа. . . . отнюдъ
Того не познаю.
Совѣсть. Познай, бо глубока
Любовъ глубокъ гнѣвъ творитъ: друга жестока
Имаши.
Велможа. . . . Жестокъ есть, не левъ лва не убіетъ
И ниже пардъ на парда когда свирѣпѣетъ.
Совѣсть. Но отецъ тя убіетъ.
Велможа. Отецъ мя измлада
Воспита во сластехъ, не погубитъ мя, чада
Своего.

Совѣсть. Мати згубитъ тя.
Велможа. Всякая мати
За своимъ ищадіемъ готова подъяти
Язви. И како схощетъ дщерь свою згубити,
За ню же готова есть душу положити?
Совѣсть. Но желаннаго отнюдъ не познаешъ.
Велможа. Чему не познаю?
Совѣсть. Жестокъ есть.
Велможа. Жестокому сему
Любовъ преодолѣетъ!
Совѣсть. Избѣжитъ.
Велможа. Но аще
И за море побѣгнетъ, азъ ему, гоняще,
Одолѣю!...

Появившаяся «Прелесть» хвалитъ вельможу «за то, что она не послушалась своей совѣсти и идетъ улавливать Іосифа».

Сцена мѣняется. «Слонце ясне лучи свои простираетъ». «Дѣлатели», идущіе въ дальнее поле, ожидаютъ приказаній Іосифа. Онъ сходитъ къ нимъ съ высокаго крыльца. «Красятся вертограды зъ вѣтвями», на поляхъ стоитъ еще не убранная въ стоги пшеница. Идите и работайте! Господинъ дастъ всякому мзду достойну». Эта часть людей пойдетъ къ стадамъ. Оставьте на лугахъ тощій скотъ, пусть поправляется, и пригоните сюда лучшій. Торговые корабли и рыбачьи лодки пусть ѣдутъ по своему дѣлу!» Люди идутъ, а онъ молится Богу своихъ праотцевъ, прося направить его и сохранить честнымъ и полезнымъ въ чужой землѣ, среди чужихъ людей и вѣры. Во время молитвъ предъ нимъ предстаетъ «Прелесть» и лестью и обѣщаніями желаетъ преклонить его къ себѣ. Но онъ прогоняетъ ее, скорбя о своемъ одиночествѣ, объ отсутствіи души, которая могла-бы поддержать его на правомъ пути.

Кто ми днесь подастъ крилѣ, яко голубинѣ,
Да бихъ излетѣлъ скоро отъ снѣди звѣринѣ?!

«Прелесть» летитъ объявить «Вельможѣ» о непреклонности Іосифа. Хоръ «малыхъ младенцевъ» воспѣваетъ Іосифово мужество и непоколебимость, сравнивая искушеніе Іосифа съ искушеніемъ Христа въ пустынѣ.

Въ красивыхъ сочетаніяхъ голосовъ заключается хоръ:

Красенъ есть кринъ удолній и слонце есть красно:
Той бо красить вся поля, а то свѣтитъ ясно.
Но душа Іосифа, въ чистотѣ едина,
Яснѣйша отъ слонца, краснѣйша отъ крина!....

Медленно падаетъ занавѣсь, отодвинутая на этотъ разъ на столько, что между нею и рампой остается пространство въ нѣсколько саженей. Кой-кто изъ «поважныхъ особъ» покидаетъ свои мѣста и идетъ «розминаться», а молодая публика, утомленная торжественной серьезностью драмы, остается смотрѣть веселую интермедію, которая и разыгрывается передъ опущенной занавѣсью на авансценѣ.

III.

Изъ боковой кулисы стремительно выкатывается на сцену возъ, на которомъ стоитъ огромная деревянная клѣтка. Въ клѣткѣ сидитъ мужикъ, а возлѣ воза кружатся, какъ изъ земли выросшіе, панъ и жидъ. Кучка народу въ разнообразныхъ костюмахъ изображаетъ базарную толпу. Жидъ носитъ за плечами коробку съ продажнымъ хламомъ, состоящимъ изъ онучекъ, одной черной и другой зеленой, изъ лоскутковъ кожи, мѣховъ, да отрѣзковъ разноцвѣтныхъ суконъ; у жида люлька, чубукъ, кисетъ съ табакомъ, въ рукахъ посохъ. Панъ въ кунтушѣ, съ длинными усищами, массивный и сытый, хорошо олицетворяемый дюжимъ академистомъ. Между жидомъ и паномъ идетъ торгъ: панъ продаетъ жиду мужика и кончаетъ сдѣлку на сто злотыхъ. Жидъ боится, чтобъ мужикъ не разломалъ клѣтки и не убилъ его ночью. Онъ проситъ пана связать мужика. Но вотъ слышенъ топотъ. Съ пѣснью вылетаетъ на сцену запорожецъ. Сіяющій яркими красками одеждъ, шумливый и бравый, онъ однимъ взмахомъ соломенной булавы, которую держитъ въ рукахъ, разбиваетъ клѣтку и освобождаетъ мужика, а пана и жида бьетъ булавою и запрягаетъ вмѣстѣ въ ярмо.

Появленіе запорожца встрѣчается дружнымъ восторгомъ публики, а освобожденіе мужика—цѣлой бурей радостныхъ криковъ.

Короткій антрактъ и драма продолжается. На сцену выходитъ «Тайновидецъ» и разсказываетъ о покушеніи жены Пентефрія на Іосифа. Въ этомъ разсказѣ рѣзко выступаетъ авторъ монахъ:

. . . . . нѣсть въ мірѣ лести
Болшой паче женская. Не можетъ изнести
Горшаго лукавства весь міръ, яко тое!

Студенческая публика лукаво улыбается, а полковникъ изъ перваго рода ехидно подмигиваетъ знакомой горожанкѣ.

Отверженная жена Пентефрія мучится оскорбленіемъ и злобой. «Плѣнникъ, вѣчный рабъ, цѣною купленный,» погордился ею. «Презрѣлъ ми рабъ лстивій, смѣется зъ любви моей! О лютѣ мнѣ бѣдной, посмѣянной»! Одна отрада ея въ мести, неумолимой, жестокой:

Судъ приметъ безъ милости, азъ ему устрою!
Изобью ему тѣло, не будетъ въ немъ сили,
Кости ему изочту, расторгну вся жили.

Предшествуемый «Вѣстникомъ», явился Пентефрій и, видя слезы жены, распрашиваетъ о причинѣ. Въ горячемъ монологѣ она изливаетъ ему злобу на «отрока онаго еврейскаго»: поругался надо мной, «ему же въ длани вручилъ еси весь домъ нашъ». Съ женскимъ лукавствомъ она ласкается къ мужу и проситъ быть заступникомъ оскорбленной ея чести.

О свѣте мой солнечный, свѣте круга мирна!
Тебе азъ поставляю свидѣтеля вирна.

Монологъ Пентефрія передъ связаннымъ и скованнымъ Іосифомъ дышетъ гнѣвомъ. Въ немъ искусно намѣчено развитіе этого чувства. Пентефрія мучитъ болѣе всего то, что его обманулъ человѣкъ, котораго онъ любилъ и которому благодѣтельствовалъ. Хоръ добродѣтелей рыдаетъ надъ Іосифомъ, уводимымъ въ темницу. Строфы хора продолжаютъ параллель и сравниваютъ темницу Іосифа съ сошествіемъ во адъ Христа.

Обычныя дѣленія старой драмы: «эпитазисъ» и «катастазисъ», соотвѣтствующія актамъ, чередуясь одно за другимъ, движутъ пьесу къ заключительной «катастрофѣ». Сцена изображаетъ дворъ Фараона, мучимаго злыми предзнаменованіями и силящагося разъяснить, съ помощью мудрецовъ и звѣздочетовъ, свои загадочные сны. Льстивые сенаторы, раболѣпные придворные, по обыкновенію, увѣряютъ, что такому могучему владыкѣ заботиться не о чемъ и что «все обстоитъ благополучно». «Мудрецы» плетутъ какую-то кани-

тель. Царь прогоняетъ ихъ. А Іосифъ, скованный, сидитъ въ темницѣ и темная «Вражда», не довольствуясь его бѣдами, распаляетъ гнѣвъ Пентефрія, чтобъ добиться смерти юноши. Гонецъ отъ Фараона останавливаетъ исполненіе казни, въ то время, какъ Іосифа уже вывели изъ темницы.

Хоръ, заключающій этотъ актъ, сопровождается танцами. «Младенци аравидстіи, скачуще, въ своемъ ликованіи являютъ, яко скорби и печали не только убогихъ и богатихъ, но и царей превисокихъ, во дни и въ нощи, во снѣ и на явѣ, многовидно смущаютъ и мучатъ».

«По танцу—интермедія.»

На этотъ разъ игралась шутка одного изъ академистовъ. Самъ профессоръ предоставилъ составить интермедію ученикамъ. Авторомъ первой былъ Довгалевскій, вторую соорудилъ веселый Танскій, оба юные автора были и исполнителями въ своихъ сценкахъ.

IV.

Опять на сценѣ козакъ. Онъ выходитъ гулять по свѣту и встрѣчаетъ красивую дивчину.

— Добры-день, сердце! говоритъ онъ ей.

Дѣвка задумалась и говоритъ матери:

— Козакъ сказавъ «сердце!» Певно-жъ хоче сватать, а у мене ни що не готово!

Козакъ услышалъ и говоритъ:

— Гарна дивчина, та тольки яка жъ дурна!—Ну, пусть же будетъ такъ: пойду блукать по свѣту; если найду кого глупѣе, то вернусь сватать эту дѣвку, а какъ не найду, то не вернуся.

Первая встрѣча: дѣвка за веревку тащитъ корову. «Корова» (курьезно обшитый мѣхомъ академистъ) упирается и не хочетъ идти.

— Куда ты ее тащишь?

— Та що-жъ, отвѣчаетъ та, батько вмеръ, та казавъ корову дати на церкву, то я и хочу теперъ іи туда вытягнути.

— А бодай тебе!... Ты возьми продай корову, а гроши до церковъ и отдай.

— Отъ спасыби тоби! Оставайся жъ зо мною, будешъ по всякъ часъ радити мене.

Задумался козакъ—можно ли быть глупѣе? Потомъ вставъ, говоритъ: нѣтъ, надо идти еще дальше.

Идетъ... Вдовѣ «майстры» сдѣлали зимою въ хатѣ возъ. Прошла весна, вдова выбивается изъ силъ, никакъ не вытащитъ воза изъ хаты на дворъ.

Козакъ беретъ, разбираетъ возъ, выноситъ изъ хаты и складываетъ опять на дворѣ.

— Голубчику, козаче, останься, научай мене, що и якъ чинити!

Нѣтъ, думаетъ себѣ козакъ, пойду еще дальше.

Пошелъ.... Женщина вынесла на дворъ курицу и такъ ее за что-то бьетъ.

— Що ты робишъ?

— А отъ бачишъ, курка не дае ц....и курчатамъ, то я іи за те бъю.

— Яка-жъ ты дурна! Возьми пшона та дай имъ, то воны самы будуть ѝсти!

Изумленный размѣромъ и обиліемъ женской глупоты, козакъ, при гомерическомъ хохотѣ публики, рѣшаетъ весь вѣкъ свой остаться бурлакомъ.

Живая правда обыденныхъ сценъ смѣняется заключительнымъ актомъ траги-комедіи.

До Фараона дошелъ слухъ о мудрости Іосифа. Напрасно окружающіе сановники стараются отклонить его отъ страннаго юноши, который «не учився нигдѣ, смиренній, простій, бездѣльній, нищій.» Они повторяютъ излюбленный аргументъ высшихъ сословій всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ:

. . . . нѣсть бо тое прилично,
Дабы рабскій постигалъ разумъ, что обично
Постизаютъ мудрецы . . .

Но сынъ козака изъ Стаекъ, авторъ пьесы, устами Фараона глумится надъ ихъ хитрыми умничаніями и обличаетъ ихъ затаенный, лукавый эгоизмъ. «Убогій и бѣдный» можетъ обладать великими духовными дарами, носить въ себѣ «божественную благодать», о какой и не снилось богатымъ и сильнымъ. Слава и богатство, поддерживаетъ царя одинъ изъ сенаторовъ, только мѣшаютъ мудрости. Онѣ опутываютъ человѣка сѣтями условныхъ понятій, развиваютъ эгоизмъ, заслоняютъ отъ него лице правды. Истинную, нелицепріятную правду и премудрость «обично имѣютъ убози».. Золотыя слова эти едва ли могли быть сказаны въ Египтѣ, но

въ обществѣ, не знавшемъ сословныхъ различій и чуждомъ духа касты, они могли быть встрѣчены только сочувствіемъ.

Чудесное истолкованіе сна ведетъ Іосифа на вершину славы. Громкія пѣсни прославляютъ его мудрость, его возводятъ на высокій правительскій тронъ, среди сцены запруженной народомъ, поющимъ въ честь его звучный, торжественный гимнъ.

Публика, утомленная длинннымъ спектаклемъ и жарой, начинаетъ расходиться. Майская ночь тепла и дышетъ запахомъ цвѣтовъ. Днѣпръ серебрится лентой подъ блѣднымъ лучемъ мѣсяца. На улицахъ Подола и на окрестныхъ горахъ погасли вечерніе огни. Несутся откуду-то пѣсни. «Іосифъ» провожаетъ свою красавицу на Глыбочицу и въ первый разъ шепчетъ ей о томъ, какъ ее любитъ.

Ясно и безоблачно было утро слѣдующаго дня; многіе изъ академистовъ разъѣзжались по домамъ. Академическій дворъ, залитый лучами солнца, представлялъ оживленную картину. Товарищи, передъ отъѣздомъ, прощались другъ съ другомъ, прощались съ учителями. Кончившіе ученіе покидали академію навсегда. По городамъ и мѣстечкамъ лѣваго и праваго берега, по отдаленнымъ степнымъ хуторамъ, растекались питомцы «Аполлоновыхъ житницъ», какъ звали академію ея главари. Для многихъ изъ нихъ кончились годы беззаботной юности и начиналась самостоятельная жизнь.

У префекта толковали о вчерашнемъ вечерѣ, хвалили пьесу, хвалили актеровъ. Лѣвобережный полковникъ, пріѣхавшій за сыномъ, отдавалъ должное академической наукѣ въ хорѣ этихъ похвалъ, но втайнѣ, въ практической своей головѣ, держалъ не ясно формулированную еще мысль объ удаленности этой науки, которой обучался и сынъ его, отъ жизни, отъ всего ея строя, отъ ея нуждъ. Въ кружкѣ духовныхъ говорили о новыхъ требованіяхъ Петра, о неудовольствіи, какому подвергся съ нѣкоторыхъ поръ всѣми любимый Кроковскій. Горка обмѣнивался съ Прокоповичемъ замѣчаніями о непрочности великихъ почестей, вспоминая любимца своего Горація, съ его теоріею простой и независимой жизни. Онъ цитировалъ строчку одной изъ его одъ въ своемъ переводѣ, гдѣ говорилось, какъ удары судьбы направляются на то, что осмѣливается на свѣтѣ выдаваться:

Частѣе кедри зиблетъ вѣтръ суровый,
Тяжчае падуть возвишенни кровы,

Обично біютъ на холми високи
Громы жестоки! [1]

Прокоповичъ слушалъ съ улыбкой, но въ глазахъ его, сіявшихъ умомъ, можно было прочесть, какъ мало раздѣляетъ онъ въ этомъ случаѣ мнѣніе своего товарища.

Двое изъ вчерашнихъ актеровъ подъѣзжали на добрыхъ коняхъ къ днѣпровской переправѣ. «Іосифъ» убѣжалъ изъ Кіева, товарищъ его, сынъ полковника, провожалъ его. Лицо «Іосифа» дышало спокойнымъ счастьемъ. Онъ разсказывалъ пріятелю, какъ объяснялся съ родными своей невѣсты, какъ получилъ ея согласіе и какъ осенью будетъ слать къ ней сватовъ. Онъ увезетъ ее изъ Кіева въ свой дальній, миргородскій, осѣненный вербами хуторъ. Тамъ укроется онъ и отъ науки, и отъ военной грозы. «Жена Пентефрія» пожалъ плечами и объявилъ, что переговоривъ съ отцомъ онъ тоже бросаетъ Кіевъ и уѣзжаетъ на Запорожье.

В. Г

---

[1] Horatii Carminum, Liber II, carm. X.
Saepius ventis agitatur ingens
Pinus, et celsae graviore casu
Decidunt turres, feruintque summos
Fulgura montes.

НА ШПАКОВОМЪ ШЛЯХУ.

Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка[1]).

(Переводъ съ польскаго)

Талантливый и трудолюбивый польскій историкъ-беллетристъ, д-ръ Антоній I., и настоящимъ своимъ разсказомъ, какъ и раньше помѣщеннымъ нами его разсказомъ о Кармелюкѣ (см. «Кіев. Стар.» 1886 г., мартъ, стр. 495—560) дѣлаетъ, по его собственному выраженію, „неблагодарную" попытку низвести еще одного изъ народныхъ нашихъ героевъ, козацкаго предводителя начала XVIII в. Шпака, въ рядъ простыхъ разбойниковъ, обыкновенныхъ бунтовщиковъ. Попытка, по самой природѣ вещей, оказалась безплодною; но отъ нея остается не мало новыхъ данныхъ о малоизвѣстномъ въ нашей исторіи времени и лицѣ,—данныхъ, искусною рукою добытыхъ и талантливо сгруппированныхъ. Герой разсказа, Ѳедоръ Шпакъ, былъ однимъ изъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ предводителей народнаго возстанія въ Подоліи того времени, когда разоренная въ конецъ и не разъ договорами сосѣдей обрекаемая на вѣчное запустѣніе правобережная Украйна энергіею Палія, по иниціативѣ короля Яна Собѣсскаго, преслѣдовавшаго впрочемъ другія цѣли, еще разъ воскресила убиваемое систематически козачество и, освободившись отъ ига турецкаго, свергала вновь налагаемое на нее ярмо польское. Простой осадчій въ колонизуемой вновь, послѣ ухода турокъ, Подоліи, по фамиліи Билоцкій или Билецкій, по прозванію Шпакъ, стихійною силою втягивается въ народное возстаніе, формируетъ отряды, достигаетъ званія полковника, мститъ, грабитъ, разоряетъ, устраиваетъ,

---

1) Opowidania d-ra Antonia I, serya czwarta, I. Warszawa. 1884.

быть можетъ, при этомъ свои дѣлишки, ловко избѣгаетъ преслѣдованій, платится, быть можетъ, головой и оставляетъ имя свое въ народныхъ пѣсняхъ и въ названіи дороги, по которой ходилъ. Такой или иной, но онъ участникъ той борьбы за идею свободы, которая свѣтлой зарей проходитъ чрезъ всю исторію южно-русскаго народа и составляетъ его высшее отличительное качество. Этой именно стороной своей жизни и дѣятельности вошелъ и Шпакъ въ народную память и исторію, и не вычеркнутъ его отсюда никакимъ строгимъ изслѣдователямъ и не измѣнить того облика, съ какимъ онъ занялъ здѣсь свое скромное мѣсто. Для этого надо было бы самую идею, которой онъ былъ естественнымъ носителемъ, исключить изъ цикла идей украшающихъ человѣчество. И Хмельницкаго объявляли хлопомъ бунтовщикомъ, и весь народъ южнорусскій необузданнымъ, дикимъ быдломъ, и Запорожье гнѣздомъ дикаго и грубаго разгула, хотя они были и останутся единственнымъ свѣточемъ свободы среди окружавшей тьмы рабства и невыразимо дикаго деспотизма. Авторъ въ героѣ своего разсказа Шпакѣ отыскиваетъ темныя пятна... Что намъ до того? Ихъ такъ много въ жизни „великихъ" древняго и новаго міра и несравненно больше въ жизни тѣхъ колонизаторовъ и культуръ-трегеровъ, которые, въ числѣ другихъ возставшихъ, ловили и Шпака, вырѣзывали непокорное населеніе цѣлыхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ и попадали въ комическое по истинѣ положеніе, не зная, чѣмъ и какъ воздѣлывать свои нивы, откуда извлекать доходы. Богатые, властные, гордившіеся образованностію, гуманностію, они не знали, какъ организовать колонизируемый вновь богатый край къ взаимной выгодѣ своей и призываемыхъ ими на «слободы»; неудивительно, что предводители простаго народа, не даваясь панамъ въ ярмо, подобно имъ, жгли, грабили, вѣшали, убивали. И Шпакъ дѣлалъ тоже, что воевода Потоцкій и инквизиторъ Сенявскій, но онъ служилъ иной идеѣ и оставилъ имя въ памяти народной.

Да, неблагодарную задачу поставилъ себѣ почтенный авторъ; но онъ даетъ намъ данныя, пригодныя для нашей мало разработанной исторіи, способныя, можетъ быть, и въ правду, предостеречь кого либо отъ увлеченія, и мы съ признательностію пользуемся его трудомъ и помѣщаемъ его интересный по многому другому разсказъ.—*Ред.*

I.

Путешественникъ, ѣдущій по желѣзной дорогѣ съ сѣвера на югъ Подоліи, не догадывается о томъ, что онъ ѣдетъ по дорогѣ, съ давнихъ временъ проложенной и обильно политой кровью на-

шихъ предковъ: здѣсь пролегалъ одинъ изъ татарскихъ «шляховъ» или путей, такъ называемый Кучманскій, главное направленіе котораго было къ Бару. Начинался онъ у Куяльницкихъ яровъ, раскинутыхъ по берегу Чернаго моря, и въ прибрежныхъ степяхъ распадался на тысячи дорожекъ; потомъ въ окрестностяхъ нынѣшней Балты, у рѣчекъ Кодымы и Кучманя, эти дорожки соединялись въ одинъ шляхъ, который тянулся дальше вдоль плоскогорья, служащаго водораздѣломъ подольскихъ водъ,—съ одной стороны притоковъ Днѣстра, съ другой—притоковъ Буга. Инженеры татарскіе, если только татары имѣли инженеровъ, назадъ тому еще четыре вѣка признали за самое лучшее вторгаться въ непріятельскія земли этой именно дорогой; и желѣзнодорожные инженеры выбрали эту мѣстность, какъ самую удобную для проложенія пути локомотивамъ. Здѣсь точная наука участвовала въ изысканіяхъ направленія пути, тамъ опытъ, а можетъ быть только инстинктъ, нашелъ эту дорогу, но во всякомъ случаѣ нужно удивляться практичности татаръ: путь шелъ по гористымъ возвышенностямъ, и хищники, разъ ставши на нихъ, имѣли кругомъ горизонтъ открытымъ, легко могли замѣтить не только непріятеля, но всѣ заселенія, обновившіяся послѣ послѣдняго ихъ посѣщенія; вода имъ также не дѣлала препятствій, хотя ея было изобильно внизу дороги, съ одной и съ другой стороны; въ сосѣдствѣ же водъ были плодоносные луга, а слѣдовательно и обильный кормъ лошадямъ. Эту-то дорогу татаръ или, точнѣе, дорогу, идущую почти параллельно съ утоптанной хищниками, народъ въ началѣ прошлаго столѣтія назвалъ «Шпаковымъ шляхомъ» и это названіе удержалъ до сихъ поръ. Почему,—этого теперешній крестьянинъ не можетъ себѣ объяснить; достаточно ему и того, что объ этомъ онъ съ дѣтства слыхалъ отъ отца, отецъ отъ дѣда и т. д. Съ теченіемъ времени съ этимъ названіемъ соединилось нѣсколько легендъ, туманныхъ, теряющихся съ каждымъ часомъ: быть можетъ, какой нибудь народный рапсодъ пѣлъ думу о богатырѣ Шпаковаго шляха... Гдѣ собственно этотъ шляхъ начинается, гдѣ онъ пропадаетъ, объ этомъ не можетъ вамъ сказать самый лучшій знатокъ. Одни, какъ Руликовскій, утверждаютъ, что онъ бралъ начало возлѣ Липовца, шелъ чрезъ Красное и Брацлавъ къ Балтѣ и къ Ольвіополю, наконецъ у переправы чрезъ Днѣпръ возлѣ Никитина Рога совсѣмъ пропадалъ.

Другіе говорятъ, что дальше Брацлавщины онъ не простирался: начинался въ окрестностяхъ Немирова, а возлѣ Балты незамѣтно пропадалъ. Отличалась ли эта дорога какими нибудь особенными знаками, бóльшимъ или меньшимъ удобствомъ, большей или меньшей безопасностью и была ли она кратчайшимъ путемъ между двумя данными пунктами, этого мы не съумѣемъ сказать; однако каждый селянинъ зналъ, куда направлялся Шпаковъ шляхъ и на вопросъ, какъ найудобнѣе и найлучше добраться изъ окрестностей Немирова къ херсонскимъ степямъ, отвѣчалъ, что нужно ѣхать такъ и такъ, а тамъ когда выѣдешь на Шпаковъ шляхъ, такъ онъ ужъ вѣрно приведетъ тебя въ тѣ безлюдные края.

Кто же былъ тотъ Шпакъ, названіе котораго народъ удержалъ въ памяти до настоящей поры? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, разскажемъ о событіяхъ, совершавшихся въ началѣ прошлаго столѣтія въ двухъ пограничныхъ провинціяхъ—Подоліи и Брацлавщинѣ. Это не будетъ исторія, выписанная изъ печатныхъ книжекъ, но составленная изъ мелкихъ, летучихъ замѣтокъ, разсыпанныхъ по современнымъ актамъ. Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ нашему прошлому, говорится вообще, что въ началѣ XVIII столѣтія по Карловицкому трактату пограничныя земли возвращены были Рѣчи Посполитой, что прибывшіе сюда прежніе землевладѣльцы застали здѣсь пустыню и что вмѣстѣ съ заселеніемъ края начались здѣсь казацкія смуты, которыя послужили не малымъ препятствіемъ къ экономическому развитію плодоносной страны. Книжка говоритъ правду, но очень кратко; впрочемъ иначе и быть не можетъ: еслибы пришлось разсказывать день за день всѣ судьбы провинцій, входившихъ въ составъ давней Польши, то нужно было бы написать тысячи огромныхъ фоліантовъ. Желаніе наше ограничивается скромной рамкой: взявъ основаніемъ выше сказанное, дополнимъ его нѣсколькими чертами и обрисуемъ данную эпоху. Повторяемъ, что мы черпали матеріалъ не изъ фантазіи романиста, а изъ мѣстныхъ памятниковъ. Стряхнувши пыль съ старыхъ бумагъ и освободивши разсказы отъ обильной, закорузлой латыни, мы даемъ въ болѣе исправленномъ изданіи то, что занесъ на бумагу гродскій или земскій писарь,

либо магистратскій канцеляристъ. Вотъ наша заслуга, на которую мы заявляемъ немного правъ. Послѣ этого «исповѣданія вѣры» приступаемъ къ дѣлу.

Второе присоединеніе Подоліи и Брацлавщины къ Польшѣ случилось въ слишкомъ смутную эпоху. Августъ II, желая крѣпче утвердиться на престолѣ и удержать въ краѣ свои саксонскія войска, всѣ силы обратилъ на Лифляндію, слѣдствіемъ чего было то, что въ Польшу стягивались рати голодныхъ шведовъ. Съ другой стороны раздоры Сапѣговъ на Литвѣ заняли вниманіе всего военнаго люда.

Эвакуація Каменца совершилась безъ особеннаго торжества. Назадъ тому двадцать слишкомъ лѣтъ утрата его оплакана была по всей Польшѣ, проповѣдники трогали до слезъ набожную толпу яркимъ описаніемъ господства невѣрныхъ въ только-что захваченной крѣпости, теперь же освобожденіе этой крѣпости отъ тяжелаго гнета почти не вызвало радости: нѣсколько комиссаровъ, нѣсколько сенаторовъ и духовныхъ, горсть войска, два-три представителя шляхты—вотъ и всѣ прибывшіе въ Каменецъ къ этому времени.

Турки печально двинулись къ Босфору, оставивши, какъ слѣдъ по себѣ, «липковъ»-грабителей, поселившихся по сосѣдству съ Каменцемъ за Днѣстромъ. Но это сосѣдство было не такъ опасно; гораздо грознѣе были полчища Палѣя, расположенныя по Днѣпру. Палѣю еще раньше приказано было уничтожить полки, распустить дружины; но онъ этого не исполнилъ, что вполнѣ естественно: онъ могъ уступить только силѣ, а когда этой силы не видѣлъ, то смѣялся надъ универсалами гетмановъ. Дѣятельность его не ограничивалась однимъ мѣстомъ, а все болѣе и болѣе расширялась; къ его организаціи присоединялись цѣлыя земли, только-что присоединенныя къ Рѣчи Посполитой. Новые шляхетные пришельцы Подоліи думали, что, избавившись отъ мусульманъ, они вполнѣ безопасны; между тѣмъ нашлись новые претенденты на эту землю и на этотъ народъ, охотно поддающійся имъ, такъ какъ они обѣщали ему больше свободы и были одной съ нимъ вѣры, если не одного происхожденія.

Двѣ враждебныя стороны смотрѣли другъ на друга и вымѣряли свои силы. Разсчетъ оказался не очень благопріятнымъ для только-что

прибывшихъ изъ глубины Польши: на цѣломъ пространствѣ двухъ воеводствъ было въ ихъ рукахъ нѣсколько малыхъ крѣпостей, очень слабо укрѣпленныхъ. Каменецъ, считавшій сясамымъ сильнымъ городомъ, на самомъ-же дѣлѣ бѣдный, слабый. разрушенный, съ развалившимися зданіями, могъ дать подъ оружіе едва 500—600 людей во главѣ коменданта Кошкеля. Немировъ, ключъ по-бугской позиціи, какъ называли его тогдашніе стратеги, считалъ у себя нѣсколько не вполнѣ устроенныхъ хоругвей; столько-же было въ Меджибожѣ, на содержаніи Сенявскаго, и въ Барѣ, принадлежавшемъ Любомирскому. Винницу защищали нѣсколько десятковъ драгунъ, которыхъ держалъ у себя мѣстный староста. Были еще крѣпостцы—Бѣлая Церковь, охраняемая особымъ комендантомъ, содержавшимся на жалованьи Рѣчи Посполитой, и Бердичевъ подъ опекой владѣльца,—обѣ въ кіевскомъ воеводствѣ. Вотъ и все. Иного войска нигдѣ не было. Оставалось посполитое рушеніе, но на него было мало надежды: позже въ 1702 г., не смотря на приказы и угрозы, собралось въ Подоліи еле-еле 400 душъ, хотя всѣ жители стали подъ оружіе, по крайней мѣрѣ, всѣ до единаго записались въ каменецкихъ гродскихъ книгахъ. Въ окрестностяхъ Винницы было хуже: здѣсь нельзя было насчитать и сотни гербовныхъ поселенцевъ; они вмѣсто того, чтобы объявить Палѣю войну, сочли за лучшее послать къ нему Фащевскаго съ просьбой, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ притѣсненія не козаковъ, а обыкновенныхъ разбойниковъ, пользующихся слабостью охраны города. Эти разбойники безнаказанно проживали въ сосѣдствѣ города и занимались разбоемъ по дорогахъ.—Удивительно и тѣмъ не менѣе вѣрно, что насколько Винница славилась своимъ миролюбіемъ и даже насквозь проникнута была польскимъ духомъ, на столько сосѣдній съ ней Немировъ былъ охотникъ до бунтовъ и съ удовольствіемъ принималъ у себя гайдамакъ и «левенцевъ». И дѣйствительно, онъ представлялъ изъ себя истинное гнѣздо бунтовщиковъ. Исторія этого мѣстечка во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой четверти XVIII в. полна буйствъ и крови. Немировъ былъ столицей княжества Сарматскаго и резиденціей Юрія Хмельницкаго, господствовавшаго въ этомъ княжествѣ. Въ Немировѣ «господаровалъ» и Дука, съ которымъ пришло въ Немировъ много молдаванъ, любившихъ также разбои. Разогналъ ихъ Собѣскій, далъ имъ предводителей отъ себя и, когда началъ организовать польское козачество въ кі-

евскомъ Полѣсьѣ, не забылъ и о Немировѣ: оставилъ здѣсь «наказнаго атамана», или иначе сказать, атамана in partibus: этотъ атаманъ во время мира сидѣлъ, сложа руки, а въ случаѣ войны къ нему стягивались полки польской вольницы и шли съ нимъ помогать войску Рѣчи-Посполитой въ частыхъ походахъ Яна III въ Валахію. Вообще, Немировъ имѣлъ большое значеніе; это «ключъ Побужья», говорилъ о немъ король; «ключъ Побужья», повторялъ великій гетманъ коронный, а за королемъ и гетманомъ повторяли всѣ. И козаки въ концѣ концовъ сознали это: должна-же быть здѣсь сила, думали они, если ляхи такъ о немъ заботятся. И вотъ, когда начались волненія, поднятыя Палѣемъ, полковникъ Абазынъ со своимъ отрядомъ засѣлъ въ Брацлавѣ и только высматривалъ, какъ-бы захватить Немировъ. Кажется, въ этой мѣстности Абазынъ былъ единственнымъ ватажкомъ, съ которымъ полякамъ нужно было тягаться; это былъ молдованинъ, служившій у Дука, смѣльчакъ, разбойникъ, какихъ мало, не признающій никакой власти, кромѣ Палѣевой, и то, когда она грозила ему висѣлицей.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ 1702 года въ мѣстности, которая будетъ служить мѣстомъ дѣйствія дальнѣйшаго нашего разсказа.

II.

Но если государственные чины Рѣчи-Посполитой старались удержать Немировъ на степени оборонительнаго пункта, если Абазынъ измышлялъ средства захватить его, то было еще третье лицо, радѣющее также о мѣстечкѣ и о прилегающихъ къ нему земляхъ. Этотъ третій былъ Іосифъ Потоцкій, владѣлецъ Станиславова, Бродъ, княжества Збаражскаго и Юзефова, недавно вошедшій въ составъ сената, какъ воевода кіевскій. Онъ. занявши эту мѣстность, оставленную недавно турками, сталъ запрашивать народъ въ свои пограничныя владѣнія на «слободы», выгодныя для новыхъ колонистовъ.

Въ числѣ первыхъ пришельцевъ былъ Федоръ Билоцкій; онъ занялъ большой кусокъ земли подъ мѣстечкомъ, на краю лѣса, гдѣ были развалины «дѣвичьяго скита», т. е. женскага монастыря. Мѣстность прекраеная, но не привлекало къ себѣ охотниковъ селиться: и поля было здѣсь много, и вода въ близости, и

свобода пользованія лѣсомъ на постройки и ежедневныя потребности, но именно этотъ лѣсъ, густо заросшій, много лѣтъ не тронутый, имѣлъ недобрую славу, онъ былъ пристанищемъ гультяевъ, которые здѣсь, въ развалинахъ скита, по цѣлымъ недѣлямъ гуляли, придумывая новые разбойничьи походы.

Билоцкій «осадчій»,—такъ называли колонистовъ, основывавшихъ слободы,—скоро и хорошо захозяйничалъ на выбранномъ урочищѣ. Хата его напоминала собою домикъ шляхтича, былъ даже «ганокъ» (крыльцо), поставленный на тонкихъ колонкахъ; въ окнахъ стеклянныя шибы; внутри, рядомъ съ кухней съ приземистой печью, была «изба гостинная», за ней «комора», а дальше «изба шатная»; въ углу каждой комнаты висѣли иконы въ позолоченныхъ рамахъ, закрытыя занавѣсками; на стѣнахъ было развѣшано разнаго рода оружіе. Подъ навѣсомъ висѣла сбруя, украшенная серебрянными пуговками.

Хозяйство было видное значительное; нѣсколько «наймитовъ» трудилось на полѣ осадчаго, но самъ хозяинъ больше любилъ военныя, чѣмъ тихія сельскія занятія. Откуда онъ прибылъ, никто его объ этомъ не спрашивалъ, а если-бы и спросилъ, то, конечно, немного бы отъ него вывѣдалъ. Хорошъ-бы былъ управитель имѣніями, если-бы требовалъ отъ своихъ колонистовъ свидѣтельствъ объ ихъ происхожденіи: при малѣйшей такой попыткѣ съ его стороны, всѣ бы ушли съ его земель. Билоцкій, очевидно, человѣкъ бывалый, козакъ или челядинецъ какого нибудь богатаго пана; онъ умѣлъ жить съ простымъ народомъ, часто помогалъ ему деньгами и добрымъ совѣтомъ и скоро пріобрѣлъ уваженіе среди распущеннаго крестьянства.

Мѣстное управленіе, поставленное отъ дѣдича, наблюдало за Билоцкимъ, подозрѣвало его въ дурныхъ намѣреніяхъ, но молчало, молчало и потому, что къ Билоцкому часто пріѣзжалъ полковникъ Абазынъ, засѣвшій въ сосѣднемъ Брацлавѣ, часто навѣдывались къ нему какіе-то подозрительные люди, а иногда являлись волохи, и всегда ночью пріѣзжали, и ночью уѣзжали. Вообще движеніе въ усадьбѣ подъ лѣсомъ было большое; дорога къ одинокому хутору была утерта, какъ будто къ какому-нибудь двору помѣщика; трава на сосѣднихъ лугахъ была вытоптана конскими копытами. Драгуны, высылаемые изъ Немирова въ ту сторону для развѣдокъ, встрѣчали иногда даже татаръ.

Обо всемъ этомъ было донесено комиссару Краевскому, но тотъ не обратилъ на это вниманія, потому что зналъ, что для успѣха колонизаціи нужно было предоставить больше свободы колонистамъ и не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Эта колонизація и ея надлежащее веденіе такъ вскружила головы землевладѣльцамъ, что дальше ея они уже ничего не видѣли и думали, что колонистъ, будь онъ раньше бродяга и разбойникъ, если только поселится на «слободѣ», то привяжется къ сельской работѣ и сдѣлается хорошимъ хозяиномъ. Правда, подчасъ не обходилось безъ висѣлицы, но къ ней прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, при явныхъ и не опровержимыхъ доказательствахъ совершенія злодѣянія.

Такъ стояли дѣла, когда Самусь, сподвижникъ Палѣя, неожиданно напалъ на Немировъ. А раньше этого уже было извѣстно, что онъ взялъ Бердичевъ и ограбилъ тамъ Потоцкаго, старосту хмельницкаго, взявши у него около милліона злотыхъ движимостію и наличными. Въ нѣсколько часовъ Самусь порѣшилъ съ Немировомъ, окруженнымъ земляными валами и частоколомъ и защищаемымъ нѣсколькими десятками драгунъ, такъ какъ надворная милиція, состоявшая изъ тамошнихъ жителей, сразу перешла на сторону окружавшихъ городъ. Занявши городъ, онъ сейчасъ - же уничтожилъ польскую организацію, недавно здѣсь привитую. Помогалъ ему при взятіи города Абазынъ, а вмѣстѣ съ Абазыномъ явился новый, дотолѣ неизвѣстный предводитель, во главѣ дружины въ триста душъ, составленной изъ мѣстныхъ селянъ; называлъ онъ себя, по козацкому обычаю того времени, Шпакомъ, а въ дѣйствительности это былъ Федоръ Билоцкій, осадчій изъ хутора, построеннаго подъ Немировскимъ лѣсомъ. Во время грабежа онъ велъ себя странно. Вольница Самуся и Абазына убивала жолнеровъ, потѣшалась надъ панами и ксендзами; одному, напримѣръ, изъ іезуитовъ ксендзу Цапукевичу, содрали кожу съ бороды, потомъ разсѣкли его на части и тащили куски тѣла по улицамъ; губернаторъ (управитель имѣніемъ), намѣстникъ хоругви пали подъ обухами бродягъ. Побѣдители жгли всѣ бумаги, чтобы уничтожить всякіе слѣды прежнихъ условій и обязательствъ, грабили имущества, а въ концѣ концовъ разрушали дома, предавая ихъ огню, и при заревѣ пожара пьяная толпа дико распѣвала пѣсни, какъ бы гимнъ своего тріумфа. Напослѣдокъ, начали потѣшаться одинъ надъ другимъ: сильнѣйшій бросалъ сла-

бѣйшаго въ пламя: импровизованный мученикъ старался вылѣзть изъ пламени, а зрители съ дикимъ хохотомъ толкали его пиками въ огонь. Конечно, эта потѣха продѣлывалась главнымъ образомъ надъ шляхтою и жидами, но доставалось и русинамъ чистой крови. Шпакъ велъ себя совсѣмъ иначе; онъ и грабилъ,—какъ счастливый побѣдитель, онъ даже имѣлъ на то право,—и убивалъ, но убивалъ только старыхъ и увѣчныхъ, а все, что было моложе, сильнѣе, здоровѣе, находило у него снисхожденіе, особенно красивыя женщины. Тутъ уже онъ не различалъ народности: и полька, и единоплеменная, лишь бы имѣла чистое, пріятное лицо, длинныя косы, могла быть увѣрена, что не уйдетъ отъ предательской опеки Федора Шпака. И удивительно, не только не уходили отъ этого плѣна, напротивъ, среди ужасныхъ сценъ убійствъ, къ нему прибѣгали, какъ къ якорю спасенія. И торжествующій предводитель подъ конецъ утомительнаго дня возвращался къ себѣ на хуторъ подъ лѣсъ во главѣ большаго табора плѣнныхъ, а за ними тянулись возы съ запасами продовольствія, съ болѣе или менѣе цѣннымъ скарбомъ, съ награбленной одежей.

Холодная и темная ноябрьская ночь прикрыла таборъ мракомъ. Вѣтеръ несъ клубы дыма изъ мѣстечка, превратившагося въ одинъ огненный столбъ, зіяющій красными языками. Стоны терзаемыхъ, пѣсни и крики побѣдителей—все это наводило такой ужасъ на толпу, гонимую въ какой-то странный плѣнъ, что плѣнники шли покойно, боясь только, чтобы ихъ не возвратили снова туда, откуда вывели и гдѣ большая часть близкихъ и дорогихъ ихъ сердцу почили навсегда подъ топорами Самусевыхъ и Абазыновыхъ головорѣзовъ.

Плѣнники послѣ такого тяжелаго и ужаснаго дня провели ночь на небольшомъ дворѣ хутора, лежавшаго близъ лѣса; счастливѣйшіе изъ нихъ успѣли занять мѣста въ сараѣ и у стоговъ сѣна. Шпакъ разставилъ со всѣхъ сторонъ караулъ. Караульные были, конечно, недовольны тѣмъ, что они должны мерзнуть въ открытомъ полѣ въ то время, когда ихъ товарищи грѣются и гуляютъ при огромномъ кострѣ, разведенномъ въ мѣстечкѣ; но нечего было дѣлать, новый ихъ предводитель, пока еще скромный осадчій, умѣлъ внушить имъ къ себѣ уваженіе и повиновеніе.

— Что онъ станетъ дѣлать съ этимъ живымъ мясомъ?—думалъ не одинъ изъ плѣнныхъ и не могъ разгадать. Ужъ не запалъ ли гдѣ нибудь татарскій загонъ? Но о татарахъ давно уже нѣтъ слуху.

На другой день Шпакъ объявилъ далекій походъ и приказалъ готовиться къ нему, прибавляя, что въ походъ заберетъ съ собой и плѣнныхъ. И дѣйствительно въ сумерки слѣдующаго дня онъ двинулся таборомъ. Шли полями, проходили чрезъ лѣса, между Брацлавомъ и Краснымъ, возлѣ Шпикова, между Тимановкой и Мясковкой, близъ нынѣшней Кодымы и Крутыхъ, словомъ двигались на полдень. Тѣ немногіе, которые встрѣчали эту толпу, никакъ не могли понять, что гонитъ ее въ улусы татарскіе. Не татары вѣдь, а христіане, но по варварски поступаютъ, ведутъ въ яссыръ столько молодыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ..... Пусть Юрась Хмельницкій, котораго народъ до сихъ поръ клянетъ въ пѣсняхъ, запродалъ всю Украину крымскимъ варварамъ; но тогда они сами являлись сюда и забирали невольниковъ; теперь совсѣмъ на оборотъ: величающій себя защитникомъ воли козацкой и свободы народной промышляетъ, какъ скотомъ, тѣми, которые стремились къ свободѣ.

Остановки въ пути были короткія, роздыхи минутные; огня разводили мало, опасаясь привлечь чье либо вниманіе. Правда, край былъ опустѣлый, коронныхъ войскъ нигдѣ, но кто знаетъ, какой нибудь панокъ изъ Побережья не пожелаетъ ли попробовать счастья и не устроитъ ли засады. Въ это время уже входила въ моду охота на торговцевъ живымъ мясомъ, а Шпакъ также, преобразившись изъ ватажка въ купца, шелъ съ живымъ товаромъ.

Во время путешествія съ плѣнниками обходились внимательно, милостиво; въ избыткѣ давали имъ пищу; позволяли надѣть теплую одежду; для ослабѣвшихъ нашлись даже возы. Долго ли продолжалось путешествіе, не знаемъ; но съ первыми снѣгами Шпакъ переправился уже черезъ Ягорлыкъ, называемый татарами Кайнаромъ, и сталъ таборомъ подъ Дубоссарами. Это былъ первый на пути городъ ханства, столица округа, или чыфлика, принадлежащаго крымскимъ владѣльцамъ. Въ то время тамъ былъ начальникомъ немолодой уже армянинъ. Когда новоприбывшій купецъ разбилъ на полянѣ свои палатки, начальникъ города явился туда, осмотрѣлъ плѣнниковъ глазомъ знатока, оцѣнилъ товаръ со стороны силы, сложенія и красоты, что-то поговорилъ въ сторонѣ съ предводите-

лемъ и возвратился во̂ свояси, взявши съ собой, какъ подарокъ, крѣпкаго немировскаго поселянина. Къ вечеру прибыли къ обозу «мажи», наполненныя хлѣбомъ изъ кукурузы; пригнали нѣсколько барановъ. Ватажекъ самъ раздѣлялъ съѣстные припасы; женщинамъ приказалъ надѣть покрывала на лицо, помѣстилъ ихъ въ сарай, наскоро сбитый изъ досокъ, и сталъ спокойно поджидать купцовъ, очевидно хорошо знакомый съ дѣлами такого рода.

Сейчасъ разошлась вѣсть по Буджаку и княжеству Оргѣевскому, что доставленъ въ Дубоссары транспортъ невольниковъ-мужчинъ, способныхъ къ работѣ, и женщинъ, годныхъ не только въ невольницы, но и въ гаремныя одалиски, и все это съ Легистану, гдѣ женщины бѣлы, имѣютъ глаза голубые, кожу мягкую и нѣжную, волосы, мягкіе, какъ ленъ, сплетенные въ длинныя косы, что высоко цѣнилось на Востокѣ. Собралось много любопытныхъ и между ними не мало покупателей; было въ томъ числѣ нѣсколько мурзъ татарскихъ и посланецъ паши бендерскаго, который хотѣлъ освѣжить свой гаремъ новыми экземплярами, а если-бы нашлась красавица, то думалъ послать ее великому визирю въ Царьградъ, гдѣ такіе подарки всегда съ благодарностью принимались сановниками высокой Порты, засѣдающими въ диванѣ.

Когда плѣнники убѣдились въ томъ, что ихъ-христіанъ продаетъ въ бусурманскую неволю христіанинъ-же, то поднялся ужасный плачъ и крикъ. Женщины больше всего протестовали, такъ что покупатели насильно, чуть не на арканахъ, уводили ихъ съ собой. Особенно-же одна, самая красивая изъ всѣхъ, при видѣ которой мурзы чмокали губами, а «факторъ» паши предлагалъ большія деньги, громко въ лицо проклинала Шпака; но онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ гаремный евнухъ стаскивалъ съ нея одежду и ловко ощупывалъ красивыя плечи, грудь, локти, какъ проводилъ по бедрамъ черной, шерсткою рукой... Дѣвушка вырывалась, кричала, но это не вело ни къ чему; слуга турецкаго владѣтеля, привыкшій къ протестамъ такого рода, продолжалъ спокойно осмотръ, какъ человѣкъ, не имѣющій представленія о любви и даже влеченія, возбуждаемаго обыкновенной страстью, и велъ себя, какъ настоящій покупатель-барышникъ, который не хочетъ показать, что товаръ ему понравился, хотя мимо воли въ его очахъ свѣтилось удовольствіе, вызванное тою мыслію, что его господинъ, которому онъ

усердно служитъ, хорошо вознаградитъ его за подобную покупку.

Осмотръ-ли евнуха или протесты женщины обратили вниманіе ватажка, но онъ сталъ присматриваться къ невольницѣ.

— Чья ты? спросилъ онъ.

— Твоего сосѣда, такого-же осадчаго, какъ и ты, прибывшаго недавно къ Немирову.

— Не продается! громко сказалъ Шпакъ, отстраняя отъ плѣнницы посланца паши.

Понурое лицо послѣдняго вытянулось отъ удивленія; онъ подумалъ, что продавецъ хочетъ больше денегъ.

— Прибавляю еще къ тому, что я обѣщалъ, сказалъ онъ: хотѣлъ-бы я ляшкой пополнить гаремъ моего господина; да и ты такимъ подаркомъ пріобрѣтешь для себя навсегда его покровительство.

— Не продается! повторилъ Билоцкій: не продается, даже еслибы ты давалъ за нее сто разъ столько.

Дѣвушка хотя и не знала, о чемъ они говорили, но поняла, что произошло что-то особенное. Человѣкъ съ смуглымъ лицемъ отошелъ въ гнѣвѣ, а ватажекъ возвратился къ ней и сказалъ:

— Успокойся, возвратишься домой.

Между тѣмъ таборъ мало по-малу уменьшался. Молодые парни, годные къ тяжелой работѣ, пошли въ Левантъ; евреи остались въ Крыму, новые ихъ владѣльцы были увѣрены, что рано или поздно они получатъ хорошій окупъ за этотъ товаръ; женщины лучшія по виду отправлены въ Стамбулъ; худшія-же и постарѣе остались служанками въ татарскихъ улусахъ.

Шпакъ сосчиталъ деньги, оказалась немалая сумма; львиную часть оставилъ онъ себѣ, остальное роздалъ дружинѣ. Но что дѣлать съ дѣвушкой, которая передъ тѣмъ такъ неугомонно кричала, а теперь молчаливо и грустно глядитъ? О женитьбѣ Шпакъ доселѣ и не помышлялъ; теперь-же эта мысль явилась у него сама собой, и онъ, не откладывая на долго, тутъ же предложилъ плѣнницѣ совмѣстную жизнь; не колеблясь ни минуты, она дала свое согласіе: изъ невольницы стать женою ватажка—и то уже было для ней счастье. И въ Дубоссарахъ отпраздновали свадьбу среди дикой толпы татаръ и обусурманенныхъ армянъ.

Медовые мѣсяцы приходилось новобрачнымъ провести въ пути. Но какимъ путемъ возвращаться? Идти прежней дорогой было не безопасно. Шпакъ не подозрѣвалъ, что народъ уже тогда сталъ называть эту дорогу Шпаковымъ шляхомъ.

III.

Въ половинѣ декабря значительно уменьшившійся отрядъ немировскаго осадчаго перешелъ Ягорлыкъ и сталъ на границахъ Рѣчи-Посполитой. Билоцкій рѣшилъ держаться побережья Днѣстра. Въ этой мѣстности колонизація началась недавно, но шла бойко; села, расположенныя по берегу стараго Тираса, были многолюдны и полны движенія. Большая часть колонистовъ были молдоване; обыкновенно оставляли родину сильно провинившіеся въ чемъ нибудь предъ закономъ, въ Подоліи же они селились при самыхъ выгодныхъ условіяхъ: не нужно было имъ разрывать связи съ оставшимися на мѣстѣ, такъ какъ ихъ раздѣляла только рѣка; не требовалось удостовѣренія о прежней ихъ жизни,—никто о томъ не спрашивалъ, не предстояло имъ и особеннаго труда, какъ не отсидѣвшимъ еще срока «слободы»; наконецъ зачѣмъ и трудъ, когда можно было и безъ него обойтись, когда «липки», расположившіеся въ бессарабской степи, особенно же козаки такъ заманчиво увлекали ихъ къ грабежу? А грабежъ всегда сходилъ съ рукъ безнаказанно. Онъ получилъ даже здѣсь видъ какого-то удивительнаго правоваго порядка, особенно съ того времени, когда Сѣмашко, пасынокъ Палѣя, явился на Поднѣстровье и объяснилъ осадчимъ, что они только здѣсь паны и должны соединиться въ дружины для освобожденія края отъ шляхетскаго гнета. Сѣмя упало на добрую и плодоносную почву: Побережье поднялось и было полно отрядами, состоящими большею частью изъ волоховъ, а предводителей было, какъ маку: Мидопака, бунчучный Григорій, сотникъ Аксентій, Дабижа, Дерикалйка, Рынгачъ, Микуличъ, Солтанъ, Малокитскій—«найбольшій измѣнникъ господаря и тамошняго краю», Дубина, Деревяненко и много, много иныхъ. Все это были обыкновенные разбойники, имѣвшіе въ виду только себя; дружины ихъ не превышали 20—30 человѣкъ, но тѣмъ не менѣе причиняли большой вредъ землевладѣльцамъ, очень не многочисленнымъ въ этой сторонѣ; особенно допекали они «державцамъ» и «оффиціалистамъ» знатныхъ пановъ. Извѣстно, что

цѣлое почти Побережье принадлежало Яну-Александру Конецпольскому, воеводѣ сѣрадскому; онъ, какъ одинъ въ родѣ, считалъ, что для него много и тѣхъ имѣній, что были въ Червонной Руси, поэтому и не думалъ о пустопорожнихъ украинскихъ владѣніяхъ, отдавалъ ихъ въ «державцамъ», отважнымъ смѣльчакамъ, и не требовалъ отъ нихъ никакой платы, а только ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они въ извѣстный срокъ колонизовали всю временно занятую ими землю. Печальна была судьба этихъ піонеровъ польской цивилизаціи въ пограничныхъ земляхъ: явившись въ далекія полуденныя земли, среди непріязненной толпы простого народа, они утѣшали себя надеждой, что тамъ, въ правительственныхъ сферахъ, поймутъ ихъ незавидное положеніе, что Рѣчь-Посполитая пришлетъ имъ вооруженные отряды для поддержанія ихъ правъ; но дѣлалось на оборотъ: Рѣчь-Посполитая ихъ приглашала въ ряды своихъ отрядовъ для поддержанія династичныхъ мечтаній Августа II. Конечно, оставить свои пепелища они не могли, но и обороняться отъ своевольныхъ разбойничьихъ отрядовъ также не были въ состояніи, потому и ждали на мѣстѣ, что имъ судьба припошлетъ.

А между тѣмъ кругомъ образовывались новые козацкіе полки: Шаргородскій, Могилевскій и т. д. Организація козацкая все болѣе и болѣе созрѣвала: изъ мелкихъ предводителей дѣлались полковники, изъ полковниковъ—даже богатыри.

Намъ попались въ руки небольшіе мемуары одного изъ такихъ гербовныхъ колонизаторовъ, запершагося въ укрѣпленіяхъ, возведенныхъ на скорую руку, далеко на Побережьи, за Днѣстровыми порогами. Этотъ документъ производитъ при чтеніи тяжелое впечатлѣніе: гордый волынскій шляхтичъ Ледоховскій поднялъ флагъ Рѣчи-Посполитой на хворостяной башенькѣ, похожей скорѣе на хлѣвъ, и обороняетъ ее отъ нападеній «хлоповъ-разгультяевъ»; постепенно отказывается онъ отъ полеваго хозяйства, потому что своевольныя толпы прогоняютъ его оттуда; на его долю остается огородъ, но и тотъ мало приноситъ ему пользы; вотъ онъ запирается во дворѣ, обнесенномъ наскоро рвомъ и частоколомъ, находитъ нѣсколько вѣрныхъ себѣ людей и съ оружіемъ въ рукахъ ожидаетъ непрошенныхъ гостей. «Ивась-кучеръ», расположившись на крышѣ башеньки, высматриваетъ прибытія помощи—войска королевскаго: Ледоховскому думалось, что цѣлый край долженъ по-

спѣшить для его освобожденія, и эта надежда не оставляла его до конца. Въ началѣ онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ новость, принесенную арендаремъ Срулемъ, будто тотъ видѣлъ по близости хоругвь его милости пана кіевскаго (Іосифа Потоцкаго), и все ждетъ; но Ивась ему нѣсколько разъ въ день рапортуетъ, что ничего не видно на горизонтѣ, и Ледоховскій пишетъ въ своемъ дневникѣ день за днемъ зловѣщее «item»..... Наконецъ дождался, но не поляковъ, а козаковъ, которые уничтожили все до основанія.

И такъ Шпакъ выбралъ для себя дорогу по прибрежью Днѣстра. Онъ имѣлъ подъ своей властью 200 человѣкъ, титуловалъ себя то запорожскимъ полковникомъ, то полковникомъ его царскаго величества, то наконецъ полковникомъ его королевской милости, смотря потому, какъ ему было выгоднѣе въ извѣстную минуту; всѣмъ этимъ онъ поддерживалъ свой престижъ передъ своими мелкими товарищами-разбойниками, поднимался въ ихъ глазахъ и своими сношеніями съ Самусемъ, и своимъ давнимъ знакомствомъ съ Абазыномъ, и наконецъ своимъ участіемъ во взятіи Немирова. Причину своего путешествія онъ объяснялъ дипломатической миссіей къ крымскому хану; поэтому его вездѣ принимали съ почетомъ. Только присутствіе «бабы» смущало нѣкоторыхъ; но видя, какъ эта баба ловко держалась на конѣ и какой воинственный видъ она имѣла, всѣ съ удивленіемъ только посматривали на нее; съ удивленіемъ смотрѣлъ и мужъ, счастливый тѣмъ, что она такъ хорошо приспособилась къ его наклонностямъ.

Быстро прошелъ Билоцкій пространство въ нѣсколько десятковъ миль; попадающимся ему на пути крестьянамъ твердилъ, что они вольны, что ихъ воли желаетъ и король, и царь, и Палѣй, что противятся ей только паны и что слѣдовательно съ панами нужно воевать. Въ Могилевѣ немного подозрительно принялъ его Скорычъ, называвшій себя также полковникомъ, но и онъ поддался нашептываніямъ своевольной толпы, отвѣчавшимъ его собственнымъ стремленіямъ. Отважный ватажокъ не встрѣчалъ уже нигдѣ отпора; немногочисленная шляхта не ставала ему на дорогѣ; напротивъ, запиралась въ дворахъ, обнесенныхъ наскоро оградой, и была готова дорого продать свою жизнь. Шпакъ однако ихъ не трогалъ, не хотѣлъ на мелочь тратить времени; ему хотѣлось ограбить лучше устроенныя и болѣе богатыя имѣнія, а къ

такимъ причислялись имѣнія Студеницкія, принадлежавшія воеводѣ Іосифу Потоцкому. И дѣйствительно Шпакъ добился своего; увеличивши свой отрядъ вдвое, онъ въ бѣшеномъ порывѣ бросился къ Копычинцамъ, лежащимъ уже за Збручемъ, чтобы, какъ онъ выражался, «покарать Баворовскаго, притѣсняющаго своихъ подданныхъ». Расправа была короткая: все пустилъ съ огнемъ и въ началѣ 1703 г. явился подъ стѣнами Каменца. Не бывалая дерзость,—не правда ли? И тѣмъ не менѣе она возбудила тревогу въ малочисленномъ населеніи пограничной крѣпости. Но и Шпакъ испугался своей отваги и сочинилъ письмо къ генералу Кошкелю, начальнику гарнизона,—письмо довольно оригинальное. Въ немъ онъ и покоренъ и дерзокъ вмѣстѣ.

«Объявляю, говоритъ, письмомъ вашей милости, пану добродѣю моему, что я пришелъ сюда съ войскомъ, какъ мнѣ поручено,—не самъ по себѣ, не для своевольства пришелъ, но по приказанію найяснѣйшаго его милости короля и добродѣя нашего. Явно-жъ всѣмъ намъ стало, что ихъ милости паны-дѣдичи съ своими подданными не какъ съ подданными поступаютъ, а какъ съ бунтовщиками. Мы однако никакихъ бунтовщиковъ въ свое войско не принимаемъ: по милости Божьей и королевской есть у насъ и свое войско, но кто хочетъ добровольно идти въ ряды наши, пусть идетъ, и я того принимаю».

Письмо это было похоже на насмѣшку; Кошкель такъ и понялъ, хотя и приказалъ внести его въ мѣстныя актовыя книги. Подумывалъ онъ уничтожить отрядъ бунтовщика, но имѣлъ слишкомъ мало войска и, кромѣ того, не былъ увѣренъ, будетъ ли спокойно населеніе города, состоящее большею частію изъ малороссіянъ. Шпакъ, пользуясь слабостью противника, расположился обозомъ на поляхъ гуминецкихъ, въ окопахъ Конецпольскаго: зима была умѣренная; народъ доставлялъ продовольствіе и фуражъ, и Шпакъ съ компаніей весело проводили время, хотя и подъ открытымъ небомъ. О немъ-то неизвѣстный корреспондентъ сообщалъ тогда изъ Львова: «изъ Сатанова и Меджибожа пишутъ, что тамъ этой «галайстры» есть около 3000; села, мѣстечка разоряютъ, ульи изъ пасѣкъ, спрятанные на зиму, выбиваютъ и, что только можно, уничтожаютъ, а если попадется полякъ или жидъ, убиваютъ. Подъ Каменцемъ были; тамъ не сдѣлали никакой пакости, только ѣли, пили и коней кормили».

Но это веселье непріятно было прервано вѣстью о вступленіи на пограничье коронныхъ войскъ,—и дѣйствительно, давно ожидаемая помощь явилась. Во главѣ ихъ былъ Сенявскій; онъ занялъ Меджибожъ и направился къ Немирову. Въ помощь ему прибыли Любомірскій, Янушъ Вишневецкій и грозный владѣтель мѣстечка Немирова, Іосифъ Потоцкій. Въ мигъ овладѣли они Немировымъ, по пятамъ козаковъ двинулись къ Брацлаву и взяли Ладыжинъ. Самусь во время ушелъ къ Богуславу, Абазынъ же попалъ въ руки гетмана, который велѣлъ казнить его въ Каменцѣ (а не Либавѣ, какъ ошибочно утверждаетъ Отвиновскій). Грозный Пилявитъ «собственныхъ подданныхъ изъ немировскихъ и константиновскихъ владѣній не щадилъ, повелѣвши нѣсколько тысячъ ихъ казнить». Затѣмъ пошло въ дѣло клеймленіе, т. е. отрѣзываніе носовъ, ушей, отсѣченіе одной руки и одной ноги и пр. Воевода кіевскій держался правила Стефана Чарнецкаго, что бунтовщиковъ нужно смирять грозой. Было ли это благовременно, вопросъ иной, рѣшая который, мы зашли бы далеко.

Испуганные козаки стремглавъ бѣжали на Поднѣстровье, чтобы оттуда пробраться въ мультанскую (валахскую) землю. За ними все Побережье, какъ одинъ человѣкъ, ушло въ бессарабскую степь. И Шпакъ очутился тамъ же съ своей женой и хотя титуловалъ себя полковникомъ его королевской милости, но не имѣлъ смѣлости встрѣтиться съ гетманомъ его королевской милости и предпочиталъ уступать ему дорогу.

Край былъ успокоенъ, но за то опустѣлъ такъ, какъ часто бывало во время турецкаго владычества.

Что тутъ дѣлать?

Въ началѣ марта шляхта сбѣжалась въ Каменецъ, чтобы посовѣтоваться. Снова не хватало рукъ рабочихъ; не много ихъ было и прежде, при томъ едва ли и половиной тѣхъ, которые были, можно было пользоваться, а теперь совсѣмъ никого не было. Около 70 селъ, расположенныхъ по берегу Тираса, совершенно опустѣли; въ верхнихъ еще кой-гдѣ были старые поселяне, но въ нижнихъ, отъ Ушицы до Могилева, не было живой души. Шляхта знала, что бѣглецы вмѣстѣ съ своими предводителями нашли себѣ пріютъ за Днѣстромъ, и потому рѣшила послать депутатовъ къ его господарской милости. Эту миссію приняли на себя поручикъ Самуилъ Поплинскій и хорунжій повѣтовой хоругви Іосифъ Васи-

левскій. Данная депутатамъ инструкція составлена была очень искусно: сначала они должны были упомянуть о тридцатилѣтней почти дружбѣ, потомъ о той радости, какая наполняетъ сердца земянъ при мысли о такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ господаремъ, а дальше должна была идти рѣчь о печальныхъ событтіяхъ того времени. Это приступъ, потомъ шли частности, или претензіи: первое мѣсто занимали пропавшіе волы. Не думайте однако, что ихъ много угнано было на берегъ мультанскій,—всего только девять. О такой мелочи, при всеобщей тревогѣ, можно было и забыть; но какъ же тутъ забыть, когда пара этихъ благородныхъ четвероногихъ принадлежала каштеляну краковскому и генералу земель подольскихъ (Мартину Контскому), а семь воеводѣ кіевскому (Іосифу Потоцкому),—вѣдь обижать сенаторовъ нельзя. Слѣдовалъ затѣмъ списокъ бунтовщиковъ—осадчихъ, которые увели съ собой изъ воеводства простой народъ. Понятно, что между ними Шпакъ занимаетъ самое видное мѣсто: «осадчій Билоцкій,—говорилось о немъ въ инструкціи,—который, набравши въ Немировѣ не мало христіанъ и евреевъ подданныхъ, продавалъ татарамъ въ Дубоссарахъ, а потомъ подъ именемъ Шпака взбунтовалъ все Поднѣстровье, начиная отъ Ягорлыка до самаго Китайгорода».

Делегаты направились въ Сучаву, гдѣ въ то время имѣлъ временную резиденцію господарь Константинъ Дука, сынъ того Дуки, который трижды возвращался на мультанскій престолъ, а въ промежуткахъ управлялъ по султанскому повелѣнію Немировомъ. Этотъ Константинъ Дука былъ человѣкъ чрезвычайно вѣжливый; съ своими подданными обращался съ такой трогательною деликатностью, что однажды, какъ передаетъ его біографъ, своему кучеру, который въ чемъ-то провинился, сказалъ съ пріятной улыбкой: «потрудись панъ, пойти къ «перкелабу» и попросить его отъ меня, чтобы онъ отсчиталъ тебѣ пятьдесятъ палокъ».

Можно себѣ представить, съ какими почестями принялъ онъ пословъ подольскихъ; не заставилъ даже долго ждать отвѣта. Но что изъ этого? Въ отвѣтѣ, написанномъ даже хорошей латынью, онъ со всей любезностью докладывалъ, что о волахъ ничего не знаетъ, изъ списка же осадчихъ ясно видитъ, что половина тамъ поименованныхъ вовсе не находятся въ границахъ его государства, иначе онъ слыхалъ бы что нибудь о нихъ; другая же меньшая половина дѣйствительно жила въ Подоліи, но тогда, когда ею владѣли турки; съ

выходомъ же изъ Подоліи оттоманъ, и они перешли въ Молдавію и здѣсь пользуются вниманіемъ господаря, какъ самые вѣрные подданные и во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренные люди.

Послы возвратились ни съ чѣмъ. Волненіе между подольской шляхтой было большое; опять съѣхались въ Каменецъ на сеймикъ и рѣшили ограничить сроки «слободъ». Но и это мало помогло; напротивъ, еще болѣе повредило, потому что невыполненіе даннаго слова дало поводъ къ новымъ бунтамъ.

О Шпакѣ господарь ничего не упоминалъ, какъ будто его вовсе не было въ границахъ его земли, мало того, онъ приказалъ дать знать Шпаку, чтобы тотъ былъ на сторожѣ. Поэтому полковникъ отправился въ Дубоссары къ своимъ пріятелямъ; здѣсь помѣстилъ жену въ безопасномъ мѣстѣ, а самъ отъ времени до времени дѣлалъ набѣги въ околицы Немирова и Брацлава тѣмъ самымъ шляхомъ, который носилъ его имя и каждый разъ, возвращаясь, велъ съ собой нѣсколько плѣнниковъ—молодыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ. Хотя это ремесло не шло къ лицу полковника, но что же дѣлать,—нужно же чѣмъ-нибудь жить, а деморализованное общество на столько утратило понятіе о томъ, что хорошо и что дурно, что смотрѣло равнодушно на этотъ торгъ людьми.. Нашлись даже поставщики и факторы, и не только изъ евреевъ, но даже изъ своихъ, которые проникали въ глубь края, чтобы помогать промышленному ватажку.

Одинъ разъ Билоцкій чуть не поплатился жизнію. Отдыхалъ онъ съ нѣсколькими товарищами въ Барскихъ лѣсахъ и, должно быть, поджидалъ транспорта плѣнниковъ, обѣщанныхъ ему однимъ изъ соучастниковъ его. Выборъ мѣста былъ не особенно удаченъ; недалеко былъ Баръ, державшійся немного лучше другихъ мѣстечекъ, а комендантъ замка Скипоръ имѣлъ послушную милицію и былъ извѣстенъ своей энергіей и суровостью. Пойманнаго разбойника онъ сейчасъ-же вѣшалъ на валахъ и держалъ повѣшеннаго до тѣхъ поръ, пока трупъ не разлагался, если только не заступалъ его мѣсто новый преступникъ. Непріятное это было сосѣдство для Шпака, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему необходимо было ждать здѣсь, чтобы не идти съ пустыми руками домой. При такихъ обстоятельствахъ встрѣчается ему крестьянинъ—молодой, но хромой и безобразный. Увидѣвъ чужихъ людей, крестьянинъ началъ уходить, но его легко поймали и начали допрашивать; хромоногій говорилъ обо

всемъ, что видѣлъ и чего не видѣлъ. Между прочимъ онъ сознался, что пылаетъ страстью къ Гандзѣ Максымовой, но что къ нему Гандзя не благоволитъ, потому что отецъ ея богатый, имѣетъ не далеко хуторъ и служитъ сотникомъ въ милиціи замка, дѣвушка-же красивѣе утренней зари.

Для Шпака достаточно было этихъ признаній, чтобы воспользоваться ими для своей корысти. Что онъ предпринялъ, не важно, а важно то, что онъ выкралъ дѣвушку и, уже не медля ни минуты, полетѣлъ съ ней за Ягорлыкъ. Старый Максымъ чуть не сошелъ съ ума отъ горя; во главѣ нѣсколькихъ сотъ дворскихъ козаковъ кинулся слѣдить негодяя; часто ему во время погони представлялось, что онъ слышитъ крикъ своей несчастной единственной дочери. Но все было напрасно, она пропала. Единственной цѣлью его жизни стало потомъ отбивать уводимыхъ въ ясcыръ невольниковъ. Онъ поджидалъ ихъ въ пущахъ; предводители-барышники, уводившіе ихъ, если не гибли отъ пули, то вѣшалиеь на ближайшемъ деревѣ.

Все это заставило Шпака перемѣнить въ концѣ концовъ свое ремесло; но со сторонниками Палѣя онъ не разрывалъ сношеній, потому что считалъ себя за представителя степнаго козачества. Потомъ, когда измѣнились обстоятельства, онъ опять явился въ окрестностяхъ Немирова и осѣлъ на хуторѣ подъ лѣсомъ вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями, которыми подарила его полковница. Мѣстный губернаторъ (управляющій) какъ будто забылъ прежніе подвиги Билоцкаго, привѣтствовалъ его и спокойно выслушалъ его обѣщанія жить хорошо, такъ какъ хотѣлъ одного только, чтобы земли не лежали пустыми и чтобы какъ можно болѣе было рабочихъ рукъ. Интересъ владѣльцевъ и государства уступилъ мѣсто интересу личному.

Колонизація росла, а съ ней вмѣстѣ разростались и новыя желанія воли и доли козацкой.

IV.

Нужно сказать, что обстоятельства сложились для Шпака какъ нельзя лучше. Въ Немировѣ хотя и было войско, но, какъ обыкновенно водилось, небольшое, недостаточное. Народъ волновался, не могъ забыть владѣльцу замка кровавой расправы, бывшей два года

назадъ; одна благопріятная минута и скопившійся горючій матеріалъ долженъ былъ вспыхнуть.

Поводъ къ новому возстанію во владѣніяхъ кіевскато воеводы былъ слѣдующій. Еще во время перваго бунта въ Немировѣ, надворный козакъ владѣльца Олекса убилъ сторонника Палѣя Борисенка, присланнаго сюда Палѣемъ для организаціи возстанія; убивши, онъ голову бунтовщика, какъ corpus delicti, представилъ во дворъ. Понятно, что такое геройство послужило къ возвышенію Олексѣ: онъ былъ сдѣланъ сотникомъ дворской милиціи, отправлявшей гарнизонную службу въ мѣстечкѣ. Но не долго онъ пользовался такою честью. По прошествіи нѣкотораго времени нашелся мститель—братъ убитаго, Грыцько Борисенко, также сотникъ въ Погребищахъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Палѣя. Этотъ послѣдній, желая поднять возстаніе не только въ цѣломъ правобережьи Днѣпра, но и во всей Украинѣ, Подоліи до самаго Сана, воспользовался жаждой мести и, чтобы ее усилить, часто твердилъ Грыцьку:

— Олекса теперь пануетъ въ Немировѣ, связался съ ляхами, а пануетъ потому, что убилъ твоего брата, а ты смотришь на это равнодушно.

И вотъ Грыцько во главѣ своей сотни направился къ столицѣ Юрія Хмельницкаго. Не доходя мѣстечка, онъ разослалъ подкомандныхъ по окрестнымъ селеніямъ съ приказомъ, чтобы они въ назначенный день собрали какъ можно больше народу. Самъ-же проникъ въ Немировъ, хотя сторожа была кругомъ, повидался съ бывшими здѣсь сторонниками Палѣя, къ которымъ имѣлъ отъ него порученіе, именно Наливайкомъ изъ Кернасовки и Иваномъ асауломъ, пробрался и къ Шпаку, который тихо сидѣлъ себѣ на хуторѣ подъ лѣсомъ, такъ какъ у него болѣла жена и сыновья не могли обойтись безъ его присмотра.

Въ назначенный день Олекса палъ посреди рынка подъ ножемъ Борисенка.

Это было началомъ новаго возстанія. Громады изъ Немирова, Ковалевки и Прилуки, собравшись на ярмаркѣ, начали совѣщаться. Помнили они суровую кару владѣльца мѣстечка и теперь стали обдумывать дѣло хладнокровнѣе. Прежде всего рѣшили не выпускать изъ рукъ Борисенка, а потомъ стали подумывать о томъ, не

представить-ли его во дворъ, гдѣ сотня Олексы вмѣстѣ съ губернаторомъ приготовилась уже къ защитѣ.

Случайное обстоятельство повернуло рѣшеніе толпы въ иную сторону, какъ это часто бываетъ при народныхъ бунтахъ.

Какъ разъ во время совѣщаній ѣхалъ чрезъ рынокъ на плохенькой лошадкѣ какой-то шляхтичъ, Пырха. Ѣхалъ онъ, не догадываясь, что, какъ ночная мошка, лѣзетъ прямо на огонь: ему казалось дѣломъ обыкновеннымъ, что въ ярмарокъ такъ много на рынкѣ хлопства. Хлопы обратили внаманіе на Пырху: не видный, а крикливый, знать издалека возвращается,—думаютъ и не уступаютъ дороги. Пырха стегнулъ не одного нагайкой; наконецъ сталъ грозить, что пожалуется Олексѣ.

— Молчи, закричалъ ему одинъ, другой, скажи лучше, кто ты такой? Смотрите, ляшокъ между нами!

Пырха догадался, что тутъ не шутки, что самъ можетъ поплатиться головой: не теряя храбрости, онъ кричитъ, что пріѣхалъ въ Немировъ съ письмомъ отъ короля.

— Съ письмомъ? закричали близко стоявшіе. Показывай, читай.

Шляхтичъ поворотился на сѣдлѣ, вынулъ изъ-подъ подушки какую-то бумагу и сталъ читать:

— Любомирскіе, Потоцкіе, Сенявскіе поднимаютъ бунты противъ короля; теперь они подъ Сенявой и идутъ на васъ. Идите жъ и, какъ можете, разгоняйте ихъ и направляйте къ королю.

Толпа болѣе не слушала; вся хлынула къ Борисенку.

— Идемъ подъ Сеняву,—кричали,—самъ король приказываетъ гнать ляховъ.

Пырха воспользовался этимъ моментомъ и успѣлъ улизнуть.

Крестьяне были наскоро организованы Наливайкомъ и подъ его командой двинулись впередъ; на дорогѣ встрѣтили хоругвь Станислава Падлевскаго и разбили ее. Предводитель хоругви, тяжело раненый, нѣсколько «товарищей» и касса въ 15,000 золотыхъ достались въ руки побѣдителей. Тріумфъ былъ большой, но не продолжительный: отрядъ Падлевскаго былъ передовымъ въ войскѣ Сенявскаго. Сенявскій скоро настигъ толпу бунтовщиковъ и разогналъ ихъ; Борисенко былъ схваченъ и повѣшенъ.

Разсказали мы эту исторію потому, что она нужна намъ для уясненія дальнѣйшихъ дѣйствій Федора Билоцкаго. Онъ съумѣлъ воспользоваться

зоваться происшедшимъ волненіемъ и какъ только войско Рѣчи Посполитой потянулось въ глубь Польши, а въ мѣстечкахъ остались незначительные гарнизоны, онъ сейчасъ вышелъ изъ своего убѣжища. Знакомыхъ въ окрестностяхъ было у него много, охотниковъ козаковать нашлось также не мало; поэтому въ теченіи какого-нибудь десятка дней онъ успѣлъ организовать отрядъ въ 600 человѣкъ. И сдѣлать это было не трудно, подобное явленіе на Украйнѣ было самымъ обыкновеннымъ, особенно легко удавалось это человѣку сколько-нибудь популярному.

Поднялся Шпакъ и «надѣлалъ людямъ много бѣдъ и руинъ». Такъ лаконически говорятъ акты о тогдашнихъ нападеніяхъ Шпака.

Гарнизонъ немировскій былъ на столько слабъ, что не могъ бороться съ полковникомъ, человѣкомъ, не разбирающимъ въ средствахъ, имѣющимъ самыя близкія сношенія съ разсыпаннымъ по цѣлому краю «гультяйствомъ». Новый предводитель, единственный изъ козацкой старшины на всю Брацлавщину, осматривался вокругъ и не зналъ, что предпринять. Горизонтъ для дѣйствій показался ему тѣснымъ, поле дѣятельности малымъ; идти на востокъ не имѣлъ охоты, тамъ все покончили полки Палѣя, наконецъ и Мазепа вступилъ въ кіевское воеводство (въ іюлѣ 1704 г.) во главѣ козацкихъ дружинъ, хорошо устроенныхъ и дѣйствующихъ подъ контролемъ царскаго войска, которымъ предводительствовалъ князь Голицынъ; встрѣчаться съ ними не безопасно. Имѣлъ Шпакъ предъ собой южную часть брацлавскаго воеводства, совсѣмъ разоренную и покрытую руинами; передъ нимъ открыта была и Подолія, немного оправившаяся въ продолженіи двухъ мирныхъ отчасти лѣтъ. И вотъ Шпакъ, перейдя черезъ шляхъ, названый его именемъ, очутился въ летичевскомъ повѣтѣ и здѣсь свелъ какіе-то давніе свои счеты, начавъ съ того, что совершенно ограбилъ имѣнія двухъ пановъ—Станислава Зелинскаго и Масловскаго, самихъ же ихъ подкомадные Шпака, «связавши въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, мучили и убили».

Великій страхъ напалъ на пановъ Подоліи; обратились они за помощью къ королю, и король прислалъ универсалъ; князь Голицынъ съ своей стороны также прислалъ универсалъ. Въ обоихъ универсалахъ рекомендовали Шпаку умѣренность, признавали въ его ватагѣ

какъ бы воющую сторону, что ужъ слишкомъ; приглашали его на боевую линію для совмѣстнаго дѣйствія противъ шведовъ.

Приглашеніе Голицына ватажокъ принялъ и даже поцѣловалъ, а предложеніе его королевской милости отвергъ.

Противъ разбойника поднято было наконецъ посполитое рушеніе; одновременно были посланы послы къ королю и къ Мазепѣ, стоявшему у Паволочи. Увидѣлъ Шпакъ, что ему можетъ быть плохо: запуганный народъ не слушался уже его агентовъ, паны слѣдили каждый шагъ послѣдняго полковника козацкой вольницы. Шпакъ распустилъ своихъ подначальныхъ и выселился изъ Немирова навсегда; жена его съ сыновьями также скрылись, ибо и ей угрожала опасность. Такъ прошелъ годъ. На Украйнѣ между тѣмъ произошли важныя перемѣны: Палѣй попалъ въ темницу, его сподвижники притихли, а Мазепа двинулся уже къ Волыни; по просьбѣ подольской шляхты онъ вызвалъ Шпака къ своему обозу и тамъ задержалъ его. .

Съ той поры Шпакъ исчезаетъ вовсе съ историческаго горизонта, о немъ уже нигдѣ не находимъ упоминанія.

V.

Выше мы говорили, что Билоцкій имѣлъ двухъ сыновей: Ивана и Захара. Сынъ ли полковника, или иной какой Иванъ Шпакъ, былъ извѣстенъ, какъ гайдамака и, по утверждеиію Руликовскаго, далъ названіе шляху. Но изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что эту печальную славу заслужилъ Федоръ, и такого же мнѣнія и г. Антоновичъ, основательный знатокъ мѣстной исторіи. Конечно, мы не можемъ отвергать того, что въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ могли проказничать на этой дорогѣ и два Шпака. Между гультяйствомъ существовалъ свой привиллегированный классъ, династичность своего рода; традиціи у него значили много, человѣкъ съ извѣстнымъ именемъ скорѣе всего находилъ себѣ сторонниковъ. Такъ могло статься и, вѣроятнѣе всего, сталось и съ молодыми Шпаками. Выселились они когда-то въ Заднѣпровье; по смерти отца ихъ постигла тяжелая доля сиротъ, тѣмъ болѣе тяжелая, что дѣтство сохранило имъ воспоминаніе о жизни въ довольствѣ и о славѣ отца; придя въ возрастъ, они потянулись, быть можетъ вмѣстѣ съ овдовѣлой своей матерью, въ Брацлавщину, но тутъ

застали новые порядки. Козаковъ не осталось и слѣда; панщина вездѣ изъ конца въ конецъ края, сколько глазъ окинуть можетъ; для запорожскихъ юнаковъ и гайдамакъ чуть не въ каждомъ селѣ висѣлицы; менѣе виновные, или болѣе счастливые изъ нихъ съ выбритыми лбами тяжко работали въ рвахъ каменецкой или бердичевской крѣпости, высыпали плотину въ окрестностяхъ барской крѣпостцы, таскали камни на постройку тарнорудскаго костела, а самые счастливые подъ стражей городскихъ «пахолковъ» исполняли обязанности этихъ пахолковъ..... Незавидная доля, особенно для человѣка, привыкшаго къ вольной козацкой жизни; оставались для него или панщина, или свободная жизнь разбойника, и онъ выбиралъ послѣднюю. Нужды нѣтъ, что рано или поздно придется поплатиться головой; нѣсколько лѣтъ свободы тоже чего нибудь стоятъ.

И вотъ двадцатилѣтній Иванъ началъ буйствовать на шпаковомъ шляху: грабилъ проѣзжающихъ, нападалъ на панскіе дворы, не щадилъ жидовъ, и такъ буйствовалъ онъ на очень большомъ пространствѣ, и какъ администрація тогдашняя дѣйствовала слабо, то и унять расходившагося разбойника не было возможности. Съ теченіемъ времени Шпакъ пріобрѣлъ даже славу: особенно заботился онъ о чумакахъ, обороняя ихъ въ херсонскихъ степяхъ отъ разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «комышниковъ». За это чумаки его полюбили и разнесли славу о немъ по корчмамъ и по селамъ, лежащимъ на шляху, а слѣпой лирникъ, въ угоду чумакамъ и народу, слагалъ про него пѣсни: въ нихъ говорилось объ удальствѣ этаго молодца, о его удивительныхъ продѣлкахъ, о дорогѣ, носящей его названіе, по сторонамъ которой онъ прятался, то въ ярахъ куяльницкихъ, то въ дремучихъ лѣсахъ, то въ густыхъ степныхъ травахъ, по глубокимъ балкамъ, болотистымъ лугамъ,—пустыннымъ, рѣдко кѣмъ посѣщаемымъ. Ряды своихъ сподвижниковъ Шпакъ пополнялъ большею частію въ бессарабскихъ степяхъ потомками липковъ и левенцевъ; доставляли ему товарищей и милиціи дворскія, доставляли часто и села, въ которыхъ укрывалась молодежь, любившая бурлаковать.

Удача сдѣлала разбойника смѣлымъ, сталъ онъ показываться въ окрестностяхъ многолюдныхъ мѣстечекъ, вторгался даже въ мѣстности, занятыя войскомъ,—и за свою смѣлость поплатился жизнью: «какъ разбойникъ, пойманный на большой дорогѣ, въ 1730 г. онъ былъ осужденъ винницкимъ магдебургскимъ судомъ

на смерть». И умеръ не по козацки, не на висѣлицѣ, не на «палѣ», отдалъ голову свою подъ мечь «ката».

Захаръ пошелъ по слѣдамъ Ивана. Послѣ смерти Августа II-го повторились бунты крестьянъ, дѣйствовавшихъ подъ охраной союзныхъ войскъ. Вартанъ изъ Шаргорода (Садокъ ошибочно называетъ его Берлумомъ), начальникъ надворной милиціи Любомірскаго, сталъ во главѣ своевольныхъ отрядовъ, назвавъ себя наказнымъ полковникомъ; на его призывъ стеклось нѣсколько тысячъ народа, въ числѣ ихъ былъ и Захаръ Шпакъ со своей гайдамацкой дружиной.

«Реестры взбунтовавшихся хлоповъ» попали въ руки польскихъ военачальниковъ вмѣстѣ съ самыми плѣнниками. Эти послѣдніе добровольно сознались, какъ они присягали на «вѣру императрицѣ», какъ имъ приказано было разглашать во всѣ стороны, что вольница ихъ составлена исключительно изъ волоховъ и сербовъ, тогда какъ въ дѣйствительности она состояла «изъ замковыхъ козаковъ уманскихъ, бершадскихъ, комаргородскихъ», а подъ названіемъ волоховъ шли всѣ мѣстные бунтовщики. Войско Вартана дѣлилось на нѣсколько отрядовъ, начальникомъ надъ однимъ изъ нихъ былъ капитанъ Кифа, а подъ начальствомъ послѣдняго былъ десятникомъ Захаръ Шпакъ. Не знаемъ, достигъ ли онъ болѣе виднаго положенія, или погибъ тогда-же, гдѣ нибудь на дубовомъ суку, пойманный жолнерами воеводы уманскаго, который съ горячностію юноши очищалъ край отъ бушевавшей саранчи.

По усмиреніи этого хлопскаго бунта наступила тридцатилѣтняя тишина; гайдамачество нисходитъ до мелкихъ размѣровъ; выдающіеся его представители исчезаютъ съ исторической арены. Исчезъ и родъ Шпаковъ, а шляхъ, который онъ надѣлилъ своимъ названіемъ, существуетъ доселѣ; рѣже и рѣже тянутся по немъ чумацкіе возы, и уже не къ Черному морю, а къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Мѣстная традиція меркнетъ, все сглаживаетъ и нивилируетъ этотъ стремительный бѣгъ цивилизаціи, который, какъ огненный змѣй, летитъ по безконечно-блещущей линіи, оставляя за собой мало свѣта, но на столько дыму, чтобы туманомъ мрака и забвенія закрыть давнія дѣла, то славныя, то кровавыя и позорныя.

Но все это еще не основаніе тому, чтобы записывать подвиги обыкновеннаго разбойника: у насъ были иныя побужденія выступить въ этотъ разъ на поле изысканій, безплодное и неблагодарное. Люди непріязненной намъ стороны систематически трудятся надъ отыскиваніемъ богатырей, которые достойно воевали противъ идеи полонизма, навязанной пограничнымъ туземцамъ; какое-нибудь имя, закрѣпленное легендой или пѣсnью народной, чрезъ это уже самое попадаетъ въ искусственно созданный пантеонъ. И по необходимости приходится сомнѣвающемуся изслѣдователю самому доискиваться правды, и не его вина, если, разсмотрѣвши внимательно, онъ находитъ въ прославленномъ защитникѣ свободы народной самаго обыкновеннаго бунтовщика и преступника, имѣвшаго въ виду только свою собственную пользу [1]).

[1]) Источники: Акты о козакахъ, Кіевъ, 1868 г., ч. III, т. II, стр. 520, 521, 567, 643, 647, 685, 686 (Предислов., стр. 176). Акты о гайдамакахъ, ч. IY, т. Ш, Кіевъ, 1880 г., стр. 71—78. Накко, Исторія Бессарабіи. Одесса, 1878 г., т. II, стр. 321. Rulikowski, Dawne drogi i szlaki na prawym brzegu Dnieprn i ich znaczenie historyczne (Ateneum. 1878, X, 84). Załuski, Epistolae histor. familiar. Ш. 294. Otwinowski, Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, стр. 42. Kossakowski, Monografie, II, 183. Русская Старина 1882 г., т. II, стр. 546. Pamiętnik dziejów polskieh S. Barącza. Lwów, 1855 г., стр. 262.

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.[1]

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

(Продолженіе).

По смерти Чепѣги, бывшій въ войскѣ войсковымъ писаремъ подполковникъ Котляревскій до разрѣшенія начальства принялъ должность правителя онаго.

При священнѣйшей коронаціи возшедшаго на всероссійскій престолъ государя императора Павла I-го повелѣно: быть въ церемоніи черноморскому войсковому атаману и шести чиновникамъ отъ войска въ видѣ депутатовъ. Котляревскій, по не имѣнію атамана, какъ управитель войска, съ старшинами секундъ-маіорами: Петромъ Бурносомъ, Федоромъ Бурсакомъ, Захаріемъ Малымъ, капитанами Сакомъ, Кухаренкомъ и есауломъ Жолѣ, отправился въ Москву, откуда по высочайшему соизволенію возвратился въ войско войсковымъ атаманомъ.

Котляревскій по прибытіи изъ Москвы вступилъ въ отправленіе своей должности и начало его правленія ознаменовалось внутренними смутами.

Возвратившіеся изъ персидскаго похода полки произвели возмущеніе. Недовольные умершимъ начальникомъ своимъ бригадиромъ Головатымъ, они вспомнили буйное, дикое Запо-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 494—536.

рожье и вздумали не просить, но силою требовать удовлетворенія въ обидахъ. Превозгласивъ своими предводителями отважнѣйшихъ смѣльчаковъ: *Дикуна, Шмалька и Собакаря,* они отправились испровергнуть весь порядокъ управленія и, разсѣвая мятежъ въ народѣ, день ото дня умножали число своихъ соумышленниковъ. Напрасно атаманъ Котляревскій и войсковое правительство, то благоразумными убѣжденіями, то угрозами наказанія, желали вразумить безсмысленныхъ мятежниковъ. Они никого не слушали. Повиновеніе совершенно исчезло: дерзкіе своевольцы буйствовали, требовали вольности запорожской, искали уничтоженія войсковаго правительства, смерти атамана, всѣхъ своихъ начальниковъ и благомыслящихъ старшинъ. Наконецъ, убѣжденные прибывшимъ въ Екатеринодаръ для усмиренія мятежа полковникомъ Пузыревскимъ, они согласились отправить депутатовъ къ государю императору въ Петербургъ и тамъ испрашивать удовлетворенія въ обидахъ, возвращенія утерянныхъ правъ,—воли Запорожья. Главные возмутители: Дикунъ, Шмалько и Собакарь отправились депутатами и спокойствіе въ войскѣ возстановилось.

По прибытіи въ столицу сихъ мятежниковъ, государь повелѣлъ взять ихъ подъ стражу и судить военнымъ судомъ, вмѣстѣ съ прочими ихъ сообщниками, оставшимися въ войскѣ. Военный судъ изслѣдовалъ въ точности всѣ причины и обстоятельства сего возмущенія и, основываясь на законахъ, рѣшилъ строго наказать всѣхъ виновныхъ. Но государь императоръ Павелъ I-й, снисходя на невѣжество ихъ и дикость нравовъ, отвергъ строгій приговоръ суда и, наказавъ только однихъ главнѣйшихъ возмутителей, прочимъ благоволилъ даровать прощеніе. Таковая милость монарха привела преступниковъ къ душевному раскаянію и вѣрная полезная служба ихъ впослѣдствіи времени загладила преступленія.

Но возмущеніе сіе сдѣлалось поноснымъ для чести всѣхъ черноморцевъ, ибо послѣдствіемъ онаго было то, что государь императоръ 8-го генваря 1798 года высочайше повелѣть соиз-

волилъ черноморскому козачьему войску впредъ не именоваться вѣрнымъ.

Атаманъ Котляревскій, немедленно по отправленіи 14 мятежниковъ въ Петербургъ, поручивъ правленіе войскомъ войсковымъ старшинамъ Гулику и Кордовскому, выѣхалъ туда же. Находясь въ столицѣ до 1799 года, онъ по высочайшему соизволенію былъ произведенъ 16 октября 1797 года въ полковники, а 1798 г. октября 30-го въ генералъ-маіоры. По возвращеніи Котляревскаго въ Екатеринодаръ полученъ (13-го февраля 1799 года) высочайшій рескриптъ, въ коемъ повелѣно: «не дѣлать никакихъ перемѣнъ въ войскѣ, а оставить въ томъ же точно положеніи, какъ было при восшествіи его величества на всероссійскій престолъ.

Между тѣмъ при внутреннихъ смутахъ Черноморіи и закубанскіе хищники не оставались праздными: они усилили свои нападенія и прорывы ихъ на нашу сторону день отъ дня дѣлались чаще. Въ теченіи 1797 года, производя постоянно каждый мѣсяцъ по нѣсколько вторженій въ наши предѣлы, черкесы успѣли нанести жителямъ уронъ не маловажный: убили козаковъ 7, взяли въ плѣнъ 16, уворовали рогатаго скота 235 штукъ и лошадей 105. Хотя впослѣдствіи времени, по сношенію генерала Михельсона съ анапскимъ пашею, сіи похищенія черкесами возвращены, но безнаказанность нападенія содѣлывала ихъ болѣе дерзкими и какъ бы поощряла къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ.

Впрочемъ произведя грабежи у черноморцевъ, они не щадили и своихъ единовѣрцевъ, намъ преданныхъ и мирно живущихъ надъ Кубанью. Враждебные абазехи безпрерывными нападеніями и разореніемъ прибрежныхъ ауловъ довели до того владѣльцевъ шседухскаго племени, Явбука Гирея и сапсугскаго султана Али Шеретлу Оглу, что они, опасаясь лишиться послѣдняго имущества, а можетъ быть и свободы, и не имѣя средствъ ни противиться злодѣямъ, ни отвратить ихъ нападеній, убѣдительно просили Котляревскаго принять ихъ со всѣми подвластными имъ народами, числомъ болѣе 2,000 человѣкъ, не

включая женскаго пола, въ подданство Россіи и позволить переселиться на войсковую землю.

Котляревскій, принимая въ соображеніе пользу, могущую произойти отъ сего переселенія мирныхъ закубанцевъ, представилъ о томъ на разрѣшеніе военнаго губернатора графа Коховскаго, который донесъ государю императору. Его величество всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе сихъ владѣльцевъ въ подданство и покровительство Россіи и повелѣлъ для поселенія ихъ отвести въ Черноморіи достаточное количество земли, на мѣстахъ не заселенныхъ козаками. Исполняя волю высочайшую, Котляревскій съ общаго совѣта въ войсковомъ правительствѣ и по согласію султана Али Шеретлугъ Оглу назначилъ ему и подданнымъ его землю при устьѣ рѣки Ангилики, въ 60 верстахъ отъ Кубани, позволяя пользоваться имъ всѣми угодьями рыболовной ловли и хлѣбопашества на равнѣ съ козаками, тамъ жившими.

1799 г. Явбукъ же Гирей, не находя выгодною для своего поселенія землю, занятую султаномъ Али, просилъ Котляревскаго позволить ему селиться съ своими подданными въ мѣстахъ лѣсистыхъ по правому берегу Кубани. По представленію о томъ государю императору, послѣдовало милостивое разрѣшеніе, и Явбукъ со всѣми своими подданными поселился надъ Кубанью. Къ нему тогда же присоединились изъ-за Кубани прибрежные владѣльцы темиргойскій Безрукъ-бей, Арсланъ Гирей, бей джанайскій, Мисофъ-бей и нагайскій султанъ Шаханъ-Гирей, со своими семействами и крестьянами.

Но и таковая милость была пагубна для Черноморіи. Явбукъ-Гирей не долго оказывалъ преданность къ Россіи; раскаяніе и тоска по дикой родинѣ склонила его къ бѣгству. Онъ 30-го сентября съ 200 душъ обоего пола обратно переправился за Кубань, и дабы избѣгнуть гнѣва анапскаго паши за переселеніе на нашу сторону, увѣрилъ его, что черноморцы силою заставили его переселиться. Паша, повѣривъ измѣннику, требовалъ отъ Котляревскаго и остальныхъ 1380 душъ его подданныхъ, которые не хотѣли вмѣстѣ съ ними измѣнить Россіи.

Котляревскій по распоряженію начальства выпустилъ всѣхъ, пожелавшихъ возвратиться за Кубань. Люди сіи, по переходѣ за Кубань, забывъ оказанное имъ покровительство, сдѣлались нашими злѣйшими врагами. Зная съ точностію кордонную линію, они долго служили проводниками хищникамъ въ ихъ набѣгахъ на пограничныя черноморскія селенія и производили лютые грабежи. Кромѣ же сего зла войско потеряло безъ возврата слишкомъ 8,000 руб., употребленныхъ на ихъ продовольствіе во время жительства ихъ на сей землѣ.

Въ отвращеніе на предбудущее время подобныхъ побѣговъ переселяющихся къ намъ закубанцевъ, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ Котляревскому всѣхъ, которые пожелаютъ приходить изъ-за Кубани, поселять далѣе отъ границы, тамъ, гдѣ онъ самъ изберетъ мѣсто и чтобы они по переселеніи имѣли продовольствіе собственное.

1799 г. Вскорѣ за симъ его величество соизволилъ на учрежденіе мѣновыхъ дворовъ по границѣ, для продажи горцамъ соли и для другихъ сношеній съ ними, съ строжайшимъ наблюденіемъ карантинныхъ правилъ, для чего и опредѣлены карантинные чиновники.

Первый мѣновый дворъ учрежденъ въ Екатеринодарѣ, второй у Гудовиченой переправы и третій при урочищѣ Куркахъ. Тогда же разрѣшено устроить при границѣ въ Бугазѣ, у Суковскаго лимана, удобную гавань для черноморской учебной флотиліи.

1799 г. Генералъ-маіоръ Котляревскій, удрученный старостію и болѣзнями, пожелалъ увольненія отъ службы и избравъ на мѣсто свое, съ совѣта общаго, атаманомъ войска подполковника Бурсака, повергнулъ на милостивое усмотрѣніе государя императора. Декабря 22 1800 г. его величество соизволилъ милостиво утвердить таковое избраніе и 17 генваря Бурсакъ вступилъ въ должность.

Соображаясь съ дѣйствіями своихъ предмѣстниковъ съ начала занятія границъ черноморцами и принимая во вниманіе минувшія обстоятельства, разновременно служившія къ измѣ-

нію духа здѣшнихъ жителей, къ перемѣнѣ ихъ отношеній съ черкесами и къ усиленію хищничества сихъ послѣднихъ, Бурсакъ первоначально занялся установленіемъ порядка на кордонной линіи и 26 генваря издалъ особенныя правила, къ руководству начальникамъ постовъ, о недремленномъ содержаніи границы.

Потомъ 1-го февраля онъ учредилъ конвойную команду изъ 25 отборнѣйшихъ козаковъ, которые, находясь безпрерывно при немъ, долженствовали быть во всегдашней готовности къ движенію повсюду, куда его воля укажетъ; 2-го марта сформировалъ *подвижный пяти-сотный* полкъ въ подкрѣпленіе пограничныхъ карауловъ, а болѣе для отраженія нечаянныхъ нападеній черкесъ; и тогда раздѣлилъ кордонную линію на три части, давъ каждой особаго начальника благонадежнаго, испытаннаго. Для лучшаго же наблюденія за всѣми покушеніями злодѣевъ назначены два байдака для безпревывныхъ разъѣздовъ по Кубани; а города и селенія, вблизи границы расположенныя, ограждены окопами, укрѣплены караулами и устроены на выѣздахъ бдительныя заставы.

Черкесы внимательно наблюдали наши дѣйствія и замѣтивъ такія распоряженія по границѣ, приняли съ своей стороны дѣятельнѣйшія мѣры къ отысканію удобства производить по прежнему свои злодѣйскія вторженія въ наши предѣлы; устроили разъѣзды и, раздѣлясь на многія шайки, подъ главнымъ начальствомъ измѣнника Явбука Гирея, стремились къ грабежамъ. Осторожность наша и военныя хитрости были внимательно замѣчаемы закубанцами; они ими пользовались и становились день ото дня хитрѣе и непримиримѣе.

Атаманъ Бурсакъ, видя, что мѣры, предпринимаемыя имъ къ удержанію гибельныхъ набѣговъ закубанцевъ, весьма не достаточны, рѣшился просить разрѣшенія сдѣлать противъ нихъ экспедицію и наказать злодѣевъ въ самыхъ ихъ жилищахъ. Государь императоръ, давъ соизволеніе на сіе предположеніе Бурсака, повелѣлъ генералу Михельсону привести оное въ исполненіе. Михельсонъ отрядилъ генералъ-маіора Драшкевича съ

14-мъ и 15-мъ егерскими полками и назначивъ его начальникомъ отряда, долженствовавшаго дѣйствовать за Кубанью, предписалъ Бурсаку присоединиться къ нему съ козаками и состоять въ полномъ его распоряженіи.

5-го іюня 1800 г. отрядъ нашъ переправился за Кубань. Бурсакъ съ конными козаками былъ командированъ впередъ и первый завязалъ дѣло съ черкесами, собравшимися, чтобы остановить наши дѣйствія. Подкрѣпляемый генераломъ Драшкевичемъ съ пѣхотой, онъ сбилъ непріятеля съ занятыхъ имъ крѣпкихъ позицій, смѣшалъ его, обратилъ въ бѣгство и преслѣдовалъ до самыхъ горъ. Отчаянное мужество черкесъ, къ защитѣ жилищъ своихъ употребленное, было безполезно. Отрядъ нашъ атаковалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, прогналъ въ ущелья горъ, зажегъ три аула владѣльцевъ Арсланъ Гирея и брата его Девлета, взялъ въ плѣнъ 20 человѣкъ, рогатаго скота 1500 штукъ, 4,000 овецъ, нѣсколько лошадей, множество разной домашней рухляди и благополучно возвратился въ свои предѣлы. Съ другой стороны въ тоже время капитанъ Когинякъ съ козаками былъ посланъ для наказанія самаго измѣнника Явбука Гирея. Онъ такъ же счастливо окончилъ экспедицію, на всѣхъ пунктахъ поразилъ злодѣйскія шайки, прогнавъ ихъ въ горы, и предавши огню аулъ султана Магмета, захватилъ въ ономъ 500 штукъ рогатаго скота, 2,000 овецъ и большое количество разныхъ вещей.

По возвращеніи обоихъ отрядовъ, общимъ совѣтомъ начальниковъ положено было всѣ вещи и рухлядь, взятыя въ аулахъ непріятельскихъ, продать съ публичнаго торгу. Вырученныя за оныя деньги до 2,000 руб. розданы въ поддержаніе козакамъ, лишившимся лошадей во время битвы, бѣднымъ вдовамъ, потерпѣвшимъ разореніе отъ хищниковъ и лишившихся въ сраженіяхъ мужей своихъ. Весь отбитой у черкесъ скотъ повелѣлъ государь императоръ раздѣлить войскамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи. Закубанцы, бывъ обезкуражены такимъ пораженіемъ, принуждены были искать мира и дружелюбія у черноморцевъ чрезъ посредничество анапскаго паши; возвратили

весь зарабленный ими разновременно скотъ, заплатили за всѣ похищенія, въ пограничныхъ нашихъ селеніяхъ сдѣланныя и обѣщали жить мирно въ своихъ границахъ, съ условіемъ, что бы и наши не дѣлали никакихъ покушеній на ихъ жилища.

Татары же, жившіе за Кубанью своими поселками, 25 августа пожелали перейти на нашу сторону и по высочайшему на то соизволенію поселены до 50 семействъ на сѣверовосточной косѣ Азовскаго моря; курѣнь ихъ названъ Аддою.

Октября 12 его величество повелѣлъ генералъ лейтенанту Киряеву быть присутствующимъ въ войсковой канцеляріи.

Въ началѣ 1801 года, при спокойствіи границы, черноморцы были обрадованы милостію императора Павла 1-го, высочайше утвердившаго грамоту вѣчно-блаженной памяти государыни Екатерины Великой во всей ея силѣ, данную войску сему при начальномъ основаніи онаго, слѣдующаго содержанія.

Божіею поспѣшествующею милостію мы Павелъ I-й императоръ и самодержецъ всеросійскій, московскій, кіевскій и проч.. и проч., и проч.

Вѣрнаго нашего черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску наше императорское милостивое слово.

Пріемля съ монаршимъ нашимъ благоволеніемъ службу вѣрноподданнаго намъ черноморскаго войска, видѣли мы съ особеннымъ удовольствіемъ нашимъ вѣрность, усердіе и отличную храбрость, оказанныя симъ войскомъ въ теченіе бывшей послѣдней войны съ Портою Оттаманскою, и нынѣ же съ таковою похвальною ревностію продолжающаго намъ службу свою, Мы, благоволительно желая изъявить войску сему Нашу Императорскую благопризнательность и милостиво оказать щедроты и возданіе за вѣрность и службу ихъ, жалуемъ и подтверждаемъ въ вѣчномъ владѣніи ихъ населяемый симъ войскомъ островъ Тамань во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые положены данною имъ въ 1792-мъ году іюня 30 грамотою и учиненнымъ отъ губернаторскаго начальства разграниченіемъ. Сію императорскую милость нашу распространяемъ мы на слѣдующихъ постановленіяхъ:

Первое. Всѣ состоящія на сей пожалованной имъ землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, да пребудутъ въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска черноморскаго, исключая только мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на тѣхъ земляхъ для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе. Войску черноморскому благоволительно ввѣряемъ бдѣніе и охраненіе пограничное отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

Третье. Всемилостивѣйше позволяемъ и подтверждаемъ войску черноморскому право пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ.

Четвертое. Войско черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніе чрезъ военное начальство, какъ объ устройствѣ сего войска, такъ и о нарядахъ на службу, которые обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію, свойственными вѣрноподданнымъ нашимъ; при томъ же правительство войсковое о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ проишествіяхъ, какія тамъ случаться могутъ, имѣетъ по часту доносить намъ, по гражданской же части быть въ вѣдѣніи нашего сената.

Пятое. Простирая монаршее наше попеченіе о благѣ вѣрнаго намъ черноморскаго койска, соизволяемъ, чтобъ и управленіе дѣлъ, до онаго относящихся, воспріяло лучшій образъ и для того всемилостивѣйше повелѣваемъ учредить въ немъ войсковую канцелярію на слѣдующемъ основаніи: 1-е въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска черноморскаго атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, каковыхъ мы заблагоразсудимъ назначить; 2) отъ сей канцеляріи зависитъ должное наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ благоустройства и правосудія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ; 3) учредить зависящія отъ той канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для гражданскихъ и тяжебныхъ, третью для казенныхъ, четвертую для межевыхъ, пятую для полиціи и шестую сыскное начальство, соотвѣтствующее земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ черноморскаго войска пристойному числу чиновъ; 4) экспедиціи сіи, производя дѣла, приговоры свои по онымъ должны вносить на утвержденіе войсковой канцеляріи и опредѣленной отъ насъ въ оную довѣренной

особѣ и доколѣ утверждены не будутъ, исполнять своихъ положеній не долженствуютъ; 5) войсковая канцелярія и подчинненыя ей экспедиціи какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ узаконеній всероссійской имперіи; 6) дѣла по гражданской части на апеляцію вносить въ сенатъ, а по военной относиться въ военную коллегію, сообразпо чему и уголовныя вносить на ревизію по роду ихъ и принадлежности до того или другаго правительства, но отсылая прежде приговоры свои на разсмотрѣніе довѣренной отъ насъ особѣ; 7) въ судейскія должности опредѣлять погодно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей; 8) канцелярію и ея экспедиціи снабдить и впредъ снабдѣвать по распоряженію войсковой канцеляріи канцелярскими служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго производства дѣлъ потребно; 9) для сохраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ на законномъ основаніи удовлетворенія всемилостивѣйше дозволяемъ при войсковой канцеляріи быть прокурору.

Шестое. Желая распространить торговлю и промыслы и въ черноморскомъ войскѣ и преподавать оному средства, всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ присвоенныя, всемилостивѣйше дозволяемъ каждому изъ сего войска съ позволенія войсковой канцеляріи записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній и согласно съ дарованными отъ насъ каждому состоянію преимуществами, свободно производить торги и промыслы, какъ во всей нашей имперіи, такъ и внѣ оной, для суда же и расправы записавшихся въ купечество и мѣщанство учреждать повсюды ратгаузы на томъ основаніи, какъ оные учреждены и содержатся во всѣхъ россійскихъ торговыхъ мѣстахъ, поступая въ порядкѣ переноса сихъ дѣлъ на апеляцію и ревизію по предъидущему пятому пункту.

Седъмое. Атаману съ войсковыми старшинами и присутствующими въ войсковой канцеляріи на жалованье, такъ же на употребляемые къ содержанію карауловъ отряды и на прочіе по войску нужные расходы предоставляемъ на всегда пользоваться отпускаемою изъ казны нашей денежною суммою по двадцати тысячъ рублей каждогодно.

Восьмое. Всемилостивѣйше дозволяемъ войску черноморскому, въ означеніе службы его престолу нашему, употреблять данныя имъ отъ насъ знамена, булавы, перначи и войсковую печать, каковая въ войскѣ нашемъ положена.

Впрочемъ мы надѣемся, что войско черноморское, ощущая монаршее наше о немъ попеченіе и покровительство, потщится навсегда не только имѣть бдительное сохраненіе границъ и отправлять съ ревностію и храбростію службу, каковыя на него отъ насъ возлагаются, но и всемѣрно продолжать будетъ стараніе о внутреннемъ благоустройствѣ, тишинѣ, трудолюбіи и распространеніи семейственнаго житія, и чрезъ то удостоится вящшаго нашего благоволенія и щедротъ.

Дано въ михайловскомъ замкѣ, мѣсяца февраля шестаго на десять дня, лѣта отъ рождества Христова тысяча восемъ сотъ перваго, царствованія нашего въ пятое лѣто; высшаго же магистерства нашего въ третье.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Графъ Ростопчинъ.

27 марта возвѣщено въ Екатеринодарѣ о возшествіи на всероссійскій престолъ всеавгустѣйшаго государя императора Александра I, а маія 23 высочайшимъ указомъ его величества повелѣно генералъ лейтенанту Киряеву, за присвоеніе не принадлежащей ему власти, не присутствовать въ войсковой канцеляріи и вмѣсто его назначенъ генералъ отъ инфантеріи Дашковъ.

1802 г. Неутомимая бдительность Бурсака къ сохраненію спокойствія границы, разъѣзды байдаками по Кубани и недремлемость кордонной стражи служили помѣхой открытымъ набѣгамъ закубанцевъ въ наши пограничныя селенія; они, питая вражду и давая притворное обѣщаніе жить мирно, умышляли въ тоже время новыя злодѣйства; главнѣйшимъ препятствіемъ ихъ предпріятіямъ они почитали разъѣзды по Кубани и вознамѣрились вредить байдакамъ: скрывая злое намѣреніе, терпѣли, выжидали удобнаго случая и не упустили имъ воспользоваться.

Въ это время войсковое правительство предписало артиллеріи хорунжему Венгеру на одномъ байдакѣ, состоявшемъ подъ командою прапорщика Жвачки, перевезть въ Екатеринодаръ хранившійся

въ Бугазѣ порохъ и свинецъ. Хорунжій Венгеръ, нагрузя на байдакъ 200 пудъ пороху и столько же свинцу и не предвидя никакой опасности, плылъ по теченію вверхъ по Кубани къ Екатеринодару. Черкесы, наблюдавшіе движеніе байдака, собравшись въ значительныхъ силахъ, внезапно напали на оный у Каракубанскаго острова. Тщетно мужественные защитники байдака, 2 офицера и 28 козаковъ, усиливались отбиться; злодѣи прозрѣли ихъ малочисленность, стремительнымъ нападеніемъ овладѣли байдакомъ, убили обоихъ офицеровъ и одинадцать козаковъ, съ прочими людьми, съ 3-хъ фунтовою пушкою, съ порохомъ и свинцомъ и другимъ имуществомъ, взяли оный въ плѣнъ.

Злодѣяніе сіе не оставлено безъ наказанія. Государь императоръ, получивъ объ ономъ донесеніе, повелѣлъ военному генералъ губернатору Михельсону требовать удовлетворенія отъ анапскаго паши и въ случаѣ отказа соизволилъ разрѣшить сдѣлать противъ закубанцевъ экспедицію и жестоко наказать ихъ. Присутствовавшій въ войсковой канцеляріи генералъ отъ инфантеріи Дашковъ сносился по сему случаю съ анапскимъ пашею, настоятельно требовалъ удовлетворенія всѣхъ убытковъ, понесенныхъ черноморцами отъ хищничества закубанцевъ; но паша отказался удовлетворять претензію, не предпринялъ никакихъ мѣръ къ укрощенію, и экспедиція назначена. 14 и 15 егерскіе полки изготовились; Бурсакъ, собравъ черноморцевъ конныхъ 2,275, пѣшихъ 3,858 человѣкъ и принявъ всѣ средства къ обезпеченію переправы чрезъ Кубань и продовольствія сихъ войскъ, поступилъ подъ начальство шефа 14 егерскаго полка полковника Штетера.

29 маія 1802 г. отрядъ переправился чрезъ Кубань при Ольгинскомъ посту. Полковникъ Штетеръ, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о жилищахъ злодѣевъ, участвовавшихъ въ отбитіи байдака, командировалъ впередъ Бурсака съ конными и пѣшими козаками, а самъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся въ слѣдъ за нимъ.

Бурсакъ, пройдя всю ночь, на разсвѣтѣ 30 числа приблизился тихо къ владѣніямъ князя Баджука и, приказавъ пѣшимъ не отставать, съ конницею кинулся въ аулы. Внезапное рѣшительное нападеніе сіе произведено съ успѣхомъ: черкесы, не ожидавшіе онаго, пришли въ чрезвычайное замѣшательство. Напрасно

300 полунагихъ наѣздниковъ старались защитить свои жилища и прикрыть бѣгство семействъ своихъ съ имуществомъ въ лѣса и горы. Бурсакъ мгновенно смялъ ихъ, истребивъ на мѣстѣ до 200 человѣкъ; онъ отрѣзалъ отъ лѣса бѣгущихъ и захватилъ въ плѣнъ самаго князя Баджука съ его семействомъ и другими владѣльцами обоего пола до 25 душъ, а узденей и прочихъ черкесъ съ семействами до 600 душъ; отбилъ рогатаго скота 1,158 штукъ, овецъ 2,500 и часть лошадей. При семъ же отнято изъ числа похищеннаго у насъ злодѣями пороху 30 пудъ, свинцу 70 пудъ и множество желѣза въ ломѣ изъ байдака. Уронъ съ нашей стороны былъ весьма маловаженъ: убито козаковъ 4, ранено старшинъ 2 и козаковъ 13.

Окончивъ такимъ образомъ экспедицію, отрядъ нашъ, отправясь на сію сторону, выдерживалъ карантинный терминъ при Ольгинскомъ посту, а плѣнные черкесы отправлены въ екатеринодарскую карантинную заставу.

Государь императоръ, усматривая изъ всеподданнѣйшихъ донесеній столь успѣшное дѣйствіе нашихъ войскъ противъ закубанцевъ, всемилостивѣйше благоволилъ наградить атамана Бурсака чиномъ полковника, а султана Али Шеретлу Оглу, вѣрно, съ особеннымъ самоотверженіемъ дѣйствовавшаго противъ своихъ единовѣрцевъ, въ подполковники; но и прочіе, оказавшіеся достойными, не лишены также высоко-монаршихъ милостей. Взятый скотъ, овецъ и лошадей повелѣно раздать войскамъ, бывшимъ въ дѣйствіи. Плѣнныхъ черкесъ предположено размѣнять на нашихъ, разновременно захваченныхъ злодѣями; въ послѣдствіи времени, по представленію военнаго губернатора Михельсона, всѣхъ оставшихся отъ размѣна плѣнныхъ закубанцевъ, позволено раздавать на поруки штабъ и оберъ-офицерамъ черноморскаго войска цѣлыми семействами, изъ коихъ нѣкоторыя, привыкнувъ къ образу жизни козаковъ, къ ихъ нравамъ и обычаямъ, пожелали на всегда остаться здѣсь, крестились и, вступивъ въ службу, были стражами нашей границы, храбрыми воинами.

1802 г. Государственная военная коллегія, разсматривая переданные въ оную всеподданнѣйшіе рапорты генерала отъ кавалеріи Михельсона и прежде присутствовавшаго въ войсковой канцеляріи генералъ-лейтенанта Киряева и, соображая съ свѣдѣніями,

собранными оною, о войскѣ черноморскихъ козаковъ, положила произвесть въ ономъ разныя перемѣны, и слѣдующее ея мнѣніе утверждено государемъ императоромъ.

1-е. Принявъ за основаніе количество состоящихъ нынѣ въ войскѣ черноморскомъ способныхъ къ службѣ чиновниковъ и козаковъ и уважая при томъ дарованное имъ по высочайшей грамотѣ дозволеніе записываться въ купцы и мѣщане, равно домашнія упражненія по возрождающемуся еще, такъ сказать, хозяйству и въ то же время исправленія внутренней службы по войску, имѣющему бдѣніе о сохраненіи границъ отъ злодѣйствующихъ сосѣдей, а не менѣе и возможность къ приведенію себя въ требуемое родомъ ихъ службы состояніе, которое достаточнымъ впредъ до усмотрѣнія быть почитается, положить нынѣ въ ономъ могущихъ въ случаѣ надобности употребиться на походную службу 10 конныхъ и 10 пѣшихъ пяти-сотныхъ полковъ, удѣляя изъ числа сихъ послѣднихъ для службы на судахъ и при артиллерійскихъ орудіяхъ, какъ сего надобность и обстоятельства потребуютъ.

2-е. Каждому полку состоять по примѣру донскаго, какъ конному, такъ и пѣшему, изъ одного полковника, 5-ти полковыхъ есауловъ, 5-ти сотниковъ, 5-ти хорунжихъ, 1-го квартермистра, 1 писаря и 483 козаковъ, всѣхъ чиновъ 501 человѣкъ, а по сему количеству полковъ опредѣлить и комплектъ штабъ и оберъ-офицеровъ и именно: полковниковъ 20, полковыхъ есауловъ 100, сотниковъ 100, хорунжихъ 100, квартермистровъ 20; изъ коихъ всѣ тѣ, которые не на походной службѣ обрѣтаться будутъ, равно и состоящіе нынѣ противъ сего числа сверхъкомплектными, употреблены быть могутъ на исправленіе внутренней по войску службы.

3-е. Чины имѣть войсковымъ старшинамъ и полковникамъ маіорскіе, полковымъ есауламъ ротмистрскіе, сотникамъ поручичьи, хорунжимъ корнетскіе, а квартермистрамъ равняться съ квартермистрами регулярныхъ войскъ.

4-е. Всѣхъ находящихся въ войскѣ, не имѣющихъ еще армейскихъ ранговъ, способныхъ и неспособныхъ чиновниковъ 350 человѣкъ, выключая выбывшихъ изъ того числа разными случаями, утвердить въ сообразность вышеизъявленному чинами оберъ офицерскими армейскими, оставляя имъ прежнее войсковое званіе; по-

ручиковъ въ войскѣ служащихъ всемилостивѣйше пожаловать полковыми есаулами, а подпоручиковъ сотниками, прапорщикамъ же остаться въ чинахъ хорунжихъ, имѣя предъ тѣми хорунжими, кои нынѣ въ чинахъ утвердятся, старшинство.

5-е. Объявленіе по сему чиновъ, въ которомъ черноморскаго войска чиновники утверждаются, сохраняя прежнія ихъ наименованія или производятся, препоручить инспектору войскъ, который бы, истребовавъ объ нихъ списки, предписалъ черноморской войсковой канцеляріи, кому именно какой чинъ объявить, и таковые же списки о всѣхъ утвержденныхъ въ чинахъ и о произведенныхъ изъ поручиковъ въ есаулы, а изъ подпоручиковъ въ сотники, равномѣрно какъ и вообще о всѣхъ чиновникахъ войска черноморскаго, всеподданнѣйше представить государю императору и въ государственную военную коллегію, дабы списочное ихъ состояніе, съ различіемъ способныхъ и неспособныхъ, приведено было въ довлѣемую извѣстность.

6-е. Что принадлежитъ до недостающаго числа, по количеству полковъ, полковниковъ, то за помѣщеніемъ на сіи вакансіи находящихся теперь въ войскѣ штабъ-офицеровъ, представить на достальныя мѣста къ произведенію изъ старшихъ, но достойныхъ и заслуженныхъ капитановъ и полковыхъ есауловъ, атаману и войсковой канцеляріи чрезъ инспектора государю императору.

7-е. Впредъ ни въ какіе офицерскіе чины по войску никому не производить; а о тѣхъ, кои слѣдовать будутъ къ произведенію, не иначе, какъ на вакансіи въ положенной выше комплектъ, по удостоенію атамана съ войсковою канцеляріею, всеподданнѣйше представить государю императору чрезъ инспектора, а въ военное время чрезъ командующаго генерала арміею или корпусомъ войскъ, гдѣ черноморскіе козачьи полки находиться будутъ, по удостоенію походнаго атамана или полковниковъ.

8-е. При таковыхъ представленіяхъ наблюдать не одно только старшинство, но способность къ службѣ и достоинство, а въ военное время наблюдать найпаче отличную храбрость и расторопность, въ дѣлѣ съ непріятелемъ оказанныя; тѣмъ не меньше однакожъ, когда въ представленіи офицеровъ къ повышенію кто изъ старшихъ за слабое исправленіе службы, неспособность или за какой либо порокъ обходимъ будетъ, тогда въ ономъ же представ-

леніи доносить, для чего именно не удостоивается; къ произведенію же сверхъ комплекта никому никогда не представлять.

9-е. На службу наряжать офицеровъ войсковому атаману обще съ войсковою канцеляріею по ихъ разсмотрѣнію изъ состоящихъ по спискамъ; но еслибы впредъ, когда войско черноморское въ состояніи будетъ больше выкомандировать на службу полковъ, нежели то число, для какого теперь въ комплектъ офицеровъ полагается, случился въ оныхъ недостатокъ; то опредѣлять тогда въ полки офицерами за урядъ изъ способныхъ и заслуживающихъ сію довѣренность урядниковъ, или по ихъ названію сотенныхъ есауловъ и козаковъ; и для того изъ сихъ за урядъ служащихъ, кои въ званіи и должности ихъ желаемую исправность и въ дѣлѣ съ непріятелемъ отличное мужество и расторопность окажутъ, преимущественно представлять на открывающіяся вакансіи къ производенію по порядку въ хорунжіе, а чрезъ чинъ никого отнюдъ не представлять, дабы прочіе, дѣйствительно въ офицерскихъ чинахъ вмѣстѣ служащіе, чрезъ то обиды чувствовать не могли.

10-е. Вообще при нарядахъ полковъ и командъ, офицеровъ и козаковъ на службу войсковому атаману и войсковой канцеляріи руководствоваться совершеннымъ безпристрастіемъ, наблюдая безобидное однихъ съ другими уравненіе и очередь, какъ того самый долгъ присяги требуетъ; за всякой же вопреки сему поступокъ неминуемо повинны да будутъ дать отвѣтъ.

11-е. Когда надобность и обстоятельства востребуютъ командировать изъ сего войска конные, или пѣшіе полки на службу внутръ имперіи, или за предѣлы оной, то съ того времени, когда они находиться будутъ далѣе ста верстъ отъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ полкъ собравшись весь выступилъ, получать по самое возвращеніе въ границы земель войска черноморскаго слѣдующее содержаніе: при конныхъ полкахъ штабъ и оберъ офицерамъ денежное жалованье съ денщичьимъ и раціонами по послѣдне состоявшемуся штату армейскихъ гусарскихъ полковъ, каждому по своему чину, полковому же писарю жалованья въ годъ по тридцати рублей и указанную дачу провіанта; коннымъ козакамъ денежнаго жалованья въ годъ по 12 рублей, а провіантъ противу солдатскихъ дачъ, и какъ писарю, такъ и козакамъ производить на зимніе мѣсяцы фуражъ, полагая по климатамъ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, каж-

дому на двѣ лошади, изъ коихъ на одну натурою, а на другую деньгами по цѣнамъ, за какія въ тѣхъ мѣстахъ фуражъ при покупкѣ его въ казну обходится. При пѣшихъ же полкахъ штабъ и оберъ офицерамъ жалованье съ денщичьимъ и раціонами по послѣдне состоявшемусь штату полевыхъ пѣхотныхъ полковъ, но денщиковъ въ натурѣ никому не давать, писарю такъ же въ годъ жалованья 30 рублей съ солдатскою дачею провіанта, козакамъ пѣшихъ полковъ равное же жалованье съ козаками конными, то есть въ годъ по 12 руб. и указную дачу противу рядоваго провіанта; а дабы они имѣли на чемъ поднять въ походѣ провіантъ и экипажъ свой, то, когда не на судахъ употреблены будутъ, производить на каждую сотню на десять лошадей фуражъ, овесъ и сѣно, натурою, или деньгами, по тѣмъ цѣнамъ, по коимъ онъ покупкою въ казну обходится, такъ же какъ выше сказано, по климатамъ. Сверхъ сего на лошадей подъ артиллерію и снаряды при сихъ полкахъ въ походѣ во время войны, быть имѣющіе, ограничивая число ихъ, полагаемыхъ на сіе употребленіе при прочихъ равныхъ калибровъ орудіяхъ, отпускать на зимніе мѣсяцы, по климатамъ же, фуражъ натурою, или деньгами, какъ выше сказано; и въ случаѣ когда сколько изъ оныхъ убито или отбито будетъ непріятелемъ, или же падетъ отъ форсированныхъ маршей, выдавать изъ казны за нихъ на узаконенномъ основаніи и порядкѣ деньги, по цѣнамъ, въ штатахъ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ подъемной лошади положеннымъ.

12-е. Когда въ случаѣ открытой войны войско сіе употребится къ дѣйствіямъ противу непріятеля, хотя бы они по положенію жилищъ своихъ по границѣ и близко отъ оныхъ отряжены были, то производить имъ равномѣрное вышеписанному содержаніе съ самаго того времени, какъ скоро они будутъ посажены на суда, пойдутъ отъ береговъ въ море, или выступятъ по сей же причинѣ съ сборныхъ мѣстъ за границу, не взирая на опредѣленное выше сего разстояніе, до возвращенія ихъ къ войсковымъ предѣламъ; не распространяется сіе однакожъ на употребляемыхъ для стражи по границѣ противу сопредѣльныхъ имъ хищныхъ народовъ, для частныхъ экспедицій, для репрессальевъ и наказанія злодѣевъ, въ пользу войсковыхъ жителей производимыхъ, и для разъѣздовъ около своихъ береговъ, принадлежащихъ къ кордонной ихъ стражѣ.

Указъ государственной военной коллегіи по сему предмету послѣдовалъ войсковой канцеляріи 18 ноября 1802-го года.

Войсковый атаманъ Бурсакъ обще съ войсковою канцеляріею, приведя въ точное исполненіе сіе мнѣніе государственной военной коллегіи 16 апрѣля 1803 г., занялся укомплектованіемъ двадцати пятисотныхъ полковъ и назначилъ командирами въ оные испытанныхъ штабъ-офицеровъ.

Въ сіе время послѣдовало исполненіе и прочихъ учрежденій по войсковому правленію, означенныхъ въ указѣ 26 марта 1802 года, правительствующимъ сенатомъ данномъ, а именно:

По войску черноморскому:

Первое. Составить войсковое правительство съ такимъ же числомъ присутствующихъ, какъ въ донскомъ войскѣ полагается, то есть: присутствовать въ оной, подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, двумъ членамъ непремѣннымъ и четыремъ ассесорамъ по выбору, смѣняя сихъ послѣднихъ чрезъ каждые три года; впрочемъ не возбранять въ званія сіи выбирать и опредѣлять такъ же изъ отставныхъ, которые, не будучи болѣе способны въ военную службу, могутъ, по пріобрѣтенной ими опытности, съ большею еще пользою быть судьями, но съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ воинскимъ зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ тамошняго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Второе. Затѣмъ присутствіе особаго генерала такъ же отмѣнить, оставя въ канцеляріи прокурора седьмаго класса, которому состоять въ вѣдомствѣ губернскаго прокурора.

Третье. По совершенно нездоровому мѣстоположенію г. Екатеринодара, войсковую канцелярію перевести въ Тамань, предоставляя однакожъ жителямъ Екатеринодара полную свободу оставаться на мѣстѣ, или по возможности, выгодѣ и удобности, такъ же переселиться въ Тамань.

Четвертое. Составленіе штата для войсковой канцеляріи препоручить генералу Дашкову, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ мнѣніе свое правительствующему сенату для внесенія къ Намъ на утвержденіе.

Но переводъ войсковой канцеляріи изъ Екатеринодара въ Тамань государемъ императоромъ высочайше отмѣненъ по просьбѣ войска, находившаго въ семъ перемѣщеніи большія неудобства, по причинѣ отдаленности Тамани отъ центра границы и отъ прочихъ селеній сей земли, равно и штатъ не утвержденъ.

Послѣ таковыхъ перемѣнъ въ устройствѣ войска всеавгустѣйшій императоръ Александръ I-й благоволилъ пожаловать оному всемилостивѣйшую грамоту слѣдующаго содержанія:

Божіею милостію мы Александръ первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Вѣрнаго нашего черноморскаго войска атаману, старшинамъ и всему войску наше императорское милостивое слово:

Во уваженіе на службу вѣрноподданнаго намъ черноморскаго войска, съ ревностію и усердіемъ продолжаемую, за благо признали мы симъ подтвердить пожалованныя ему въ 30 день іюня 1792 г. и въ 16 февраля 1801 года грамоты, съ нижеслѣдующими постановленіями.

Первое. Населяемый симъ войскомъ островъ Тамань да будетъ въ вѣчномъ и неотъемленномъ владѣніи онаго во всѣхъ тѣхъ предѣлахъ, которые по учиненному разграниченію ему предоставлены, и въ слѣдствіе того всѣ состоящія на сей землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, должны на всегда остаться въ точномъ и полномъ распоряженіи войска, исключая токмо мѣста для крѣпостей, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, кои на землѣ сей для безопасности построены быть имѣютъ.

Второе. Войску черноморскому ввѣряется по прежнему бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ. Мы надѣемся при семъ, что войско сіе, бывъ сильно отразить во всякое время сихъ непріятелей, не позволитъ себѣ принимать извнутри Россіи никакихъ людей подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства.

Третье. Всемилостивѣйше позволяемъ и утверждаемъ войску черноморскому право пользоватся свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на земляхъ войску принадлежащихъ. При сихъ даруемыхъ войску выгодахъ долженствуетъ оно всѣ по земству повинности, найпаче же содержаніе казармъ и отапливанеі

и освѣщеніе находящихся и впредь тамъ быть могущихъ армейскихъ полковъ, исправлять всегда безмолвно, какъ того общественная польза требуетъ.

Четвертое. Войско черноморское получаетъ отъ насъ повелѣніи чрезъ военное начальство, какъ объ устройствѣ онаго, такъ и о нарядахъ на службу, которыя и обязано исполнять съ точностію и поспѣшностію.

Пятое. Войсковому правительству быть на томъ точно основаніи, какъ въ указѣ нашемъ, въ 25 день февраля 1802 года изданномъ, постановлено: по дѣламъ войсковымъ должно оно зависѣть отъ инспектора крымской инспекціи, а по части гражданской состоять въ вѣдомствѣ таврическаго губернскаго начальства и особенно управляющаго губерніею.

Шестое. Всемилостивѣйше дозволяемъ и подтверждаемъ каждому изъ сего войска, съ вѣдома войсковаго начальства, записываться въ гильдіи и мѣщане, на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, для свободнаго отправленія торговъ и промысловъ, какъ во всей имперіи нашей, такъ и внѣ оной.

Седмое. Для учрежденныхъ въ войскѣ черноморскомъ, по указу отъ 13-го ноября 1802 года, двадцати полковъ, къ даннымъ отъ покойнаго родителя нашего, государя императора Павла Петровича, 14-ти знаменамъ, всемилостивѣйше жалуемъ и при семъ доставляемъ войску еще 6 знамень, подтверждая и употребленіе булавы, перначей и войсковой печати.

Въ прочемъ увѣрены мы, что войско наше черноморское, пользуясь подтвержденными ему нынѣ правами, по колику они могутъ быть съ общими государственными постановленіями согласны, не престанетъ съ обычною ему къ намъ ревностью продолжать быть навсегда храбрымъ и ревностнымъ къ службѣ, соблюдая внутреннее благоустройство и тишину, и распространеніемъ семейственнаго житія вящшее пріобрѣтая отъ насъ къ себѣ благоволеніе.

Дано въ Санкпетербургѣ маія тридесятъ перваго дня тысяча восемъ сотъ третьяго года.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ.

Государственный канцлеръ Александръ Воронцовъ.

Сентября 7-го государственная военная коллегія, по высочайшей волѣ, указомъ повелѣла въ пятисотные черноморскіе полки добавить еще по 50 козаковъ и установила имѣть чиновниковъ въ комплектѣ полно: полковника 1, есауловъ 5, сотниковъ 5, хорунжихъ 5, квартермистра 1, писаря 1 и урядниковъ 10, коимъ во время службы производить жалованье старшимъ 58 руб., а младшимъ 17 руб. ассигнаціями, и сіе положеніе распространено на всѣ иррегулярныя войска.

Кромѣ сего для наблюденія и объѣзда береговъ Чернаго моря, прилежащихъ къ сей землѣ, высочайше повелѣно адмиралу Мордвинову дать войску изъ Таганрога вновь выстроенныхъ десять лодокъ со всѣмъ вооруженіемъ; лодки сіи доставлены въ Бугазъ капитаномъ-лейтенантомъ де-Голетомъ. Старую-же гребную флотилію, состоявшую въ войскѣ, предписано было изломать и построить изъ оной нѣсколько байдаковъ для разъѣздовъ по Кубани и для перевозки провіанта козакамъ, на кордонной службѣ состоящимъ, что исполнено атаманомъ Бурсакомъ не прежде 30 апрѣля 1804 года.

Въ семъ-же 1803-мъ году, по представленію военнаго генералъ-губернатора Михельсона, посѣтившаго Черноморію. снята съ черноморцевъ повинность снабжать регулярныя войска, здѣсь квартировавшія, собственнымъ отапливаніемъ, ибо сія тягость, несенная козаками съ начала прибытія въ Черноморію тѣхъ полковъ, найдена не только обременительною, но даже совершенно разоряющею жителей, всегда находящихся на стражѣ границы опасной. И съ сего времени регулярныя войска, какъ употребляемыя для однихъ экспедицій, а потому свободныя отъ службы, заготовляли отапливаніе собственными средствами.

Генералъ Михельсонъ, бывши въ Черноморіи, обозрѣвалъ всѣ части устройства въ войскѣ, всѣ отрасли промышленности жителей и найдя во всемъ строгій порядокъ и благодѣтельное попеченіе войсковаго правительства о благосостояніи края, всеподданнѣйше доносилъ о томъ государю императору, который, въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 9 октября изъявивъ особенное монаршее благоволеніе къ отличному усердію войсковаго атамана

Бурсака, всемилостивѣйше наградилъ его орденомъ св. Анны 2 класса.

9-го сентября бдительные черноморцы замѣтили шайку закубанцевъ, напавшихъ на купеческое турецкое судно, сѣвшее на мель въ Бугазскомъ заливѣ, не вдалекѣ отъ нашего берега, бросились въ каюки и поспѣшими на помощь туркамъ; они сразились съ хищниками, обратили ихъ съ большимъ урономъ въ бѣгство и спасли судно. Анапскій паша въ благодарность за столь полезную помощь прислалъ въ подарокъ храброму начальнику спасителей судна, поручику Паливодѣ дорогую лисью шубу, пару пистолетовъ, оправленныхъ въ серебро и вызолоченныхъ, и отличное ружье, и вещи сіи съ дозволенія атамана Бурсака Паливода принялъ.

Въ теченіи 1803 года закубанцы, устрашенные сдѣланными противъ нихъ экспедиціями, показывая миролюбивое расположеніе къ Черноморіи, не тревожили границъ нашихъ. Но Бурсакъ не переставалъ наблюдать за ними, былъ остороженъ при всѣхъ переговорахъ съ владѣльцами разныхъ племенъ, ежедневно пріѣзжавшими на екатеринодарскую пристань и ласково принимая всѣ ихъ увѣренія въ дружелюбіи къ намъ, въ преданности ихъ Россіи, посредствомъ вѣрнаго помощника своего султана Али. перешедшаго изъ-за Кубани въ Россію еще въ 1799 году и облагодѣтельствованнаго правительствомъ возвышеніемъ въ чинъ подполковника, внимательно старался разгадывать ихъ скрытные коварные замыслы.

Такая благоразумная осторожность, всегда необходимая противу хитрыхъ хищниковъ, не скрылась отъ ихъ проницательности. Они, желая отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, тогда же оставили набѣги свои на Черноморію и толпами многочисленными обратились къ кавказской линіи. Тамъ начальствовалъ въ то время генералъ-лейтенантъ Глазенапъ. Онъ съ малочисленными своими войсками не могъ ни отражать набѣговъ непріятеля, ни наказывать его и черкесы безпрепятственно свирѣпствовали на линіи. Въ короткое время они успѣли нанести величайшій вредъ тамошнимъ обитателямъ, угнали въ горы

большую часть ногайцевъ, издавна подданныхъ Россіи, жившихъ вблизи границъ. Генералъ Глазенапъ вынужденнымъ нашелся требовать въ подкрѣпленіе своихъ войскъ нѣсколько донскихъ козачьихъ полковъ. а между тѣмъ, сообщая Бурсаку о столь сильной опасности кавказской кордонной линіи, предлагалъ ему, для отвлеченія отъ оной нападенія горцевъ, сдѣлать диверсію за Кубань съ черноморскими полками.

Атаманъ Бурсакъ, имѣя высочайшее повелѣніе государя императора не производить дѣйствій за Кубанью, не могъ безъ разрѣшенія начальствовавшаго въ Крыму генерала отъ инфантеріи Розенберга исполнить предложеніе Глазенапа; представя же о томъ, получилъ предписаніе блюсти спокойствіе одной своей границы. Но еще до полученія Бурсакомъ сего разрѣшенія донскіе полки прибыли на линію и набѣги черкесъ умалились. Главнѣйшія скопища злодѣевъ совершенно разсѣялись, остались только небольшія шайки, чтобы тревожить кордоны: прочіе же, переселясь къ сапсугамъ, при наступленіи зимы, въ генварѣ 1804 года открыли дѣйствія противу Черноморіи.

1804 г. съ генваря по іюль мѣсяцъ непріятели значительными толпами нападали на границы наши; кордонная стража употребляла всѣ усилія къ отраженію, но не всегда имѣла въ томъ успѣхъ. При случившихся въ это время жаркихъ перестрѣлкахъ, злодѣи убили двухъ офицеровъ, козаковъ 22, захватили въ плѣнъ жителей обоего пола 10 человѣкъ и угнали разнаго скота до 100 штукъ.

Атаманъ Бурсакъ, желая отмстить хищникамъ за такіе разбои, испрашивалъ у генерала Розенберга разрѣшенія сдѣлать экспедицію. Государь императоръ, по представленію о томъ Розенберга, высочайше повелѣть соизволилъ наказать закубанцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказано генералу Глазенапу въ одно время съ Бурсакомъ дѣйствовать противъ нихъ отъ стороны кавказской линіи. Вскорѣ 10 черноморскихъ полковъ подъ начальствомъ самаго Бурсака и баталіонъ 12 егерскаго полка съ полковникомъ Сабанѣевымъ выступили за Кубань. Генералъ-лейтенантъ Глазенапъ тогда-же открылъ свои дѣйствія.

Между тѣмъ, какъ Глазенапъ двумя отрядами стремился наказать племя бесленеевское, обитавшее по рѣкамъ Урупѣ, Тагакѣ, большомъ и маломъ Зеленчугахъ, Бурсакъ, раздѣливъ свои войска на три колонны, третьяго декабря перешелъ рѣки Шепшь и Афипсъ и разными направленіями вторгнулся во владѣнія сапсуговъ. Нападенія его на аулы были быстры, рѣшительны; отчаянное сопротивленіе черкесъ не могло остановить ихъ. Мужественные козаки жестоко мстили хищникамъ за ихъ коварства и за смерть своихъ товарищей, павшихъ при защитѣ границы. Убійства продолжались по 14-е число; разоривъ до основанія со всѣми продовольственными заготовленіями нѣсколько ауловъ, въ коихъ заключалось болѣе тысячи домовъ, отрядъ возвратился къ Кубани. Уронъ непріятеля былъ значителенъ: взято въ плѣнъ четыре наѣздника, убито обоего пола до 700 душъ, ранено 1,000 человѣкъ, лошадей убито 200, рогатаго скота угнано до 2,000 и овецъ 3,000, значительное имущество, найденное въ аулахъ, взято нашими войсками. Потеря съ нашей стороны была: убитыхъ оберъ-офицеровъ 3 и козаковъ 60, раненныхъ 40 человѣкъ.

Государь императоръ за столь удачную экспедицію противу горцевъ удостоилъ высочайшаго благоволенія своего атамана Бурсака и монаршими милостями повелѣлъ наградить отличнѣйшихъ и храбрыхъ его сподвижниковъ.

Миролюбивыя прибрежныя племена закубанскія, искренно радуясь гибели ненавистныхъ для нихъ сапсуговъ, прислали въ Екатеринодаръ своихъ мурзъ и дворянъ благодарить Бурсака и раздѣлить вмѣстѣ съ нашими воинами радость счастливой побѣды.

Взятый въ добычу у сапсуговъ скотъ Бурсакъ приказалъ разѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна тогда же поступила на войска, участвовавшія въ экспедиціи, а другая роздана бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, болѣе потерпѣвшимъ при набѣгахъ закубанцевъ, и въ пользу госпиталей и лазаретовъ.

1805 года Черноморія отдохнула отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей и жители ревностно занимались домашнимъ благоустройствомъ, вспомоществуемые попеченіями войсковаго правительства.

Самые злѣйшіе наши непріятели сапсуги, бывъ жестоко наказаны за свои злодѣянія, чрезъ посредство анапскаго паши, просили въ это время мира и клялись не тревожить нашей границы, если непріязненныя противъ нихъ дѣйствія будутъ прекращены. Атаманъ Бурсакъ не только обѣщалъ имъ не разорять ихъ владѣній, но даже рѣшился позволить имъ по прежнему вести торговыя сношенія съ Черноморіею на мѣновыхъ дворахъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они возвратили нашихъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Они согласились на сіе условіе и въ скоромъ времени привели на екатеринодарскій мѣновый дворъ двухъ дезертировъ и 12 человѣкъ плѣнныхъ разнаго званія. Ревностная и полезная служба государству атамана Бурсака удостоилась особеннаго высочайшаго вниманія государя императора и въ семъ году при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ его величества онъ имѣлъ счастье получить орденъ св. Анны 2-го класса, алмазами украшенный.

1806 г. Въ маіѣ мѣсяцѣ 1806 года владѣлецъ племени пшедуховъ Батъ-мурза, бывшій въ покорности Россіи съ 1801 года, вздумалъ возмущать какъ своихъ подданныхъ, такъ и другихъ сосѣдственныхъ ему владѣльцевъ къ возобновленію набѣговъ на Черноморію. Причиной этому былъ ложный слухъ, распространившійся между горцами, будто бы съ нашей границы откомандированы всѣ войска противу французовъ и мы совершенно уже безсильны отражать ихъ нападенія. Но таковое заблужденіе горцевъ было кратковременно, и хотя при двухъ удачныхъ набѣгахъ они успѣли угнать съ нашей стороны 60 лошадей и 7 воловъ, однакожъ увидя, что за сіе воровство Бурсакъ началъ сильно готовиться наказать ихъ, они тотъ часъ возвратили всѣхъ лошадей и воловъ и присягой обязались не дѣлать болѣе никакихъ враждебныхъ покушеній. Батъ-мурза тогда же раскаялся и присягнулъ въ вѣрности.

Такимъ образомъ спокойствіе въ войскѣ снова водворилось. Государь императоръ, по засвидѣтельствованіи Дюка-де-Ришелье за отличной порядокъ во всѣхъ отросляхъ управленія, найденный имъ при вступленіи своемъ въ начальствованіе симъ

краемъ и благоустройство войска сего, въ высочайшемъ рескриптѣ своемъ удостоилъ монаршего благоволенія атамана Бурсака и въ тоже время соизволилъ всемилостивѣйше наградить золотыми часами его помощниковъ: непремѣнныхъ членовъ войсковой канцеляріи—подполковниковъ Чепѣгу и Кордовскаго, ассесоровъ войсковыхъ—полковниковъ Гелдыша, Вараву и Волкорѣза и секретаря есаула Мудраго.

Стараніями Бурсака въ семъ году учреждено въ Екатеринодарѣ войсковое училище, съ одобренія попечителя императорскаго харьковскаго университета, тайнаго совѣтника, графа Потоцкаго. Смотрителемъ онаго назначенъ войсковой протоіерей Кириллъ Россинскій, умный, ревностный помощникъ атамана въ развитіи въ семъ краѣ просвѣщенія.

26 ноября генералъ лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье, выступя изъ Одессы со своею дивизіею въ компанію противу французовъ, поручилъ генералъ лейтенанту Пустошкину требовать изъ Черноморіи 2 конные полки въ Крымъ для занятія разъѣздовъ по берегамъ Черпаго моря. По измѣнившимся въ послѣдствіи обстоятельствамъ Пустошкинъ предписалъ Бурсаку командировать туда одинъ только полкъ, который, съ войсковымъ полковникомъ Ляхомъ, прибылъ въ Карасубазаръ 6 февраля 1807 года, гдѣ и находился по ноябрь мѣсяцъ, а послѣ былъ обращенъ въ войско.

1806 годъ, кромѣ сего, ознаменованъ переселеніемъ въ Россію изъ-за Кубани, по высочайшему повелѣнію, татаръ, изъ коихъ одна часть пошла на жительство въ Крымъ, а другая поселена въ предѣлахъ Черноморіи, таманской округи, на сѣверовосточной косѣ Азовскаго моря. Черкесы же, пожелавшіе перейти къ намъ, помѣщены въ екатеринодарскомъ округѣ при куренѣ Гривинскомъ на рѣчкѣ Ангиликѣ; они въ послѣдствіи времени, желая вѣрно служить Россіи, добровольно поступали въ черноморскіе полки и, раздѣляя съ козаками по братски всѣ труды и опасности, съ одинаковымъ усердіемъ охраняли наши границы отъ набѣговъ своихъ единовѣрцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ I. Одесса. 1886 г.

Не такъ давно то время, когда подъ именемъ археолога разумѣли у насъ собирателя-антиквара, а на самую археологію смотрѣли, какъ на особаго рода чудачество, безвредное, но непростительное для человѣка, обладающаго всѣми своими способностями. Предубѣжденіе противъ археологіи коренилось въ той изолированности и частичности, которыми отличались у насъ занятія этою отраслью историческихъ знаній до учрежденія археологическихъ обществъ, а потомъ періодическихъ съѣздовъ въ разныхъ городахъ Россіи. Разрозненныя дотолѣ усилія и труды отдѣльныхъ лицъ при посредствѣ обществъ и съѣздовъ вошли во взаимныя соотношенія, а оттого мѣстные вопросы и интересы получили обще-научную почву и болѣе широкое обоснованіе. Въ обобщеніи и популяризаціи археологическихъ данныхъ особенно важное значеніе имѣли археологическіе съѣзды, привлекавшіе многочисленныхъ ученыхъ со всѣхъ концовъ Россіи, сближавшіе ихъ путемъ личнаго знакомства и совмѣстнаго обсужденія вопросовъ общихъ для нихъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ выводившіе на широкую дорогу знанія работниковъ туземныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ обязанныхъ сидѣть на корню.

Съ этой точки зрѣнія мы и должны рассматривать труды послѣдняго по времени одесскаго съѣзда, первый томъ которыхъ такъ скоро сравнительно вышелъ изъ печати.

Изданіе это посвящено памяти устроителя съѣздовъ гр. А. С. Уварова и открывается портретомъ и обстоятельной біографіей его, составленной Д. Н. Анучинымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ матеріалы для исторіи съѣзда и характеристика бывшей при немъ выставки, изъ предметовъ которой выдѣлены: славянское четвероевангеліе XV—XVI в. изъ елисаветградской покровской единовѣрческой церкви, украшенное множеттвомъ драгоцѣнныхъ миніатюръ, и бронзовая ручка съ древней вазы VI или V вв. до Р. Х., найденной въ курганѣ близь с. Мартоноши елисаветгр. уѣзда. Далѣе слѣдуетъ черезчуръ, быть можетъ, коротенькая «замѣтка» объ экскурсіи, состоявшейся послѣ съѣзда и имѣвшей цѣлью осмотръ Севастополя, развалинъ Херсонеса и пещерныхъ городовъ Крыма.

Послѣ этой вводной части помѣщено 18 рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ; въ первый томъ вошли статьи почти исключительно пріѣзжихъ археологовъ и большая часть посвящена древностямъ первобытнымъ. Нѣкоторые рефераты появились въ печати въ болѣе полномъ видѣ и тщательнѣе отдѣланными, а нѣкоторые трудно и узнать.

Болѣе къ антропологіи, чѣмъ къ археологіи, относится стоящее на первомъ мѣстѣ изслѣдованіе Д. Н. Анучина по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, представляющее результатъ краніологическихъ и остеологическихъ измѣреній немногихъ извѣстныхъ, завѣдомо-древнихъ скелетовъ животныхъ. Въ концѣ своего труда авторъ обращается съ просьбой хранить и доставлять ему кости животныхъ, вырытыя изъ древнихъ могилъ.

Его-же рефератъ «О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Сибири» посвященъ каменнымъ орудіямъ, представляющимъ изображеніе рыбъ. Подобные имъ предметы находимы были и въ сѣверной Америкѣ. Выводъ тотъ, что доисторическія культуры Сибири и сѣверной Америки находились въ общеніи и что американская оказывала вліяніе на сибирскую.

Г. О. Оссовскій въ «Опытѣ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи», указывая на малопримѣнимость для Россіи такой классификаціи, установленной французскими учеными, предлагаетъ свою, на основаніи данныхъ, полученныхъ раскопками пещеръ въ кѣлецкой губерніи и въ окрестностяхъ Кракова. Полагаемъ, что съ классификаціей г. Оссовскаго по мѣстнымъ признакамъ и съ мѣстными топографическими обозначеніями можетъ случиться такая-же бѣда, при болѣе широкомъ примѣненіи, какая случилась съ французскою.

Кн. П. А. Путятинъ, въ статьѣ объ «орнаментаціи древняго гончарства», сближая ее съ рѣзами на «биркахъ», ставитъ вопросъ о происхожденіи алфавита изъ цифровыхъ знаковъ.

Трудъ В. Б. Антоновича «о скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губ.» богатъ столько-же мѣстнымъ, сколько и об-

щимъ интересомъ. Имъ изслѣдованы пещеры у Нѣчина, у Кривчика, у Нагорянъ и во многихъ изъ нихъ найдены и изучены издѣлія каменнаго вѣка; для исторіи-же собственно русской народности важнѣе открытіе у с. Бужи замѣчательнаго горельефа, изображающаго человѣческую фигуру, по типу выполненія похожую на «каменную бабу», стоящую на колѣняхъ и держащую въ рукахъ чашу, какъ-бы совершая возліяніе предъ изображеніемъ пѣтуха, помѣщеннымъ на деревѣ; позади фигуры находится изображеніе оленя, по видимому не живого, а скульптурнаго, потому что подъ ногами его представленъ пьедесталъ. На основаніи миѳологическихъ сближеній и историко-художественныхъ данныхъ, горельефъ этотъ относится къ до-христіанской эпохѣ и изображаетъ сцену изъ славянскаго языческаго культа.

Чрезвычайной тщательностью отличается почтенный по результатамъ трудъ начинающаго археолога, Е. Н. Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи». До послѣдняго времени мегалиты были найдены въ разныхъ мѣстностяхъ Азіи, Африки, западной Европы, также въ Крыму и на Кавказѣ, но территорія собственно Россіи и центральной Европы представляла бѣлое пятно на картѣ мегалитическихъ памятниковъ. Между тѣмъ, если держаться теоріи переселенія изъ Азіи народовъ, принесшихъ въ Европу культуру неолитическаго періода, то указанный пробѣлъ представляется болѣе, чѣмъ страннымъ. Г-жа Мельникъ первая констатировала и изучила на югѣ Россіи двѣ группы мегалитическихъ памятниковъ. Одна группа открыта въ александрійскомъ уѣздѣ херсон. губ., въ системѣ р. Ингульца, гдѣ найдено нѣсколько дольменовъ разныхъ типовъ, извѣстныхъ въ европейской археологіи подъ названіями трилитовъ, ментровъ, кромлеховъ и двойныхъ дольменовъ, кромѣ одного, представляющаго экземпляръ, въ наукѣ не имѣющій аналогіи. Особенность александрійскихъ дольменовъ та, что они поставлены на твердой скальной поверхности и потому не могли служить надгробіями, подобно другимъ, ранѣе изслѣдованнымъ. Другая группа мегалитовъ найдена въ бассейнѣ Днѣстра, въ подольской губерніи, и представляетъ рядъ такъ называемыхъ чашечныхъ камней и изображеній на скалахъ. Изображенія эти суть своего рода іероглифы, и настанетъ и для нихъ, можетъ быть, время, когда будутъ читать ихъ, подобно египетскимъ; въ настоящее-же время слѣдуетъ благодарить г-жу Мельникъ и за ту попытку классификаціи знаковъ изображеній и за тѣ сближенія и аналогіи, которыя сдѣланы ею.

Весьма важенъ для южно-русскаго археолога, столько-же, какъ и для каждаго археолога вообще, рефератъ А. Ѳ. Лихачева «Скиѳскіе эле-

менты въ чудскихъ древностяхъ казанской губерніи». Извѣстно, что терминъ «чудскія» древности, примѣняемый преимущественно къ нѣкоторымъ археологическимъ памятникамъ Сибири, не имѣетъ смысла этнографическаго, т. е. не обозначаетъ принадлежности ихъ народу чуди или финнамъ. Извѣстно также, что и вопросъ о народности геродотовыхъ скиѳовъ и другихъ, одновременныхъ съ ними, обитателей Россіи вопросъ доселѣ темный. Ученый референтъ дѣлаетъ въ высшей степени интересныя сближенія древностей казанской губерніи съ древностями скиѳскими съ одной стороны и сибирскими съ другой, что приводитъ его къ заключенію о существованіи сношеній у пріуральскихъ народовъ съ черноморскими скиѳами. „Если эти факты, говоритъ г. Лихачевъ, нельзя относить ко временамъ Геродота, то все таки они могутъ восходить къ первымъ вѣкамъ христіанской эры и служить доказательствомъ сношеній пріуральскихъ народовъ съ Киммерійскимъ Воспоромъ, вѣроятно, ранѣе 375 года, когда гунны, вторгнувшись въ предѣлы Воспорскаго царства, совершенно его уничтожили".

Докладъ Д. Я. Самоквасова «Могильныя древности александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи» предлагаетъ фактическое изложеніе обильныхъ раскопокъ, произведенныхъ имъ ниже днѣпровскихъ пороговъ, надъ р. Конкою. Изслѣдованныя могилы референтъ дѣлитъ на четыре типа: 1) древнѣйшія могилы характеризуются „утробнымъ положеніемъ покойника и могильною обстановкою, состоящею только изъ предметовъ глиняныхъ, каменныхъ, костяныхъ, мѣдныхъ и различнаго цвѣта красокъ"; 2) могилы эпохи скиѳской; 3) могилы съ остатками трупосожженія съ обстановкой, которую впервые встрѣтилъ въ своей практикѣ г. Самоквасовъ, относимыя имъ къ эпохѣ промежуточной между скиѳскою и славянскою, или, употребляя его выраженіе, „ко времени господства сарматовъ въ области Приднѣпровья"; 4) могилы, эпоха которыхъ опредѣляется точно двумя монетами, найденными въ нихъ и относимыми ко времени золото-ордынскихъ хановъ Узбека и Джанибека.

Небольшой рефератъ Н. А. Бранденбурга посвященъ спеціальному вопросу о фибулахъ, находимыхъ въ могилахъ сѣверной Россіи. Референтъ относитъ нѣкоторыя изъ фибулъ къ предметамъ туземнаго производства, признавая скандинавское вліяніе.

Р. А. Прендель, отправленный предварительнымъ комитетомъ съѣзда на о. Березань, на розыски доисторическихъ памятниковъ древностей, таковыхъ не нашелъ, и докладъ его представляетъ скорѣе дѣловой отчетъ, чѣмъ научное изслѣдованіе.

Гр. А. А. Бобринскій представилъ докладъ „О курганахъ близь м. Смѣла кіевской губерніи по раскопкамъ 1881—1884 г.». Авторъ относитъ обслѣдованные имъ 16 кургановъ къ тремъ эпохамъ: 1) каменный вѣкъ, съ признаками, аналогичными съ обстановкой могилъ перваго типа, изслѣдованныхъ г. Самоквасовымъ, 2) бронзовый вѣкъ и 3) вѣкъ желѣзный. Изслѣдованіе отличается осторожностью, тщательностію и разносторонностью; обращено вниманіе на кости людскія и принадлежащія животнымъ.

Рефератъ Д. Н. Анучина «О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей» отличается, какъ и всѣ впрочемъ труды почтеннаго профессора, широкой начитанностью, точнымъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ научныхъ фактовъ и ясностью формулировки заключеній. Референтъ имѣлъ въ виду, во первыхъ, мечъ, найденный на Кавказѣ, сближаемый имъ съ микенскимъ, въ предположеніи, что первообразъ такихъ мечей слѣдуетъ искать въ сходныхъ формахъ бронзовыхъ мечей, употреблявшихся въ передней Азіи; затѣмъ останавливается на мечахъ скиѳскихъ, одинъ типъ которыхъ сближаетъ съ мѣдными кинжалами Сибири, не находя для него никакихъ другихъ аналогій ни въ Западной Европѣ, ни въ могилахъ славянской эпохи. Мечи славянской эпохи, попадающіеся рѣдко, а на сѣверѣ Россіи не попадающіеся совсѣмъ, напоминаютъ формы, по замѣчанію г. Анучина, западно-европейскихъ мечей; дѣлая такое сближеніе, референтъ прослѣживаетъ формы мечей на Западѣ и потомъ переходитъ къ саблѣ, которая скоро вытѣснила мечи въ Россіи и была заимствована, повидимому, у хазаръ, печенѣговъ, татаръ и другихъ восточныхъ народовъ.

В. В. Сусловъ, читавшій на съѣздѣ интереснѣйшій рефератъ о древнихъ деревянныхъ колокольняхъ, напечаталъ въ „Трудахъ“ собственно другой рефератъ: «О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи“, въ которомъ планъ перваго реферата расширенъ, отъ чего собственно колокольни много потеряли.

Далѣе слѣдуютъ небольшія сообщенія: гр. И. И. Толстаго „О знамени первыхъ нашихъ христіанскихъ великихъ князей“ по монетамъ Владиміра, Святополка и Ярослава, и Ю. Б. Иверсена „О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ“; въ послѣднемъ выдѣлены вновь открытыя монеты суздальскихъ князей.

Изслѣдованіе Г. А. Воскресенскаго «Характеристическія черты древнихъ редакцій славянскаго перевода Евангелія, по рукописямъ XI—XV вв.» имѣетъ цѣлью, путемъ сличенія древнихъ текстовъ, открыть первоначальный текстъ славянскаго перевода Евангелія, какъ извѣстно, не дошедшій до насъ.

Небольшое сообщеніе I. I. Первольфа имѣетъ предметомъ «Червоно-русскій переводъ Вислицкаго статута». Вслѣдъ за присоединеніемъ Червоной и Подольской Руси къ Польшѣ въ XIV в., стали вводиться тамъ польскіе порядки и польское право; послѣднее вводилось въ томъ видѣ, какъ оно было введено Казиміромъ въ Вислицѣ, на латинскомъ языкѣ, который вытѣснялъ русскій языкъ изъ публичной жизни; но это происходило медленно и потому явился русскій переводъ Вислицкаго статута, въ которомъ польскіе порядки явились въ русской одеждѣ. Одна рукопись этого перевода хранится въ Румянцевскомъ музеѣ и издана, другая находилась до 1827 г. въ Супрасльскомъ монастырѣ, входя въ составъ сборника разныхъ статей, была описана и издана въ отрывкахъ и неисправно, а потомъ исчезла. «Если найдется эта Супрасльская рукопись, говоритъ референтъ, можно будетъ на разные вопросы отвѣтить болѣе положительнымъ образомъ».

Въ зачлюченіе—курьезъ. Въ концѣ книги помѣщенъ рефератъ И А. Износкова, подъ заглавіемъ: «Можно-ли по одинаковымъ названіямъ населенныхъ мѣстъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, судить о колонизаціи этихъ частей?». Какой вопросъ! Конечно, можно, и не только можно, но и должно, и не по названіямъ населенныхъ мѣстъ только, но всѣхъ вообще урочищъ; мало того, мысль эта давно служитъ общимъ мѣстомъ въ историческихъ работахъ. Но г. Износковъ дѣлаетъ свой особый вкладъ: онъ открылъ для всероссійской науки..... профессора казанской духовной академіи Некрасова и половину своего жидкаго сообщенія занялъ подробнымъ изложеніемъ его замѣчательной рѣчи о направленіи движенія славянъ по отношенію къ Черному морю,—рѣчи, произнесенной еще 8 ноября 1879 г. на актѣ въ этой академіи. Познакомимъ читателей вкратцѣ съ прелестями «филологической» аргументаціи казанскаго профессора. Возьмемъ мѣсто изъ начала рѣчи: «изъ городовъ древней Колхиды извѣстны *Эа* и *Фазисъ*: изъ рѣкъ также Фазисъ. Городъ и рѣка Фазисъ будутъ означать: честь, слава, это тоже, что древнее (?) *ван*—чтить, хвалить, а также *ванд*, откуда древнее названіе славянъ—венеты, анты, винды. *Эа*—нашъ Землянскъ или Землячевъ (воронежской губ.)». Изъ середины: „Названіе Кій—стародавнее; городъ Брусса,..... получившій свое названіе отъ древней Прузы или Пруссіады, сама (самъ?) еще древнѣе называлась (—лся) Кій; также называлась и рѣка, при которой стоялъ городъ, а заливъ, въ который впадала эта рѣка, назывался *κιανός* (по нашему *Кіевскій*)».... и т. д. Изъ конца: въ орловской губерніи есть городъ Кромы; г. Некрасовъ, производя это названіе отъ слова *кромъ* (закромъ) въ древнемъ смыслѣ мыса, косы, говоритъ: «такого-же происхожденія наз-

ванія греческаго города Кромы, о которомъ упоминаетъ Павзаній въ перечисленіи городовъ Аркадіи, и древняго венетскаго города Кромна, о которомъ упоминаетъ Гомеръ". Названіе города Коломна, по мнѣнію г. Некрасова, «есть тоже, что Гомеровская Кромна».... и т. д. въ томъ же родѣ. И къ такой филологической эквилибристикѣ благоговѣйный референтъ относится только, какъ къ смѣлой попыткѣ! Плохая услуга и г-ну Некрасову, и наукѣ!

Съ внѣшней стороны «Труды» изданы отлично, изобилуютъ прекрасными фототипіями и рисунками въ текстѣ. Слѣдуетъ только пожалѣть, что къ рефератамъ проф. Самоквасова и гр. Бобринскаго не приложено ни одного листа рисунковъ (тогда какъ, напр., сообщеніе г. Оссовскаго преизбыточествуетъ ими), а буквенныя обозначенія на рисункахъ въ рефератѣ г-жи Мельникъ не всегда соотвѣтствуютъ тексту.

В. Ястребовъ.

Екатеринославское блуканіе (1777—1791). Александра Егорова. Екатеринославъ. 1887 г.

Брошюрка эта недавно появилась въ екатеринославскихъ книжныхъ магазинахъ и невольно вызываетъ на то, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Не велика эта брошюра, всего въ 20 страницъ, но далеко не лишена интереса, по крайней мѣрѣ мѣстнаго. Названіе ея точно выражаетъ и ея содержаніе; она излагаетъ вкратцѣ исторію передвиженія гор. Екатеринослава съ одного мѣста на другое прежде, нежели онъ прикрѣпленъ былъ къ нынѣшнему своему мѣсту положенія, по волѣ свѣтлѣйшаго кн. Потемкина. Исторія эта извѣстна, но воспоминаніе о ней въ живомъ изложеніи и ко дню празднованія столѣтія основанія города далеко не лишнее. Память о старинѣ такъ легко у насъ изглаживается, а изданій, способствующихъ воскрешенію и поддержанію воспоминаній о старинѣ, о предкахъ, такъ мало у насъ вообще, что нельзя не благодарить за всякое въ этомъ родѣ даяніе. Помимо этого, мы привѣтствуемъ брошюру г. Егорова и какъ весеннюю ласточку, обѣщающую намъ, быть можетъ, повлечь за собою, если и не обиліе, то хоть нѣсколько мѣстныхъ изданій въ нынѣшнемъ знаменательномъ для насъ годѣ. Объ изданіи историческаго очерка г. Екатеринослава городскою думою и особо «переписи» населенія нашего города, въ видѣ систематически-обработаннаго сборника, уже объявлено и постановлено екатеринославскою городскою думой.

Авось, и статистическій нашъ комитетъ, безмолвствующій уже многіе годы, подаритъ насъ «Памитною книжкою», хоть подобною изданной имъ на 1875 г., или, еще лучше, подобною двумъ «памятнымъ книжкамъ», изданнымъ имъ на 1867 г. и составляющимъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

Разсказывая просто, но обстоятельно о всѣхъ перипетіяхъ въ строительствѣ и самомъ названіи г. Екатеринослава, пока наконецъ съ декабря 1802 г., по повелѣнію императора Александра I, онъ не былъ окончательно оставленъ на нынѣшнемъ мѣстѣ и съ нынѣшнимъ своимъ именемъ, авторъ брошюры приводитъ воспоминанія и о нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ «засельниковъ» мѣстности, нынѣ занимаемой Екатеринославомъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ имя полковаго эсаула Лазаря Глобы, знаменитаго садовода того времени, оставившаго городу въ наслѣдство два превосходныхъ сада, извѣстныхъ подъ именами «Потемкинскаго», на горѣ, возлѣ бывшаго дворца Потемкина, и «Городскаго», внизу, недалеко отъ вокзала Екатерининской желѣзной дороги и еще ближе къ зданіямъ бывшихъ суконныхъ фабрикъ, основанныхъ также по мысли Потемкина. Широки были замыслы кн. Потемкина относительно постройки Екатеринослава. По планамъ его, утвержденнымъ указами Екатерины II, городъ долженъ былъ занимать пространство отъ р. Дихира до р. Мокрой Суры, а въ другомъ направленіи въ него входили нынѣшнія села Новые и Старые Кайдаки, какъ форштаты; это пространство верстъ 15 въ длину и верстъ 10 въ ширину, т. е. 105 кв. верстъ. Предполагалось устроить здѣсь 12 фабрикъ, университетъ, академію художествъ, консерваторію; каѳедральный соборъ имѣлъ быть 12-ти престольный и, какъ говаривалъ Потемкинъ, на аршинчикъ повыше римскаго собора апостола Петра. Словомъ, свѣтлѣйшій кн. Потемкинъ предполагалъ создать здѣсь нѣчто въ родѣ южной, украинской столицы въ затмѣніе даже, быть можетъ, сѣвернымъ столицамъ, и только смерть его, а затѣмъ и смерть Екатерины, 6 ноября 1796 г., пріостановили построеніе «втораго Рима», или и вторыхъ Аѳинъ, какъ того желалось Потемкину. Богатства края опредѣлены были свѣтлѣйшимъ весьма прозорливо, и будь осуществлена въ то время постройка Екатеринослава по плану и размѣрамъ Потемкина, криворожская руда и бахмутскія желѣзныя руды и соленыя залежи давно были бы разрабатываемы, весь край давно бы заселили и обогатили; и, какъ знать, не повліяло ли бы такое приближеніе русской столицы къ Черному морю на вопросы внѣшней политики! Быть можетъ, и самаго восточнаго вопроса или вовсе не было бы теперь, или по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ нынѣ онъ стоитъ.

Авторъ брошюры, относясь съ теплымъ воспоминанiемъ къ мѣстной старинѣ, шлетъ справедливый упрекъ г. Екатеринославу за небрежность въ отношенiи памятника запорожцу, полковому есаулу Глобѣ, кѣмъ-то поставленному въ разведенномъ имъ, нынѣшнемъ городскомъ, саду. Небрежность, разумѣется, не извинительная; но, скажемъ отъ себя, слѣдовало бы городу помянуть добромъ и кн. Потемкина, такъ много замышлявшаго для пользы края вообще и нынѣшняго Екатеринослава въ особенности. Повторяемъ, брошюра, собственно говоря, не много даетъ свѣдѣнiй о Екатеринославѣ и могла-бы дать ихъ гораздо больше, еслибы авторъ обратился хоть къ такимъ изданiямъ, какъ «Исторiя Екатерины II» Брикнера, Исторiя Россiи Соловьева и пр.; но она все таки имѣетъ свою цѣну, какъ напоминанiе о мѣстной старинѣ, которая совсѣмъ забывается современниками.

Въ послѣднемъ отношенiи Екатеринославъ могъ бы дать весьма обильный матерiалъ для розысканiй и изслѣдованiй. Не говоря уже объ архивахъ административныхъ учрежденiй, каковы: губернское правленiе, казенная палата, консисторiя, городскiя учрежденiя, даже архивы судебныхъ учрежденiй, каковы стародавнiе суды, палаты, ратуши и магистраты, какъ уясняютъ изслѣдованiя Багалѣя и Сумцова, могли бы раскрыть весьма многое изъ прошлой жизни всего новороссiйскаго края. Дѣло о «разбойныхъ черкасахъ и запорожцахъ» могло бы многое выяснить въ исторiи уклада населенiя страны, во-очiю (въ показанiяхъ самыхъ этихъ черкасъ при разныхъ допросахъ) представить тѣ мысли, желанiя и стремленiя, какими двигались изъ края въ край какъ послѣднiе остатки Запорожской Сѣчи, такъ и массы вновь нахлынувшихъ поселенцевъ, а равно и руководителей мѣстнаго народнаго движенiя. Учрежденiе въ Екатеринославѣ мѣстной архивной коммисiи является дѣломъ крайней необходимости. Напомнимъ здѣсь, въ подтвержденiе этой необходимости, хоть то богатство бумагъ о Запорожьѣ, какое нашелъ здѣсь г. Скальковскiй, авторъ «Исторiи Новой Сѣчи», въ связкахъ «дѣлъ Запорожскаго Коша», о которыхъ онъ говоритъ въ предисловiи къ своему труду. Бумаги нашихъ мѣстныхъ архивовъ побывали во многихъ рукахъ; многiе, какъ извѣстно, въ особенности рылись въ архивѣ екатеринославскаго губернскаго правленiя. Вопросъ: въ цѣлости ли сохранились всѣ эти, безцѣнныя по своему историческому значенiю, связки дѣлъ и бумагъ, или ихъ забиралъ и не возвращалъ, въ цѣлости или по частямъ, всякiй, кто хотѣлъ? Кто слѣдилъ за ихъ «неутратностью» и цѣлостью? Мы имѣемъ основанiе думать, что бумаги эти сохранились до нашихъ дней далеко «не въ цѣлости»; и жаль будетъ, если этотъ богатый кладъ погибнетъ для науки и потомства. Только

ученая архивная коммисія могла бы собрать все это богатство, сгруппировать и издать его. Мы думаемъ, что и на г. Скальковскомъ лежитъ нравственный долгъ издать *цѣликомъ, дословно весь тотъ матеріалъ*, который ему удалось добыть «въ дѣлахъ Запорожскаго Коша». Извлеченія, какія онъ даетъ намъ въ своей «Исторіи Новой Сѣчи», не могутъ удовлетворить насъ вполнѣ, не могутъ замѣнить и восполнить *подлинныхъ словъ* важнаго историческаго памятника, словъ, которыя всякій получилъ бы возможность знать и понимать такъ или иначе. Екатеринославцы въ особенности были бы благодарны г. Скальковскому за такое изданіе, и мы позволяемъ себѣ обратить къ нему нашу объ этомъ просьбу печатно.

Г. З.

Екатеринославъ,
2 марта 1887 г.

Календарь черниговской губерніи на 1887 годъ. Сост. К. В. Корвинъ-Піотровскій. Годъ второй. 1016 стр., ц. 1 р. 60 к.

Къ двумъ мѣстнымъ календарямъ на настоящій годъ, харьковскому и полтавскому, разсмотрѣннымъ въ предыдущей книгѣ нашего журнала, прибавимъ третій—черниговскій. Представляя собою внушительную книгу въ тысячу съ лишнимъ страницъ, этотъ календарь свидѣтельствуетъ тѣмъ о почтенномъ усердіи составителя его, члена-секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, г. Корвинъ-Піотровскаго. Разбору нашему не подлежитъ большая часть этой толстой книги, но по поводу ея толстоты нельзя удержаться отъ одного замѣчанія. Книга стоитъ 1 р. 60 к. Конечно, это дешево для тома въ 63 печатныхъ листа; но съ другой стороны если *календарь* стоитъ 1 р. 60 к., кому-же охота платить столько ежегодно *за календарь*? Редакціи календаря лучше знать свои издательскіе рессурсы, но все таки въ интересахъ распространенія въ мѣстномъ населеніи тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ черниговскомъ календарѣ вообще и въ историческомъ его отдѣлѣ въ частности, нельзя не пожелать большей практичности этому почтенному изданію.

Какъ въ харьковскомъ и полтавскомъ, такъ и въ черниговскомъ календарѣ, есть особый отдѣлъ *историческій* (265 стр.), посвященный мѣстной исторіи и этнографіи. Хотя содержаніе этого отдѣла не можетъ стать въ параллель съ историческимъ содержаніемъ харьковскаго календаря,—тотъ вѣдь издается въ университетскомъ городѣ, ну, боль-

шому кораблю большое и плаванье,—но и черниговцы, къ чести ихъ, вносятъ все таки лепту въ сокровищницу родной исторіи.

Историческій отдѣлъ начинается хронологическими перечнями «русскихъ великихъ князей, царей и императоровъ», *черниговскихъ* князей и епископовъ, полковниковъ временъ гетманщины, воеводъ и стольниковъ, а также малороссійскихъ гетмановъ (въ числѣ ихъ и Павелъ Полуботокъ), генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и проч. Всѣ перечни составлены вполнѣ прилично, въ научномъ смыслѣ. Вотъ только «списокъ *русскихъ великихъ князей*»... Князья эти жили: «въ Новгородѣ (Рюрикъ)», «въ Кіевѣ», «въ Кіевѣ и Владимірѣ», «во Владимірѣ, но жили и въ другихъ мѣстахъ», наконецъ «въ Москвѣ». Пора-бы оставить этотъ карамзинскій порядокъ; современный взглядъ науки на удѣльный періодъ давно осудилъ его... Тутъ-же другая неловкость—«хронологія достопамятнѣйшихъ событій края». «Хронологія» эта имѣетъ такую форму (отрывокъ со стр. 478):

Отъ покоренія великимъ княземъ литовскимъ Гедиминомъ всей южной Руси	567	(годъ)
» присоединенія Чернигова и другихъ русскихъ городовъ, отпавшихъ отъ Литвы при Іоаннѣ III Васильевичѣ	393	»
» нападенія князей Константина Острожскаго и Михаила Вишневецкаго на Черниговъ . . .	308	»
» учрежденія постоянной черниговской епархіи .	234	»
» управленія Чернигова россійскими воеводами .	229	»
» опустошенія моровой язвой черниговскаго воеводства	176	»
» великихъ пожаровъ, бывшихъ въ Черниговѣ .	169	»

и т. д. Авторъ этой, какъ-бы сказать, хронологіи на изнанку выпустилъ изъ виду, что факты черниговской исторіи не міровой извѣстности, чтобы стоило открывать новые пункты зрѣнія на нихъ; мелкое же неизвѣстное событіе читающая публика можетъ воспринять только по тому способу, которому учили ее, т. е. принимая за эру Рождество Христово. Каждая новая дата по общепринятому счисленію вызываетъ въ представленіи читателя, по мѣрѣ его историческаго вѣдѣнія, ту обстановку, среди которой ему нужно помѣстить новый фактъ... И любителей юбилеевъ авторъ лишилъ удовольствія упражняться въ правилахъ вычитанія.

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи историческихъ и одинъ набросокъ по доисторической археологіи края. Первая статья относится къ драгоцѣнному памятнику старины, черниговскому каѳедральномусобору Спаса-

Преображенія, чуть ли не древнѣйшему зданію во всей Россіи. Статья обработана основательно и написана довольно живо, благодаря пріему автора ея—мѣшать описаніе съ историческимъ повѣствованіемъ. Основаніе храма приписывается князю Мстиславу Владиміровичу. Въ первоначальной лѣтописи подъ 1034 годомъ говорится: «Мьстиславъ изыиде на ловы и разболѣся и умре; и положиша и въ церкви святаго Спаса, юже создалъ самъ; бѣ бо вьздано ея при немь вьзвыше, яко и на конѣ стоячи рукою досячи». «Такъ какъ древніе князья, говоритъ авторъ, строили храмы въ память особенныхъ событій, а изъ жизни Мстиславовой въ Черниговѣ лѣтопись отмѣчаетъ два важныя событія—войну съ Ярославомъ, окончившуюся миромъ 1026 г. и войну Мстислава и Ярослава съ ляхами 1031 г., сопровождавшуюся возвращеніемъ къ Россіи червенскихъ городовъ.., то основаніе черниговскаго собора можно относить къ 1026 или къ 1031 г. Смотря же на то, что соборъ возведенъ былъ къ 1034 г. не выше двухъ саженей отъ земли, должны мы признать за болѣе вѣроятное, что основанъ онъ въ 1031 г.». Соборъ опустошаемъ былъ нѣсколько разъ пожарами, напр. въ 1239, 1611 и 1750 г.г. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени сохранился въ цѣлости весь корпусъ зданія, кромѣ куполовъ. Даже 8 дорогихъ мраморныхъ колоннъ до сего времени поддерживаютъ своды хоровъ внутри храма. Соборная ризница не отличается богатствомъ, такъ какъ частые разгромы Чернигова непріятелями и домащнія хищенія лишили церковь вкладовъ древнихъ князей. Самая старая книга въ ризницѣ—евангеліе львовской печати 1636 года, «наданное» въ 1639 году райцею черниговскимъ Корниліемъ Талѣрчичемъ.

Слѣдующая статья принадлежитъ знатоку и почитателю мѣстной старины, А. И. Ханенку. Это историко-біографическій очеркъ о преосвященномъ Ѳеодосіи углицкомъ, преемникѣ Лазаря Барановича по черниговской каѳедрѣ, мѣстно-чтимомъ святителѣ, изданный прежде отдѣльной книжкой. Въ очеркѣ собрано все, что только могъ найти въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ опытный изслѣдователь. Чрезвычайно интересны письма Ѳеодосія къ разнымъ лицамъ, помѣщенныя въ концѣ очерка. Въ нихъ ясно отражается любящая душа этого святаго человѣка.

Археологическій набросокъ («Городки и курганы») составленъ покойнымъ Н. А. Константиновичемъ и, судя по общему заглавію: «Историческіе памятники черниговской губерніи», долженъ былъ составлять первую главу въ болѣе обширномъ очеркѣ. Набросокъ не представляетъ ничего новаго: списокъ городищъ взятъ у Самоквасова, а о курганахъ кое-что повторено авторомъ изъ собственнаго реферата на 3-мъ архе-

ологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, помѣщеннаго въ трудахъ этого съѣзда. Статья написана популярно, какъ и должно быть въ изданіи, разсчитанномъ на возможно большее распространеніе.

Въ концѣ отдѣла, подъ рубрикой: «Къ исторіи края», напечатаны, въ видѣ матеріала, письма разныхъ лицъ къ Андрею Степановичу Милорадовичу, генералъ-поручику и первому правителю открытаго въ 1782 году черниговскаго намѣстничества. Письма сообщены редакціи почетнымъ членомъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, графомъ Г. А. Милорадовичемъ. Намъ кажется, что эти письма весьма мало прибавляютъ къ мѣстной исторіи. Хотя писаны они чуть-ли не всѣми свѣтилами екатерининскаго времени, но большая часть изъ нихъ состоитъ изъ полуоффиціальныхъ просьбъ и вѣжливыхъ приказовъ о поставкѣ лошадей для авторовъ писемъ, или объ отводѣ имъ помѣщенія въ Черниговѣ.

Нельзя, наконецъ, пропустить этнографическаго очерка, подъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ: «Внутренній и внѣшній бытъ мѣстнаго населенія черниговской губерніи». Очеркъ—компиляція изъ разныхъ статей въ „Черниговск. Губ. Вѣдомостяхъ" и устарѣвшаго для настоящаго времени описанія черниговской губерніи Домонтовича. Неизвѣстный авторъ этой компиляціи скользнулъ дѣйствительно по всему «внутреннему и внѣшнему быту» жителей черниговщины. Хотя онъ и отдѣлилъ другъ отъ друга евреевъ, нѣжинскихъ грековъ (о которыхъ, кстати сказать, теперь сохранилось только пріятное воспоминаніе), раскольниковъ-великороссовъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ, но съ двумя послѣдними племенами въ черниговской губерніи нельзя легко управиться. Такъ называемая Сѣверщина есть такой этнографическій уголокъ, въ которомъ, чтобъ не повторять общихъ избитыхъ фразъ, нужно каждый лоскутъ земли брать съ бою. Конечно, это дѣло будущихъ изслѣдованій, но нельзя говорить о «внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ» Сѣверщины докторальнымъ тономъ.

Въ началѣ книги приложенъ фотографическій снимокъ черниговскаго собора.

Ѳ. Н.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. IV. Спб. 1887 г.

Четвертымъ томомъ, вышедшимъ нынѣ, г. Васильчиковъ заканчиваетъ повидимому замѣчательный свой трудъ, начатый печатаньемъ лѣтъ десять назадъ. Первая книга этого сочиненія, посвященная двумъ первымъ Разумовскимъ, «временьщику» Алексѣю и гетману Кириллу, успѣла стать необходимымъ достояніемъ всякаго собранія книгъ по южно-русской старинѣ. Не будучи научно разработанной исторіей послѣдняго гетманства, очеркъ г. Васильчикова представляетъ для такой исторіи первостепенный матеріалъ, неоцѣнимый въ особенности для изученія характеровъ и частной жизни выводимыхъ лицъ. Авторъ, кромѣ государственныхъ архивовъ, воспользовался частными архивами всѣхъ близкихъ роду Разумовскихъ фамилій и ввелъ въ свой трудъ архивный матеріалъ, частную переписку, разсказы современниковъ и преданія въ такомъ объемѣ, который приближаетъ его работу то къ типу мемуаровъ, то къ характеру прекрасно разработаннаго сборника документовъ. Если отъ этого страдаетъ стройность и «строгость» изслѣдованія, то необыкновенно ярко выступаютъ стороны, рисующія «духъ вѣка», а подлинныя письма, замѣтки и дѣловые документы всецѣло вводятъ читателя въ кругъ интересовъ и житейской обстановки лицъ рода Разумовскихъ, что и было, по собственному признанію автора, одной изъ главныхъ его цѣлей.

Въ послѣдовательномъ рядѣ томовъ г. Васильчиковъ разсмотрѣлъ судьбу сыновей Кирилла Разумовскаго, въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій. Второй томъ заключаетъ въ себѣ біографіи старшаго сына гетмана, Алексѣя Кирилловича, надменнаго и желчнаго аристократа и массона, смѣнившаго Завадовскаго на постѣ министра народнаго просвѣщенія, и четырехъ его младшихъ братьевъ. Томы третій и четвертый изображаютъ личность и жизнь шестого изъ сыновей гетмана—графа Андрея Кирилловича, русскаго посла въ Вѣнѣ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, одного изъ творцовъ священнаго союза, стяжавшаго къ концу дипломатической карьеры титулы князя и «свѣтлѣйшаго».

Старшій изъ второго поколѣнія Разумовскихъ оставилъ только женское потомство; Андрей Кирилловичъ не оставилъ его совсѣмъ, а братья его—Петръ, Левъ и Иванъ, передавши отчасти свои громадныя состоянія «воспитанникамъ» и «воспитанницамъ», не могли передать имъ своего имени. Сохранилось потомство только одного изъ сыновей гетмана—графа Григорія Кирилловича. Этотъ сынъ былъ менѣе всѣхъ любимъ гетманомъ и судьба его была самая бурная. Женив-

шись въ молодости на французской эмигранткѣ де-Мольсенъ, онъ вскорѣ бросилъ свою жену, возненавидѣлъ почему-то ее на всю жизнь. При жизни первой супруги, онъ женился въ Германіи во второй разъ на баронессѣ Шенкъ-де-Кастель. Первая супруга оспаривала законность этого брака, отъ котораго у Разумовскаго было трое дѣтей. Бракъ этотъ не былъ признанъ въ Россіи и хотя дѣтямъ Григорія Кирилловича дано было дворянство и право носить фамилію Разумовскихъ, но графское достоинство на нихъ не перешло. Убитый смертью жены и неудачнымъ исходомъ процесса, Разумовскій покинулъ навсегда Россію, принялъ австрійское подданство и протестанство. Внукъ его Камиллъ Разумовскій, саксенъ-кобургъ-готскій подданный и лютеранинъ, и является теперь послѣднимъ представителемъ этого, блестящаго нѣкогда рода.

Заключительный томъ труда г. Васильчикова обнимаетъ собою первыя пятнадцать лѣтъ настоящаго столѣтія и представляетъ цѣнный вкладъ какъ въ русскую историческую литературу, такъ и въ литературу европейской дипломатической исторіи. Событія того времени отъ посольства Новосильцева въ Лондонъ съ проэктомъ «вѣчнаго мира», до вѣнскаго конгресса и парижскаго мира, съ нескончаемымъ рядомъ войнъ по срединѣ, разсмотрѣны здѣсь какъ съ внѣшней, такъ и съ интимной, анекдотической стороны. Личность Андрея Разумовскаго, англомана и ненавистника Бонапарта, утонченнаго аристократа, выдѣлявшагося даже въ тогдашней аристократической Вѣнѣ, чрезвычайно характерна въ своемъ космополитическомъ изяществѣ.

Почти невозможнымъ кажется воспоминаніе о томъ, что отецъ этого пышнаго вельможи занималъ во дни юности мало аристократическій постъ пастуха въ с. Лемешахъ. Родовыми чертами у Андрея Кирилловича остались только страсть къ изящнымъ искусствамъ и музыкѣ. Въ страсти къ искусствамъ и коллекціонированью всѣ Разумовскіе сходились, впрочемъ, съ другими вельможами-южанами того времени, каковы Безбородко, Завадовскій, Трощинскій. Любовь къ музыкѣ вѣнскій посолъ унаслѣдовалъ отъ отца и дяди Алексѣя. Онъ самъ былъ превосходнымъ исполнителемъ; связанный дружбой съ Гайдномъ и Бетховеномъ, онъ обратилъ вниманіе послѣдняго на красоту народныхъ мелодій страны, которая была колыбелью его рода. Три квартета Бетховена (Op. 59. Streichquartete), посвященные

Андрею Разумовскому, написаны на темы сообщенныхъ Бетховену Разумовскимъ малороссiйскихъ пѣсень. Въ его жизни это, кажется, единственная черта прямой связи съ родиной его предковъ, если не считать, конечно, той связи, которая обусловливалась пользованiемъ злачными малороссiйскими мѣстами, какъ Батуринъ и Ропскъ, прожитыми и проданными къ концу его жизни.

W.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Опытъ истолкованія обычая „понедилкуванья“.

Жизнь народная хранитъ въ своихъ нѣдрахъ не мало остатковъ глубочайшей старины, то въ видѣ обрядовъ съ ясной древнѣйшей основой, то въ видѣ обычаевъ, по видимому не столь древнихъ, но въ дѣйствительности тоже принадлежащихъ отдаленнѣйшей эпохѣ. Можно намѣтить двоякій генезисъ этихъ остатковъ старины. Прадавніе обычаи, нѣкогда имѣвшіе реальное жизненное значеніе, могутъ утерять его съ теченіемъ времени, превратиться въ простой символъ, въ дѣйствіе, смыслъ котораго или затеривается народной памятью, или-же выростаетъ на почвѣ недавнихъ, ближайшихъ къ намъ по времени жизненныхъ отношеній. Такъ слагается *обрядовая* сторона народной жизни.

Но существуетъ и другой генезисъ стародавнихъ обычаевъ. Народная жизнь подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ можетъ сохранить извѣстный обычай съ давнихъ временъ, преслѣдуя помощію его иныя цѣли, чѣмъ тѣ, кои имѣлись въ виду при первоначальномъ его установленіи. Тогда обычай, хотя и теряетъ нѣсколько первоначальный характеръ сообразно съ измѣнившимися цѣлями, однако не превращается въ простой символъ, а продолжаетъ сохранять жизненное реальное значеніе.

Если принадлежность глубокой старинѣ обычаевъ, превратившихся въ символы, представляется за-частую очевидною, благо-

даря архаичности, которая, такъ сказать, вѣетъ отъ этихъ символовъ, то не всегда тоже самое можно сказать относительно обычаевъ, имѣющихъ генезисъ втораго рода. Здѣсь принадлежность даннаго обычая прадавней старинѣ не такъ ясна и именно не ясна потому, что обычай удержалъ свое жизненное значеніе, лишь принаровившись къ *новымъ* цѣлямъ, которыя и представляются на первый взглядъ первоначальными мотивами его возникновенія. Однако и въ этомъ случаѣ, при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ обычаемъ, мы можемъ возстановить его въ первоначальной формѣ, различить первоначальныя причины его возникновенія и такимъ образомъ отнести его къ памятникамъ давнопрошедшей жизни даннаго народа.

Къ числу такихъ обычаевъ на нашъ взглядъ относится и замѣчательный обычай «понедилкуванья», о которомъ было сообщено г. Василенкомъ въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ. Ничто въ этомъ обычаѣ по видимому не позволяетъ отыскивать корня его въ отдаленнѣйшей эпохѣ существованія малорусскаго народа. А между тѣмъ въ немъ есть три важныя черты, заставляющія глубоко задуматься надъ прошлымъ обычая. Эти три черты съ полною основательностью отмѣчены и г. Василенкомъ, а именно: 1) что «понедилкуванье» не пріурочивается, подобно чествованію пятницъ и четверговъ, къ какимъ-либо праздникамъ или постамъ, а совершается самостоятельно и притомъ безъ очереди, т. е. каждый понедѣльникъ, 2) что оно практикуется только среди женщинъ и притомъ исключительно замужнихъ и, наконецъ, 3) что особенно достойно замѣчанія, право «понедилкувать» входитъ особою статьею въ предбрачный договоръ.

На основаніи этихъ трехъ характерныхъ чертъ разсматриваемаго обычая мы считаемъ возможнымъ отнести возникновеніе его къ отдаленнѣйшей эпохѣ первоначальнаго устроенія опредѣленныхъ брачныхъ отношеній моногамическаго типа.

Трудами Бахофена, Моргана, Лёббока, а въ новѣйшее время Поста и Жиро-Телона съ достаточной твердостью установленъ фактъ существованія въ первобытныя эпохи жизни человѣчества брачнаго состоянія, при которомъ всѣ женщины даннаго племени считались состоящими въ бракѣ со всѣми мужчинами того-же племени, при которомъ человѣчество не выработало еще понятія о

кровосмѣшенія и не проявляло еще стремленія къ индивидуализаціи брачныхъ отношеній. Нѣкоторые изслѣдоватѣли даютъ этому состоянію наименованіе «общиннаго (Лёббокъ) или «коммунистическаго» (Ж. Телонъ) брака. Не имѣя въ виду касаться исторіи брака вообще, мы ограничимся лишь упоминаніемъ того, что эпоха перехода отъ очерченнаго состоянія брачныхъ отношеній къ брачнымъ отношеніямъ моногамическаго типа, т. е. отмѣченныхъ индивидуальностью и большей опредѣленностью, даетъ начало цѣлому ряду крайне оригинальныхъ обычаевъ, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ мы обратимъ вниманіе лишь на обычаи, основанные на идеѣ такъ наз. «искупленія за бракъ» (expiation du mariage).

«Хотя наше возмущенное чувство, говоритъ Ж. Телонъ, съ величайшимъ трудомъ понимаетъ логику варварскаго міра, однако многочисленные факты никоимъ образомъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что люди первобытныхъ эпохъ выводили право супруги на цѣломудріе изъ предшествовавшаго ему примѣненія женщины къ ея естественной функціи[1]). Это была въ нѣкоторомъ родѣ плата и гарантія строгости будущей семейной жизни, которая допускалась лишь подъ условіемъ уголовнаго взысканія: въ сущности же, это была дань, уплачиваемая общинѣ, права которой нарушались. Разъ уплативши эту дань, женщины получали право сохранять полнѣйшее воздержаніе»[2])... Къ этому, такъ сказать, правовому мотиву присоединялся мотивъ религіозный: бракъ съ индивидуальнымъ характеромъ почитался нарушеніемъ религіозной заповѣди и требовалъ искупленія передъ божествомъ, коего законъ онъ попиралъ своею исключительностью. Въ глазахъ древняго человѣка «природа надѣлила женщину всѣми прелестями вовсе не для того, чтобы она завяла въ объятіяхъ одного лица: законъ матеріи отвергаетъ всѣ ограниченія, ненавидитъ какія-бы то ни было оковы, и на каждую исключительность смотритъ какъ на прегрѣшеніе передъ божествомъ»[3]). Затѣмъ древнее установленіе, какимъ является

---

[1]) Каковой почиталось брачное общеніе женщины со *всѣми* мущинами племени.—*Прим. авт.*

[2]) A. Giraud. Teulon. Les origines du mariage et de la famille. Genéve. 1884, pp. 29 и 30.

[3]) Bachofen. Das Mutterrecht. Stuth. 1861, s. XIX.

гетеристическій бракъ, какъ завѣтъ предковъ, получило религіозное освященіе въ глазахъ потомковъ (Вилькенъ), и изъ всѣхъ этихъ элементовъ создалась идея искупленія за бракъ, давшая начало всѣмъ тѣмъ обычаямъ, въ которыхъ строгое цѣломудріе замужней женщины сочетается съ отсутствіемъ всякаго цѣломудрія и полной свободой половыхъ отношеній дѣвушки, а равно въ которыхъ самый бракъ является связаннымъ съ гетерическими элементами. Къ числу послѣдняго рода обычаевъ, кромѣ такъ называемаго (впрочемъ едва-ли удачно) права первой ночи, мѣны женъ и т. п., относится и замѣчательный обычай, остроумно названный Леббокомъ «бракомъ на три четверти»[1]. Этотъ обычай особенно ярко выступаетъ въ жизни гассанидскихъ арабовъ, племени, живущаго на Бѣломъ Нилѣ. «Арабы Ассанайеха, по словамъ Петерика, заключаютъ свои браки на столько-то дней въ недѣлю, обыкновенно на четыре; но при этомъ, во время предварительныхъ переговоровъ, мать невѣсты протестуетъ заранѣе противъ «принужденія ея дочери къ строгому соблюденію той вѣрности, которой требуютъ брачныя узы, болѣе чѣмъ въ продолженіи двухъ дней въ недѣлю»; сообразно съ такими обычаями, со стороны мужчинъ явилось должное приспособленіе въ чувствахъ: такой мужъ не только дозволяетъ своей женѣ, въ теченія выговоренныхъ дней, пренебрегать всѣми супружескими обязанностями, но даже смотритъ на связи ея съ другими мужчинами, какъ на комплиментъ своему собственному вкусу»[2]. Дни недѣли, въ которые жена обязана сохранять цѣломудріе, опредѣляются количествомъ головъ скота, уплачиваемыхъ женихомъ, и составляютъ статью брачнаго договора. Остальными-же днями жена имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію[3].

Такимъ-же бракомъ «на три четверти», т. е. заключеннымъ всего лишь на извѣстные дни недѣли, мы считаемъ и первообразъ «понедилкуванья», тотъ первоначальный обычай, изъ котораго путемъ долгаго процесса выработался современный обычай празднованія понедѣльника сначала въ его бориспольской формѣ, а затѣмъ

---

[1]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, С.-п.б., 1876 г., стр. 58.

[2]) Г. Спенсеръ. Основанія соціологіи, Спб., 1877 г., стр. 672.

[3]) G. Teulon, op. cit. p. 46 и 47.

и въ формѣ распространеннаго повсюду въ Малороссіи обычнаго «понедилкуванья».

То, что извѣстно намъ о древнѣйшемъ состояніи славянскаго брака, не только не препятствуетъ принятію такой гипотезы, но дѣлаетъ ее весьма правдоподобной.

Что въ жизни славянскаго племени была эпоха, въ которую брачныя отношенія носили характеръ очерченнаго выше общиннаго брака, можно было предполагать уже изъ преданій, занесенныхъ въ хроники; такимъ является напр. преданіе чешскаго народа, записанное Козьмой Пражскимъ. И дѣйствительно, ближайшее изученіе славянской старины подтвердило такое предположеніе. Г. Ковалевскій въ вышедшемъ въ минувшемъ 1886 году сочиненіи по первобытному праву, сдѣлавъ систематическій обзоръ относящихся сюда фактовъ архаической старины славянъ и въ частности малороссіянъ, находитъ «возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ низшей ступенью ихъ общественнаго развитія» [1]). Собранные г. Ковалевскимъ факты не относятся только непосредственно къ эпохѣ коммунизма женъ у славянъ, въ числѣ ихъ имѣются и факты, подтверждающіе, такъ сказать, косвенно существованіе такой эпохи и принадлежащіе указанному выше періоду перехода отъ коммунизма въ брачныхъ отношеніяхъ къ индивидуализаціи ихъ. Къ числу такихъ слѣдовъ первоначальнаго коммунизма г. Ковалевскій, вслѣдъ за Сумцовымъ [2]), относитъ украинскія вечерницы и великорусскія посидѣлки, а равнымъ образомъ причисляетъ къ нимъ и нѣкоторые свадебные обряды [3]). Съ своей стороны мы можемъ указать, наприм., на извѣстіе арабскаго географа Аль-Бекри XI в., свидѣтельствующее, что у славянъ, подобно многимъ народамъ стараго и новаго свѣта, строгое цѣломудріе замужнихъ женщинъ сочеталось нѣкогда съ свободой половыхъ отношеній дѣвушки, явленіе столь характерное для той

---

[1]) М. Ковалевскій. Первобытное право. М. 1886 г., вып. II, стр. 2.

[2]) Кстати, пользуясь случаемъ, исправляемъ ошибку въ ссылкѣ г. Ковалевскаго. Статья о вечерницахъ г. Сумцова была помѣщена не въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, а въ „Кіевской Старинѣ“ за мартъ 1886 г., подъ названіемъ „Досвѣтки и посидѣлки“.—*Примѣч. авт.*

[3]) М. Ковалевскій. Op. cit., стр. 6.

эпохи живого господства идеи искупленія за бракъ, какой представляется эпоха перехода отъ брачныхъ отношеній коммунистическаго типа къ таковымъ-же отношеніямъ типа моногамическаго [1]).

Такимъ образомъ имѣя несомнѣнные факты, указывающіе на существованіе въ жизни славянъ переходной эпохи, мы едва-ли сдѣлаемъ особенно смѣлое предположеніе, отыскивая въ этой эпохѣ и первообразъ разсматриваемаго нами обычая «понедилкуванья»; а между тѣмъ принятіе такой гипотезы дѣлаетъ для насъ совершенно понятными три указанныя выше характерныя черты этого обычая, т. е. празднованіе понедѣльника *безъ очереди*, участіе въ этомъ празднованіи лишь *замужнихъ* женщинъ и, наконецъ, выговариваніе права на «понедилкуванье» въ *брачномъ договорѣ*.

Но если первообразъ «понедилкуванья» есть своего рода бракъ «на три четверти» и получилъ начало въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому, то каковъ былъ тотъ вѣроятный путь, которымъ первоначальный обычай перешелъ въ свою современную форму? Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ того, какъ брачныя отношенія *окончательно* сложились по типу моногамическому, требовавшему со стороны женщины полнаго супружескаго цѣломудрія, обычай, который мы считаемъ первоначальной формой «понедилкуванья», т. е. бракъ «на три четверти», могъ удержаться лишь при условіи совершеннаго изчезновенія изъ него эротиче-

---

[1]) Вотъ это извѣстіе Аль-Бекри: „женщины ихъ (*славянъ*), когда выйдутъ замужъ, не прелюбодѣйствуютъ. А когда дѣвица кого полюбитъ, то она къ нему отправляется и у него удовлетворяетъ свою страсть. А когда мужчина женится и найдетъ свою жену дѣвственною, онъ ей говоритъ: если-бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили-бы тебя и ты избрала-бы себѣ кого-нибудь, который-бы тебя лишилъ невинности—и прогоняетъ ее и отрекается отъ нея".—А. Куникъ и бар. В. Розенъ. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. СПБ. 1878, стр. 56.—Чтобы судить о томъ, насколько можно довѣрять этому извѣстію Аль-Бекри, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующее, помѣщенное у Спенсера, свидѣтельство о чипчасахъ древней Центральной Америки: „они не только были равнодушны къ дѣвственности своихъ невѣстъ, но даже, когда невѣста оказывалась дѣвственницей, „считали ее несчастливицей, не имѣвшей въ жизни удачи и не умѣвшей ни разу внушить любви мужчинѣ; а потому они не любили такой жены и смотрѣли на нее, какъ на ничего не стоющую дрянь".—Спенсеръ. Op. cit., стр. 672.

скаго элемента, или-же видоизмѣненія этого элемента въ простой обрядъ, не оскорбляющій чувства супруга, какъ видоизмѣнился, напримѣръ, упоминаемый Діодоромъ Сицилійскимъ [1]) балеарскій обычай принадлежности дѣвства невѣсты друзьямъ жениха въ свадебный обрядъ, предоставляющій брату жениха (французская свадьба) или поѣзжанамъ (лауенбургская свадьба) право на первый поцѣлуй невѣсты, или дружку право на первый съ невѣстою танецъ (швабская свадьба).

Повидимому развитіе разсматриваемаго нами обычая пошло по первому пути, т. е. по пути совершеннаго исчезновенія эротическаго элемента (по крайней мѣрѣ въ современномъ «понедилкуванья» нельзя открыть и малѣйшихъ слѣдовъ этого элемента), и если-бы первоначальный обычай содержалъ въ себѣ *только* эротическій элементъ, то съ исчезновеніемъ этого послѣдняго онъ и самъ долженъ былъ-бы исчезнуть изъ жизни. Но въ немъ помимо элемента эротическаго былъ и другой, тѣсно связанный съ нимъ элементъ, благодаря которому и самъ обычай могъ удержаться до настоящаго времени. Этотъ элементъ—*трудовой*.

Какъ извѣстно, у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, мужчина, пріобрѣтая себѣ жену, пріобрѣталъ въ ней не только предметъ для удовлетворенія своей страсти, но и извѣстную рабочую силу, плоды труда которой принадлежали ему, господину и владыкѣ. Но понятно, что въ тѣ дни, въ которые женщина по предбрачному договору освобождалась отъ своихъ супружескихъ обязанностей, она освобождалась вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своихъ обязанностей, какъ рабочаго. Выговоренными въ брачномъ договорѣ днями жена распоряжалась по своему усмотрѣнію (Ж. Телонъ). Эта сторона «брака на три четверти» на нашъ взглядъ является чрезвычайно важной стороной его и благодаря-то именно ей самый обычай, совершенно утерявъ эротическій элементъ, могъ тѣмъ не менѣе удержаться въ жизни до настоящаго времени. У дикихъ народовъ жена обыкновенно становится трудовымъ воломъ, на котораго возлагаются ея господиномъ самыя тяжелыя работы не только по домашнему хозяйству, но и внѣ домашней сферы.

---

[1]) Diodor. 5, 18. cit. у Bachofen'а, op. cit, p. 12.

Такимъ-же воломъ, правда, быть можетъ въ нѣсколько меньшей степени, женщина продолжала, да, пожалуй, и продолжаетъ быть и до сего времени. Естественно поэтому, что право жены на свободу отъ труда въ теченіи извѣстныхъ дней въ недѣлѣ было въ глазахъ женщинъ чрезвычайно важнымъ правомъ, которое желательно было сохранить во чтобы то ни стало. Древній обычай брака «на три четверти» представлялъ для этого удобное средство по способности своей приноровиться къ интересамъ подавленной трудомъ жены, и жизнь его удержала. Право на свободу отъ брачныхъ обязанностей, составлявшее существенную черту прежняго обычая, какъ несовмѣстимое уже съ понятіемъ о строгомъ супружескомъ цѣломудріи, вытѣсняется усиленнымъ развитіемъ другой стороны того-же обычая, трудовой, пока наконецъ не исчезаетъ совершенно, замѣнившись правомъ на свободу отъ труда. Древній обычай удержалъ свое жизненное реальное значеніе, приноровившись къ новымъ цѣлямъ и сообразно съ ними измѣнивши свой первоначальный характеръ: эротическій элементъ отпалъ, а въ замѣнъ его выдвинулся элементъ экономическій. Такова бориспольская форма «понедилкуванья».

Однако съ теченіемъ времени и эта форма неминуемо должна была потерпѣть измѣненія. Право на свободу отъ труда, столь полезное для интересовъ женщинъ, наносило несомнѣнный ущербъ семейному хозяйству, почему подъ давленіемъ экономической необходимости и по мѣрѣ того, какъ семья получала характеръ равноправнаго союза мужа и жены, одинаково заинтересованныхъ въ преуспѣяніи семейнаго хозяйства, упомянутое право должно было потерпѣть ограниченіе какъ во времени, такъ и въ объемѣ:[1]) количество дней, въ которые жена освобождалась отъ труда, уменьшаясь, дошло до одного въ недѣлю, а право на свободу отъ труда вообще, столь полное еще въ бориспольскомъ обычаѣ, постепенно съуживалось, пока не превратилось наконецъ въ обыкновеніе воз-

---

[1]) Уже и въ Борисполѣ, по словамъ г. Василенка, въ послѣдніе десять лѣтъ нѣкоторыя рачительныя хозяйки сами добровольно работаютъ по понедѣльникамъ.

держиваться въ понедѣльникъ лишь отъ извѣстнаго вида труда. Такой именно характеръ и имѣетъ въ настоящее время «понедилкуванье» въ остальной Малороссіи.

Н. Чернышевъ.

Русскіе диссиденты въ Новороссіи.

Въ давно минувшіе сороковые годы приходилось мнѣ много странствовать по новороссійскому краю и исколесить его въ разныхъ направленіяхъ, исполняя разныя служебныя порученія. Отъ того времени остались у меня разные наброски и замѣтки, между прочимъ и о нашихъ диссидентахъ или раскольникахъ въ Новороссіи. Пересмотрѣвъ снова и кое въ чемъ исправивъ и дополнивъ эти мимолетные наброски далекой молодости, на склонѣ лѣтъ моихъ дѣлюсь ими съ читающею публикою и если она найдетъ въ нихъ нѣчто неизвѣстное, буду радъ, что и это немногое не канетъ въ бездну забвенія.

Усталой старческой памяти не воскресить уже живыхъ впечатлѣній молодости, а дрожащее перо безсильно передать и то, что сохранилось еще въ ней и могло бы оживить мою рѣчь. Пріими, великодушный читатель, эти немногія строки, которыя сохранила для твоего любопытства любознательная нѣкогда молодость.

Новороссійскія степи, въ теченіи XVIII и 1-й трети IX столѣтій, представляли зрѣлище весьма сходное съ положеніемъ Сѣверо-американскихъ штатовъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Именно, онѣ были убѣжищемъ, вольнымъ или невольнымъ, для многихъ эмигрантовъ, искавшихъ почти также, какъ и пуритане въ Америкѣ, спокойнаго исповѣданія своей вѣры и клочка земли для своего прочнаго благоустройства. Въ особенности это относится къ нашимъ русскнмъ «диссидентамъ», раскольникамъ разныхъ толковъ, которыхъ въ теченіи полутора столѣтія поселены или поселились въ нашемъ краѣ цѣлыя тысячи.

Въ періодъ 1731—1756 годовъ, т. е. начала прочнаго занятія сѣверныхъ частей Новороссіи, мы находимъ уже тамъ слободы русскихъ старообрядцевъ, въ небольшихъ усадьбахъ, раскинутыхъ на весьма большомъ пространствѣ, преимущественно по берегамъ Днѣпра. Въ это время русское правительство нашло на

окраинахъ Новороссіи двѣ общины старообрядцевъ. Одна изъ нихъ поселилась на берегу таманскаго залива, близъ Керчи, а частію даже на Крымскомъ полуостровѣ; это были донскіе козаки, бѣжавшіе съ Дону во время Булавинскаго мятежа и предавшіеся «подъ руку Турціи», точнѣе крымскихъ хановъ и были также извѣстны подъ именемъ «Игнатъ козаковъ», или Некрасовцевъ, которые въ послѣдствіи, при занятіи русскими войсками крымскаго ханства, перешли въ Болгарію и поселились близъ Баба-даги [1]). Другая община старообрядцевъ поселилась на берегахъ Днѣпра, выше пороговъ, гдѣ они основали Крюковъ, Крыловъ, Цыбулевъ, а послѣ Бешку (нынѣшнюю Александрію хер. губ.).

Но съ 1750-хъ годовъ началось уже правильное переселеніе староверовъ въ Новороссійскія степи, не только съ соизволенія, но и по формальному вызову самаго правительства. Манифестами 16 марта 1734 года и 4 сентября 1755 года старообрядцы, бѣжавшіе при Петрѣ В. и Аннѣ Іоановнѣ въ Молдавію и Польшу, прощены и приглашены на поселеніе и службу въ Новороссію. Откликаясь на такой призывъ, они явились въ значительномъ числѣ и поселились между 1750 и 1760 годами сперва въ форштатѣ крѣпости св. Елисаветы, а послѣ въ разныхъ мѣстахъ нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, по границѣ Запорожья, гдѣ основали многолюдныя и богатыя селенія: *Злынку*, *Лысую-Гору*, *Песчаный бродъ*, *Клинцы*. Къ нимъ присоединились впослѣдствіи другіе раскольники, вышедшіе изъ черниговскихъ (стародубскихъ) слободъ, а также вызванные изъ Молдавіи и Бессарабіи графомъ Румянцевымъ, во время войны 1769—1776 г.г., и основали въ разныхъ мѣстахъ нынѣшней херсонской губерніи свои селенія: *Плоское*, *Ананьевъ* (нынѣ уѣздный городъ херсонской губерніи), *Калиновку*, *Золотаревку* и другія. Эти раскольничьи общины были весьма замѣчательны по своему скорому развитію и отличались не только хорошимъ сельскимъ хозяйствомъ, но и торговою дѣятельностію. Раскольники первые вели въ это время пограничную торговлю съ Молдавіею и татарскими аулами, и на свою ярмарку въ крѣпости св. Елисаветы (Елисаветградъ) привлекали своихъ сосѣдей и противниковъ: запорожцевъ, турокъ и поляковъ. Они построили прекрасныя церкви, небольшія

---

[1]) Объ этихъ „Некрасовцахъ" помѣстили мы небольшую монографію въ журналѣ Министерства Вн. Дѣлъ 1844 года... VIII, стр. 61—82.

училища и даже завели типографію въ Клинцахъ для печатанія церковныхъ книгъ.

По вѣдомости, составленной въ новороссійской губернской канцеляріи въ 1773 г., раскольниковъ въ Кременчугѣ и въ елисаветградской провинціи показано 12,650 душъ об. п., а въ 1774 г., если вѣрить Гильденштедту, они составляли большую часть жителей Елисаветграда[1]). Елисаветградское духовное правленіе въ 1777 г. доносило епархіальному архіерею Евгенію, что раскольники выстроили здѣсь «огромную часовню, превышающую благолѣпнымъ строеніемъ всѣ здѣшнія городскія церкви, со взнесеніемъ на оную крестовъ, на позорище всему городу, съ немалымъ при томъ числомъ колоколовъ...,» что «при оной своей часовнѣ сокрываютъ бѣглецовъ поповъ и монаховъ, кои попы, какъ сами собою, такъ и чрезъ своихъ единомышленниковъ, кредитомъ денегъ и другими довѣренностями и уихщреніями прельщаютъ простой народъ и отъ церкви Божіей принимаютъ къ часовнѣ»[2])... Такимъ образомъ, ново-поселенные раскольники нашли себѣ сильныхъ противниковъ въ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Но, по новости дѣла, правительство терпѣло раскольниковъ и не принимало мѣръ стѣсненія; все ограничивалось мѣрами духовными. Такъ, первый херсонскій архіерей Евгеній Булгарисъ поручилъ увѣщевать раскольниковъ и склонять ихъ къ возсоединенію съ православной церковью елисаветградскому священнику Димитрію Смолодовичу, который и обратилъ въ православіе до ста душъ въ теченіи 1777—1779 г.[3]) Преемникъ преосвященнаго Евгенія, архіепископъ Никифоръ Θеотоки продолжалъ начатое дѣло. Ему принадлежитъ краснорѣчивое «посланіе» къ старообрядцамъ (1780 г.); сверхъ того, архипастырь и лично посѣщалъ мѣста, населенныя раскольниками и, съ содѣйствіемъ упомянутаго священника Димитрія, увѣщевалъ елисаветградскихъ старообрядцевъ прійти подъ его благословеніе, обнадеживая ихъ, что «онъ дозволитъ изъ той часовни церковь освятить и, кого пожелаютъ, изъ своихъ поставить имъ священника, по старопечатнымъ книгамъ служить дозволитъ и всякія христіанскія потребы отправлять тому священнику по старо-

[1]) Reisen d. Rusland, т. II, стр. 176.

[2]) Свящ. Н. Неводчиковъ, Евгеній Булгарисъ. Одесса, 1875 г., стр. 42—43.

[3]) Тамъ же, стр. 46—47.

обрядчеству.» Старообрядецъ-авторъ частнаго письма, изъ котораго почерпаемъ эти свѣдѣнія, передаетъ и о результатѣ этого увѣщанія: «И такія рѣчи отъ имени его преосвященства говорилъ елисаветскій священникъ Дмитрій троекратно, точію всѣ молчали, а на третьемъ возглашеніи изъ среди подали голосъ, что они не желаютъ». «И сего жъ іюля мѣсяца (1780), продолжаетъ авторъ письма, оной архіепископъ Никифоръ пріѣхавъ въ слободу Знаменку и похитилъ тамошнихъ многихъ жителей, ибо они отъ него приняли священника, и освятилъ имъ церковь» [1]).

При водвореніи на сѣверной окраинѣ степей сербовъ, раскольники, прежде поселившіеся на тѣхъ мѣстахъ, вошли въ составъ ново-казачьяго слободскаго полка и поселены отъ Синюхи до Днѣпра, за чертой, первоначально назначенной для поселенія, на самомъ рубежѣ Запорожья. Для нихъ опредѣленъ особымъ начальникомъ ротмистръ Поповъ, которому приказано было надѣлять ихъ дачами, селить и записывать въ земледѣльцы или мѣщане. Они получили хорошія земли, пособія деньгами и лѣсомъ и пользовались свободой по части ношенія бородъ и свойственнаго имъ костюма. Петербургскій академикъ Гильденштедтъ писалъ о нихъ: «они вполнѣ сохранили господствующіе въ Великороссіи обычаи въ одеждѣ и въ постройкахъ, равно и языкъ; впрочемъ, многіи вывели дымовыя трубы въ горницахъ по малороссійски». Въ хозяйствѣ они также слѣдовали дѣдовскимъ обычаямъ и пахали земли сохами, что однако же оказалось неудобнымъ, ибо соха легко ломалась въ твердой мѣстной почвѣ. Ученый путешественникъ даетъ оченъ лестный отзывъ о раскольникахъ:» трудолюбіемъ, умѣренностію и наклонностію къ порядку они рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ обитателей этой провинціи»—говоритъ онъ [2]).

Вообще, въ глазахъ какъ начальства края, такъ и правительства, раскольники должны были представлять самый надежный матеріалъ для колонизаціи новороссійскаго края. Отраженіемъ такого взгляда на нихъ можетъ служить благопріятный отзывъ посланнаго изъ Петербурга академика Гильденштедта. Много разъ

[1]) Посланіе архіеп. Никифора и выдержка изъ приведеннаго частнаго письма напечатаны въ Хронол. обозрѣніи новор. кр., т. I, прилож. № 6.

[2]) Reisen d. Russland, т. II, стр. 142 и 171.

упоминая о нападеніяхъ запорожцевъ на поселенія пикинернаго (бывшаго ново-казачьяго) полка, объ уводѣ людей для заселенія слободъ, ими самими основываемыхъ по границѣ елисаветградской провинціи, отзываясь вообще о запорожцахъ, какъ о разбойникахъ, о жителяхъ великорусской слободы (единственной—не раскольничьей) Покровской (правовѣрной) говоритъ онъ слѣдующее: «отъ запорожцевъ здѣшніе жители не знаютъ безпокойства, хотя живутъ совсѣмъ на границѣ,—доказательство, что запорожцы не охотно вступаютъ въ какія либо сношенія съ москалями, какъ называютъ они великороссовъ, и что волохи и малороссы переходятъ къ запорожцамъ больше по склонности, чѣмъ по принужденію»[1]. Общій смыслъ этихъ словъ позволяетъ отнести этотъ отзывъ ко всѣмъ вообще великороссамъ колонистамъ, а большинство изъ нихъ здѣсь были раскольники.

Поселенные на границѣ съ Запорожьемъ и не вдалекѣ отъ владѣній ногайскихъ татаръ, они должны были постоянно быть на сторожѣ отъ тѣхъ и отъ другихъ и служили надежнымъ аванпостомъ для тѣхъ самыхъ сербовъ, на которыхъ возлагалось столько напрасныхъ и дорого стоившихъ правительству надеждъ.

Но благосклонное отношеніе къ елисаветградскимъ раскольникамъ продолжалось до уничтоженія самостоятельности Запорожья и до присоединенія Крыма. Эти два событія послужили поворотнымъ пунктомъ въ отношеніи къ новороссійскимъ раскольникамъ и въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ, какъ колонистовъ.

Въ іюлѣ 1783 г, московскіе стародубовскіе старообрядцы прислали къ Потемкину, какъ генералъ губернатору здѣшняго края, и въ сенатъ просьбу о «дозволеніи имъ выселиться цѣлыми обществами, построить церкви для служенія въ нихъ по старопечатнымъ книгамъ и даже имѣть своего собственнаго епископа». Потемкинъ, отказывая въ послѣднемъ желаніи, испросилъ Высочайшее дозволеніе на водвореніе ихъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ «въ отдаленныхъ мѣстахъ имперіи», то есть въ Крыму, заселеніе коего теперь выдвинулось на первый планъ; по этому случаю, отъ имени государыни и своего, онъ писалъ весьма любопытныя грамоты на имя «выборнаго отъ знаменскихъ старообрядцевъ Мартьяна, въ ко-

---

[1]) Указ. сочин., стр. 182.

торыхъ говорится, что имъ «дается земли довольное число, такъ чтобы оной было достаточно не только для нихъ, но и для поповъ приходящихъ; воздвигнутся имъ церкви или монастырь казеннымъ иждивеніемъ; дома также будутъ имъ построены отъ казны и дастся льгота отъ податей на нѣсколько лѣтъ»[1]). Этими льготами Потемкинъ имѣлъ въ виду привлечь во вновь завоеванную Тавриду всѣхъ раскольниковъ имперіи. Но блестящія ожиданія оправдались плохо: изъ черниговской губерніи выселилось лишь до 60 семей; знаменскіе раскольники вовсе не хотѣли переселяться, не внемля никакимъ посуламъ. «Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государинѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ необитаемыхъ; но знаменскіе не хотѣли тамъ селиться[2]).

На таврическомъ полуостровѣ старообрядцы заселили села: *Большую и Малую Знаменку*, *Бѣлозерку* и другія.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно съ 1802 г. началось переселеніе новыхъ «диссидентовъ», а именно духоборцевъ, о которыхъ будемъ говорить ниже съ нѣкоторою подробностію. Въ 1811—12 г. послѣдовало водвореніе въ измаильскомъ округѣ Бессарабіи упомянутыхъ выше Некрасовцевъ, продолжавшееся до 1830 года; они устроились въ предмѣстьи крѣпости Измаила Тучковѣ и въ четырехъ усадьбахъ, въ которыхъ въ 50-хъ годахъ считалось уже ихъ до 2,000 душъ обоего пола.

Послѣдній выходъ въ новороссійскія степи русскихъ диссидентовъ произошелъ уже въ 1820-хъ годахъ. Это были *молокане*, называющіе себя, какъ и духоборцы, «духовными христіанами». Правительство выселило ихъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи, преимущественно изъ тамбовской и астраханской губерній. Распоряженіе о водвореніи ихъ въ здѣшнемъ краѣ по Высочайшей волѣ послѣдовало въ маѣ 1820 и въ апрѣлѣ 1821 года. Они поселены

---

1) Изъ грамоты Потемкина отъ 3 апрѣля и 27 августа 1785 г.—См. наше Хронологическое обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго края, т. I, стр. 171, 280—281.

2) Изъ современнаго письма священника с. Знаменки херсонск. губ. Карпа Маркіанова; оно опубликовано мною въ XI т. „Кіевской Старины“, стр. 531—538.

на земляхъ отведенныхъ для ногайскихъ татаръ, выведенныхъ изъ Бессарабіи, но ими не вполнѣ занятыхъ. Съ 1822 по 1825 г. они основали на лѣвомъ берегу р. Молочной селенія Васильевку, Новоспасское и Астраханку, названную въ память губерніи, откуда молокане были выведены. Къ нимъ присоединились и тѣ молокане, которые было водворились сами въ томъ же уѣздѣ, при татарскихъ урочищахъ: Юзъ-Кай и Сары-гезъ. Въ 1830 годахъ ихъ было уже болѣе 1,500 душъ обоего пола, а въ концѣ 1860-хъ считалось по официальнымъ спискамъ до 4,540 душъ об. п.[1]). По показанію мѣстнаго начальства, они отличались «прекрасною нравственностію, трудолюбіемъ и замѣчательнымъ единодушіемъ, что составляетъ главную причину успѣха ихъ въ хозайственномъ быту. Овцеводство особенно доведено было у нихъ до совершенства». Но правительство, опасаясь ихъ пропаганды, ограничило ихъ пребываніе въ краѣ двумя условіями: 1) воспрещеніемъ называть свои усадьбы именами святыхъ, а также именами учителей, чтимыхъ этими сектантами и 2) не удаляться за черту земель, имъ отведенныхъ, болѣе 30 верстъ. Впрочемъ къ молоканамъ правительство относилось довольно снисходительно, особенно послѣ посѣщенія ихъ усадьбъ ученымъ ревизоромъ Кеппеномъ въ 1838 г.[2]).

Теперь обратимся къ духоборцамъ. Въ наши степи духоборцы перешли на жительство на основаніи слѣдующаго соизволенія юнаго императора Александра I. «Внявъ прошенію отъ духоборцевъ, въ слободской украинской губерніи обитающихъ, и получивъ таковое же отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ новороссійской губерніи[3]) живущихъ, о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и водвореніи сколько можно отдаленно отъ прочихъ, я призналъ за благо, сколько по уваженію претерпѣннаго сими людьми разоренія, сколько и по тому предположенію, что таковое отдѣленіе считаю я надежнѣйшимъ средствомъ къ погашенію ихъ ереси и къ пресѣченію вліянія ея на другихъ, переселить ихъ въ новороссійскую губернію, въ маріупольскій уѣздъ (нынѣ мели-

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ таврической губерніи. Спб. 1865 г., стр. XXXIX.

[2]) Въ 1879 г. молоканъ въ таврич. губ. считалось 3,864 д. обоего пола.

[3]) По волѣ имп. Павла 3 губерніи: херсонская, екатеринославская и таврическая названы были въ 1796 году „Новороссійскія губерніи“.

топольскій и бердянскій), на обильныхъ поляхъ, лежащихъ по теченію рѣчки Молочной»[1]).

Сперва явились изъ екатеринославской губерніи 30 семействъ духоборцевъ и устроили свои поселки на правой сторонѣ рѣки Молочной; это было началомъ селенія «Терпѣніе», впослѣдствіи главной усадьбы ихъ общества. При постоянномъ наплывѣ послѣдователей этой секты основались 4 другія селенія по теченію той же рѣки. При переходѣ ихъ въ таврическія степи считалось ихъ не болѣе 700 душъ об. пола, а въ 1830 году уже офиціально показывались болѣе 1,430 душъ.

Правительство отвело имъ въ полную собственность 27,800 десят. земли, съ правомъ пользоваться участками ногайскихъ земель, съ платою по 7 к. за десятину, и сверхъ того предоставило имъ пятилѣтнюю льготу отъ податей и повинностей.

Въ теченіи 40 лѣтняго существованія въ указанной мѣстности, духоборцы устроили вполнѣ девять обширныхъ и многолюдныхъ селеній, въ которыхъ въ 1841 году считалось 4,505 д. об. пола. Пять изъ этихъ усадьбъ находилось по теченію рѣки Молочныхъ водъ, а четыре близъ Молочнаго озера или лимана.

Въ какомъ положеніи, въ отношеніи хозяйства, находилось духоборческое общество въ 1830-хъ годахъ, можно судить по словамъ незабвеннаго М. С. Воронцова, отмѣченныхъ имъ по рукописи 1 части моей «Статистики Новороссійскаго края» въ 1832 году: «Большая часть духоборцевъ люди зажиточные и даже богатые, имѣютъ обширное скотоводство и улучшенное овцеводство. Они по своему домашнему быту и по хозяйственнымъ обзаведеніямъ принадлежатъ къ лучшимъ поселянамъ государства и могутъ даже служить примѣромъ хозяйственныхъ ихъ устройствъ».

Духоборцы не любили распространяться о своемъ вѣроученіи съ посторонними. Когда, по желанію преосвященнаго Гавріила, образованные священники просили ихъ, въ дружескихъ бесѣдахъ съ старообрядцами, изложить хотя вкратцѣ свое ученіе, они отвѣчали: «мы духомъ бодрствуемъ, духомъ Бога прославляемъ, отъ духа мечь беремъ и духомъ врага, т. е. грѣхъ побѣждаемъ».

---

[1]) Именной указъ 1802 г., января 25 новоросс. губернатору Миклашевскому.

Въ первые годы переселенія духоборцевъ на таврическія степи былъ у нихъ чѣмъ-то въ родѣ духовнаго и свѣтскаго старшины отставной капралъ Капустинъ, одинъ изъ выдающихся учителей духоборчества, жившій прежде съ такою же общиною на остр. Эзелѣ, а послѣ въ харьковской губерніи. Отличаясь большимъ умомъ и даромъ слова и обладая красивой наружностью, Капустинъ господствовалъ надъ всѣми безусловно, подобно анабаптистскому пророку Іоанну Лейденскому въ Мюнстерѣ. Баронъ Гакстгаузенъ, посѣтившій въ 1843 г. Терпѣніе, описывая домъ, принадлежавшій Капустину, говоритъ: «Домъ состоялъ изъ двухъ этажей; небольшая галлерея сбоку вела наверхъ. На эту галлерею Капустинъ выходилъ въ опредѣленные дни къ народу, собиравшемуся внизу на дворѣ. Тогда всѣ падали на колѣни и молились ему. Иногда онъ садился въ одной изъ залъ верхняго этажа, въ одну дверь входили мужчины, въ другую женщины цѣлой процессіей, цѣловали его руки и принимали благословеніе» [1]). Капустинъ устроилъ молитвенные домы, сперва въ основанномъ имъ селеніи «Терпѣніе», а послѣ въ Еремовкѣ и Горѣломъ. Близъ молитвеннаго дома, въ первомъ селеніи, построилъ нѣсколько домиковъ для сиротъ и бездомныхъ людей и для ихъ содержанія завелъ общественное скотоводство и мельницу на рѣкѣ Молочной. Въ земледѣльческомъ хозяйствѣ духоборцы ввели общинную обработку всѣхъ полей съ равнымъ раздѣломъ продуктовъ. На случай неурожая заведены были ими запасные общественные магазины хлѣба. Но главными занятіями сектантовъ были скотоводство, особенно—овцеводство (они разводили и мериносовъ), а также извозничество.

Духоборцы, какъ полагаютъ, не признавали въ принципѣ не только духовной, но и свѣтской власти, между тѣмъ они исправно платили подати и аренду за снимаемыя земли, давали рекрутъ и подводы; въ числѣ переселившихся на Кавказъ находимъ отставныхъ солдатъ изъ ихъ общества и даже кантонистовъ.

Они старательно соображали свою жизнь съ обычаями окружавшаго ихъ православнаго общества: праздновали Рождество Христово, Пасху и сошествіе св. Духа, праздновали также масляницу остановкою работъ и угощеніемъ, но никакого духовнаго зна-

[1]) Изслѣдов. внутр. отношеній народн. жизни, т. I, стр. 28?.

ченія не придавали этимъ праздникамъ. Къ этому надо добавить что духоборцы энергично преслѣдовали пьянство и воровство въ своей средѣ. Такимъ образомъ, независимо отъ вѣроученія, духоборцы были мирными и уживчивыми колонистами.

Но настали и для нихъ тяжкіе годы. Пока они жили, селились и богатѣли въ пустыняхъ Тавриды, не имѣя другихъ сосѣдей, кромѣ подобныхъ себѣ сектантовъ-менонитовъ и ногайцевъ, которыхъ турки считали мусульманскими вольнодумцами,—никакихъ жалобъ, нареканій или доносовъ на нихъ не было. Но съ усиленіемъ русскаго водворенія около Ногайска и близь основаннаго вновь Бердянскаго порта, явились у духоборцевъ соперники и даже завистники. Многіе удивлялись ихъ богатству и благосостоянію, приписывая это не труду и воздержной ихъ жизни, а помощи нечистой силы. Первое нападеніе сдѣлалъ какой-то Ефименко, предлагавшій управленію государственныхъ имуществъ отобрать у духоборцевъ тѣ земли, которыя имъ даны на основаніи царскихъ милостей 1802 года съ платою по 20 коп. ассигнаціями за десятину, и сдать ему съ платою по 60 коп. и даже по 1 руб. ассигн. за десятину. Когда предложеніе это не было принято, онъ и ему подобные начали доказывать вредъ отъ пребыванія такихъ «безбожниковъ», какъ духоборцы, среди православнаго русскаго народа. Такого же взгляда держались и многіе представители мѣстной администраціи. Такъ, въ 1816 году херсонскій военный губернаторъ Ланжеронъ сдѣлалъ представленіе о выселеніи духоборцевъ изъ таврической губерніи, вслѣдствіе «развратной ихъ жизни, зловредныхъ для общества правилъ и желанія разсѣевать ихъ между другими». Но правительство отвергло это предположеніе: «не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять надлежитъ (говорилъ Высочайшій указъ), но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти» [1]).

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, какъ сан[illegible] школы императора Александра I по части вѣротерпимости, ж[illegible] усердно возсоединенія духоборцевъ съ православной церковью, но

[1]) Полн. собр. Зак., т. XXXIII № 26, стр. 550.

не одобрялъ вовсе принудительныхъ къ тому мѣръ. Даже императоръ Николай I выразилъ лишь желаніе о приведеніи этихъ сектантовъ къ безпрекословному исполненію всѣхъ гражданскихъ обязанностей и къ сближенію ихъ *по возможности* съ православною церковью (22 февраля 1838 г.)

Съ этою цѣлью неоднократно были направляемы образованныя духовныя лица для сношеній и бесѣдъ съ духоборцами, но сектанты не вступали даже въ серьезные съ ними споры, извиняясь совершеннымъ незнаніемъ ни священнаго писанія, ни твореній отцевъ Церкви, отвергали только названіе «раскольниковъ», такъ какъ, по ихъ словамъ, ни они, ни праотцы ихъ къ церкви православной «не принадлежали» и никогда слѣдственно отъ нея «не отступали».

Вскорѣ однако среди самой секты обнаружились такія явленія, съ которыми правительство не могло помириться.

Со смертію Капустина, энтузіазмъ, отличавшій первые шаги секты, изчезъ, вмѣстѣ съ живымъ вліяніемъ его личности, которымъ и держался въ напряженномъ состояніи. Симптомами ослабленія и упадка его явились во первыхъ какія то «мистеріи» (по выраженію бар. Гакстгаузена), вѣроятно, радѣнія, въ родѣ хлыстовскихъ; говорили, по крайней мѣрѣ, что «мистеріи» эти сопровождались оргіями, въ которыхъ принимали участіе 30 «старшинъ»; во вторыхъ, явилась среди сектантовъ нетерпимость къ отступникамъ, результатомъ которой было учрежденіе ими страшнаго, истинно инквизиціоннаго судилища. Выраженіе: «кто отречется отъ своего Бога, да погибнетъ отъ меча», получило буквальное толкованіе. Домъ засѣданія суда назывался *рай и мука*; мѣсто казни было на островѣ при устьѣ Молочной. Уже по одному подозрѣнію въ измѣнѣ или въ переходѣ къ православію подвергали [illegible]кѣ и смерти. Въ продолженіи двухъ лѣтъ пропало, большей [illegible]ію безслѣдно, до 400 чел. Послѣднее разслѣдованіе со [illegible]сны правительства (по словамъ бар. Гакстгаузена) дало ужасные результаты; найдено нѣсколько за-живо похороненныхъ, многіе были изуродованы» [1]).

---

[4]) Харламовъ, Духоборцы, „Русская Мысль", 1884 г., № 12, стр. 113.

Въ концѣ 1828 года отношенія правительства къ духоборцамъ такъ обострились, что имъ предложено было на выборъ: или соединиться съ православною церковью, или выселиться изъ Крыма на земли болѣе отдаленныя, напримѣръ въ Закавказскія провинціи. Послѣднее предположеніе имѣло въ виду пресѣчь возможность уклоненія отъ военной службы. Предложеніе Ермолова о выселеніи духоборцевъ въ Закавказье принято въ комитетѣ министровъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ духоборцы будутъ поставлены въ постоянную необходимость защищаться противъ горцевъ; во вторыхъ, такое ихъ употребленіе удержитъ другихъ отъ поступленія въ секту [1]). Только ничтожное меньшинство поколебалось, остальные всѣ согласились на переселеніе, которое началось въ 1841 году и продолжалось до 1845 г. Передъ отходомъ ихъ правительство уплатило имъ цѣнность усадебныхъ строеній, а они, съ своей стороны, внесли вполнѣ слѣдующія съ нихъ подати. Такимъ образомъ таврическія степи лишились болѣе 4,000 лучшихъ хлѣбопашцевъ, а земли ихъ отданы другимъ русскимъ переселенцамъ. Въ девяти упомянутыхъ нами селеніяхъ считается теперь болѣе 9,000 душъ об. пола, большею частію великороссійскихъ поселянъ. Говорятъ, что тѣ духоборцы, которые раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, возвратились назадъ изъ своихъ закавказскихъ селъ, водворены на прежнихъ ихъ мѣстахъ; но сколько ихъ было, намъ неизвѣстно.

А. А. Скальковскій.

Письмо О. М. Бодянскаго къ А. В. Шишацкому-Иллочу.

Послѣ покойнаго редактора неоффиціальной части «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Шишацкаго-Иллича, осталась богатая библіотека, довольно большое собраніе старинныхъ малорусскихъ рукописей, масса писемъ. Почти все это (какъ это часто у насъ случается) безслѣдно исчезло. Уцѣлѣла часть дѣловой переписки и одна тетрадь его дневника.

---

[1]) Изслѣд. внутр. отношеній, т. I, стр. 275.

Шишацкому-Илличу удалось привлечь къ сотрудничеству въ «Вѣдомостяхъ» почти всѣ наличныя малорусскія литературныя и ученыя силы того времени; г.г. Кулишъ, Лазаревскій, Ефименко, Глѣбовъ и т. д. принимали въ нихъ довольно живое участіе. Большинство сотрудниковъ находилось въ довольно оживленной перепискѣ съ редакторомъ. Въ этой перепискѣ дѣловые счеты и переговоры очень часто чередуются съ соображеніями и вліяніями чисто личнаго свойства.

Помѣщаемое ниже письмо Бодянскаго взято нами изъ остатковъ этой дѣловой переписки. Бо́льшая часть его представляетъ мало интересные переговоры о полученіи Губ. Вѣдомостей, номеровъ «Чтеній» и т. д. Интересенъ конецъ письма, весьма характтрный для Бодянскаго: онъ-то и побудилъ насъ предать тисненію все письмо.

Милостивый государь, Александръ Васильевичъ.

Письмо ваше отъ 7-го прошлаго мѣсяца и при немъ три книги «протоколовъ 1686, 1688 и 1689 года», равно какъ «Черниговскія Губернскія Вѣдомости» за 1855—56 гг., да текущаго 26 №№, къ которымъ по сіе время прибыло еще 4 (27—30), получилъ. Принося вамъ мою искреннюю благодарность за то и другое, скажу, что года 1857 Губернскихъ Вѣдомостей не дослано, хотя и стоитъ онъ въ вашемъ письмѣ въ числѣ отправленныхъ; равномѣрно въ 1855 году не доставлено 2 и 52, а въ 1856 также двухъ, 26 и 51 №№.

Протоколы въ свое время непремѣнно будутъ помѣщены въ «Чтеніяхъ» нашего историческаго общества, а потомъ немедленно подлинники возвратятъ по принадлежности. Во взаимность посылаю вамъ при семъ двѣ книжки «Чтеній» и нѣсколько оттисковъ изъ прежнихъ статей о Малороссіи; болѣе не отыскалось пока подъ рукой. Жалко, что болѣе 30 оттисковъ, посланныхъ мною для редакціи Черниговскихъ Вѣдомостей во время завѣдыванія имъ г. Ростовцева [1]), теперь нѣтъ въ ней.

Продолженіе «Чтеній» будете получать исправно, по мѣрѣ выхожденія каждой книги. Я полагалъ бы нужнымъ, для большаго ознакомленія съ ними, печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ со-

---

[1]) Предшественника Шишацкаго-Иллича.

держаніе каждой нововышедшей книги »Чтеній», по крайней мѣрѣ въ Губернскихъ Малороссійскихъ Вѣдомостяхъ, да вѣдають православные малороссы, что и на Москвѣ есть люди, которые кое-что подѣлываютъ для ихъ стороны. Если между своими не будетъ взаимности, то отъ кого-же прикажете ждать ее? Ужели отъ чужихъ! Общество наше не нуждается въ томъ, чтобы о немъ трубили тамъ и сямъ, ни для своей извѣстности, ни для сбыта своихъ изданій. Но, думаю, нужно знать тѣмъ, кѣмъ занимается оно, что именно сдѣлано имъ для нихъ. Не такъ ли?

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности вашего, милостивый государь, покорнѣйшаго слуги, О. Бодянскаго. Августа 17-го дня 1858 г.

Сообщ. **В. К—шъ.**

Преданія о Лебединскомъ монастырѣ и селѣ Лебединѣ.

Въ сѣверо-западномъ углу чигиринскаго уѣзда лежитъ большое село Лебединъ, а при немъ нѣсколько столѣтій существовалъ, нынѣ уже «зруйнованный», Георгіевскій мужской монастырь, замѣненный съ конца прошлаго столѣтія монастыремъ женскимъ, извѣстнымъ также подъ названіемъ лебединскаго. Лебединъ представляетъ собою одно изъ типичнѣйшихъ украинскихъ селъ; онъ буквально утонулъ «въ садкахъ», «кохается» въ морѣ зелени; лишь стройные, четырехкрылые «витряки» гордо и открыто высятся по-надъ селомъ. Восточный и южный края села упираются и сползаютъ въ балки, которыя служатъ верховьями рѣчки Туріи. Когда-то эти балки изобиловали водой, на нихъ было расположено до десятка водяныхъ мельницъ; теперь отъ прежняго обилія водъ осталось лишь два ставка: *Лозовый*, расположенный въ селѣ, у подножія бывшаго монастыря, и *Тартакъ* или *Чернечій* ставокъ, лежащій за селомъ по направленію къ селу Журавкѣ, у «Чернечого хутора».

Населенія въ Лебединѣ насчитываютъ болѣе пяти тысячъ душъ. Глубокій черноземъ и сосѣдство сахарнаго завода, могущаго доставить заработокъ, отнюдь не вынуждающій ухода хозяина изъ села, являются причиной относительной зажиточности крестьянъ. Земледѣліе и работа на заводѣ суть единственныя формы труда мѣстнаго населенія; богатѣйшіе сады, которые, при раціональной культурѣ

ихъ, могли-бы явиться источникомъ обильныхъ доходовъ крестьянъ, совсѣмъ не эксплуатируются; то же приходится сказать и относительно пчеловодства—лишь одинъ хозяинъ занимается исключительно пасѣкой.

Въ селѣ есть двѣ церкви: «мурована», сооруженная въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и деревянная, построенная недавно, уже въ 80-хъ годахъ, на мѣстѣ бывшаго монастыря; есть сельская школа, проэктируется съ этого года и церковно-приходская.

Лебединъ, въ смыслѣ населеннаго пункта, существовалъ уже въ XVI ст. и былъ однимъ изъ видныхъ пунктовъ на границѣ съ татарскими степями; тутъ была пасѣка Богдана Хмельницкаго, тутъ осесялъ слободы Александръ Дука, господарь молдавскій, посланный сюда султаномъ во время господства здѣсь и въ Подоліи турокъ. Въ народѣ о возникновеніи этого пункта не осталось опредѣленныхъ преданій, по крайней мѣрѣ эти преданія не идутъ далѣе «Гайдамачины», которая, какъ извѣстно, заслонила въ памяти народной событія и лица предшествовавшихъ эпохъ. Пунктомъ, отъ котораго начался Лебединъ, считается, по преданію, мѣстность бывшаго мужскаго монастыря, такъ называемое прежде урочище Чичково; здѣсь поселился, по словамъ однихъ, «розбійникъ», по выраженію другихъ «гайдамака» Лебедь, отъ него-то и пошло названіе «Лебединъ».

— Та Богъ ёго святый знае, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ о происхожденіи сего названія «старецъ» Калeникъ; кажуть люди, що не наче-бъ тутъ живъ колись розбійникъ Лебедь, хутиръ, чи що, тутъ ёго бувъ.....

— Тутъ бувъ скризь сылный лисъ, говорилъ семидесятилѣтній Бодайко; якъ разъ по-надъ самымъ яромъ стояла колись кампличка; іи построивъ Лебедь; бувъ такій гайдамака, звитяжець....., набравъ гайдамакъ, тай сидивъ отъ якъ хутиръ! Потимъ, якъ винъ вже вмеръ—Богъ ёго знае..... на тому мисти церкву зробили Покрову, багато пройшло!.....

Въ 1872 году, во время холеры, крестьянинъ Дубовый въ своемъ огородѣ копалъ яму для умершаго ребенка; при рытьѣ найдены были, между прочими металлическими вещицами, много металлическихъ наконечниковъ стрѣлъ. Находка была сдѣлана подъ однимъ изъ множества холмиковъ, разбросанныхъ по всей усадьбѣ

Дубоваго и его сосѣда. По поводу этой находки мнѣ случилось слышать слѣдующее: когда еще на мѣстѣ Лебедина стоялъ хуторъ Лебедя, набѣжали татары съ криками «Галла! галла!» Хуторъ Лебедя, скрытый въ лѣсахъ, не былъ ими замѣченъ.

— А Лебедь мавъ (десь уже взявъ) рушныцю, а тоди тильки стрилами стриляли. Ну, треба дати имъ откоша, каже; та якъ пальнувъ, такъ и покотивъ найстаршого. Такъ ото ёго оттутъ и закопали.

— Дуже старе це мисце—старище видъ Кіева, добавилъ разсказчикъ.

Какъ на мѣстѣ «камплички» выросъ монастырь и когда это случилось, народъ не помнитъ. Въ «Очакивську зиму» сгорѣлъ монастырь; огонь истребилъ монастырскій архивъ и все, что могло сказать о прошломъ этого безспорно историческаго мѣста. Послѣ пожара, какъ говорятъ, въ монашеской кельѣ была сооружена временная «церковця», хворостяная, укрытая очеретомъ, но это мѣсто лежало выше того, на которомъ стояла «кампличка» Лебедя, а потомъ монастырская церковь: послѣ были выстроены двѣ церкви—каменная и деревянная, которыя и представляли монастырь въ послѣднее время его существованія, т. е. до 40-хъ гг.

Крестьяне старики изъ разсказовъ своихъ стариковъ знаютъ кое-что о заселеніи Лебедина, быть можетъ даже томъ, которое произошло послѣ «руины»; но народное преданіе придвигаетъ его, по всей видимости, ко временамъ послѣ «Коліившины», принимая это заселеніе за первоначальное.

— Потимъ, прибавлялъ Бодайко, уже якъ приписка вийшла, ночали сходитись люди, займали земли, скильки хотили; щепили садки, сажали жывцi; зъ усихъ бокивъ люди такъ и посыпались; мій дидъ изъ Золотоноши.

Старыхъ поселенцевъ, которыхъ застали уже новые, насчитываютъ дворовъ девять; остальное населеніе состоитъ изъ пришлыхъ.

— Зъ тои поры якъ ставъ Лебединъ, тай Лебединъ, тай Лебединъ!.... заключилъ Бодайко.

Воспоминанія о набѣгахъ татаръ циркулируютъ въ большомъ количествѣ среди населенія Лебедина. Къ сожалѣнію, они такъ сказать вывѣтрились и отличаются значительнымъ однообразіемъ: подробности перезабыты, остались едва общія мѣста. Вотъ для примѣра одинъ изъ разсказовъ этого рода.

«Набигла орда; люди зарубали шляхъ на Колонтаивъ (дорога къ селу Матусову). А винъ (татаринъ) якъ ускочивъ сюда, та найшовъ сотського, та каже: господинъ сотській, женить, каже, людей до Шполы (сосѣднее мѣстечко); кажить, що орда звидтиля (зъ Колонтаива) иде. Сотській звычайне злякався, та давай по селу кричать, люди и кинулись до Шполы. А тамъ тилько хто выскочить зъ-за горы, заразъ ёго на арканъ» и т. д.

По словамъ старика Токара, сообщившаго это преданіе, это было въ послѣдній набѣгъ татаръ на Лебединъ и свидѣтелемъ этого событія была его мать.

Съ памятью о монастырѣ въ народѣ связаны воспоминанія о Малхесидекѣ Значко-Яворскомъ, какъ игуменѣ лебединскаго монастыря. Странно, что такое преданіе распространено и въ другихъ мѣстахъ, хотя на самомъ дѣлѣ знаменитый въ своемъ родѣ Мелхиседекъ никогда не былъ игуменомъ этого монастыря. Поводомъ къ сему послужило, конечно, близкое сосѣдство мотронинскаго монастыря, въ которомъ игуменствовалъ Мелхиседекъ, а равно и то, что онъ былъ «правителемъ» всѣхъ украинскихъ церквей и монастырей, а слѣд. и лебединскаго, и могъ въ немъ часто бывать по близкому сосѣдству. Хотя документально доказано, что съ конца 1766 г. Мелхиседекъ не былъ въ своемъ монастырѣ до и послѣ возстанія 1768 г., но, вырвавшись изъ уніатской тюрьмы въ Городкѣ на Волыни, проживалъ въ Переяславѣ и предъ самымъ возстаніемъ писалъ оттуда увѣщательныя посланія къ украинскому народу, всячески отклоняя его отъ бунта и кровопролитія, но иниціативу «Коліивщины» преданіе приписываетъ ему и этимъ повторяетъ обвиненіе, пущенное польскою стороною, дошедшее чрезъ нашего посла въ Польшѣ кн. Волконскаго до Екатерины и бывшее причиною перемѣщенія Мелхиседека «пристойнымъ образомъ за Днѣпръ». Лебединское преданіе говоритъ, что когда гайдамаки прибыли въ лебединскій монастырь и потребовали, чтобы Мелхиседекъ освятилъ «кинджалы», послѣдній отказался исполнить это требованіе. «Тоди старшій межъ ними каже: а, коли ты боишься царськои кары, то не побоишься нашои—на килъ ёго!» Мелхиседекъ сталъ увѣщевать. Раздались крики: «такъ и ты бузувиръ, такъ и ты за жидивъ та ляхивъ!» И «старшій» сталъ перечислять всѣ безчеловѣчія и безчинства, какія совершали тогда надъ народомъ поляки и жиды. Мелхиседекъ уступилъ будто-бы и освятилъ ножи.

Теперь отъ Георгіевскаго лебединскаго монастыря не осталось ничего, кромѣ удивительно прочной «брамы», сооруженной еще въ прошломъ столѣтіи; на верхней перекладинѣ оной вырѣзанъ четырехконечный крестъ, а рядомъ надпись: «1770 года сооруженно за игуменства іеромонаха Филофея Контаесовского». Недавно еще были надгробныя плиты на кладбищѣ, расположенномъ здѣсь же въ роскошномъ саду, но теперь мнѣ уже не удалось ихъ найти.

Михаилъ Васильевъ.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ „книгъ правнихъ“ на малорусскій языкъ.

Покойный нашъ профессоръ, А. Ѳ. Кистяковскій, издавшій въ 1879 г. въ Кіевѣ огромную рукопись, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», въ своемъ предисловіи къ этому изданію (стр. 5—9) начало свода и перевода «правнихъ книгъ», т. е. тѣхъ кодексовъ и сборниковъ, которыми руководствовались малороссійскіе суды, относитъ къ гетманству Даніила Апостола и царствованію Петра II. Таково и общепринятое у насъ мнѣніе по сему предмету.

Приводимый ниже универсалъ гетмана Скоропадскаго отъ 16 мая 1721 г. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дѣло перевода, если не свода дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законовъ начато еще въ царствованіе Петра I-го, за годъ до смерти гетмана Скоропадскаго и безъ сомнѣнія по его ходатайству. Кромѣ этого новаго, совершенно неизвѣстнаго факта, въ универсалѣ обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ гетманъ говоритъ: «Зайшовъ... указъ.... правніе книги *на наше русское виложити нарѣчіе*», тогда какъ указомъ 1728 года требовалось перевести эти книги «*на великороссійскій языкъ*». Къ сожалѣнію, самаго указа нѣтъ и намъ неизвѣстны его мотивы. О нихъ можно впрочемъ догадываться. На малороссійскіе суды сыпались укоры во взяточничествѣ и пристрастіи, доходившіе до государя и имъ предъявляемые гетману. Гетманъ заступался за суды; но не могъ онъ не видѣть, что главнѣйшею причиною злоупотребленій въ нихъ служили противорѣчіе законовъ, рѣдкость ихъ источниковъ и недоступность ихъ по языку. Отсюда необходимость перевода и свода. Универсалъ называетъ избранныхъ переводчиковъ, указываетъ нѣкоторыя

предоставленныя имъ средства. Было ли что сдѣлано во исполненіе «премоцнѣйшаго указа»,—не знаемъ. Памятниковъ первоначальныхъ по этому трудовъ не дошло до насъ; не указываетъ ихъ и «правная» комиссія 1730 г., но быть можетъ они гдѣ либо сохраняются и со временемъ объявятся. Будемъ пока довольствоваться универсаломъ. По титулѣ гласитъ онъ слѣдующее:

«Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, особливе пану полковникови гадяцкому, зъ старшиною его полковою и сотниками, симъ нашимъ объявляемъ унѣверсаломъ, ижъ зайшолъ насъ премощнѣйшій царского священнѣйшого величества, государя нашего всемилостивѣйшого указъ таковой, дабысмо повелѣли правніе книги, зъ которихъ зде въ Малороссіи всякіе справи судими бываютъ, а именно Саксона, Статутъ великого князства литовского и Порядокъ, зъ полского діаліекту на наше руское виложити нарѣчіе; якое монаршое мы исполняючи повелѣніе, назначаемъ на исправленіе того дѣла п.п. Александра Ситенского, писара полкового гадяцкого и Захарія Рощаковского, знатного товарища войскового, которіе повинни неотложно книгу правную Саксона, разобравши по секстерне, перекладати на здѣшнее нарѣчіе. У помощъ засъ для писаня опредѣляемъ писцовъ Андрѣя Пѣщанского и Григорія Балясного, бывшихъ при судіи енералномъ, такожъ писара городового опошнянского. А болше, если того будетъ указовать потреба, позволяемъ имъ же п.п. Ситенскому и Рощаковскому, когда могутъ въ томъ гадяцкомъ полку зъ годнихъ до переписки усмотрѣвши въ школахъ, чили где инде, употребити. А переложивши скилка секстерновъ, заразъ оніе сюда, къ намъ, оніе прислати повинни. Въ чомъ абы имъ п.п. Ситенскому и Рощаковскому, где надлежатиметъ, свѣдчана была неотмовная помощъ, особливе въ зисканю писцовъ, пилно рейментарско упоминаемъ и приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, мая 16, року 1721.

А на препитаніе тихъ писцовъ и на папѣръ вираженному въ семъ нашемъ указѣ дѣлу потребнихъ, мѣетъ панъ господарь гадяцкій зъ нашей покуховнихъ, до скарбу войскового вибираючихся, по слушности и по потребѣ приказать видавати, повелѣваемъ.

Звишменованный гетманъ рукою власною».

Собщ. **Ал. Лазаревскій.**

По пирятинскому уѣзду.

(Кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства).

Лѣтомъ минувшаго года пришлось мнѣ осмотрѣть до 20 церквей пирятинскаго уѣзда полтавской губерніи. Мною руководило при этомъ желаніе ознакомиться въ сельскихъ храмахъ съ остатками церковной старины, въ видѣ священныхъ предметовъ, рукописей и пр. Увы, этихъ предметовъ такъ мало, что и говорить было бы не о чемъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о положеніи здѣсь сельскаго священника въ прошломъ столѣтіи и мнѣ кажется, что они не лишены интереса для всякаго русскаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, почему и дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

Жизнь сельскаго священника здѣсь въ прошломъ столѣтіи мало чѣмъ разнилась отъ жизни сельскаго обывателя, простолюдина. Сельскій священникъ того отдаленнаго уже отъ насъ времени былъ лишь старшій межъ равными; происходя не рѣдко изъ той же среды и будучи выбранъ сельскою общиной, онъ связанъ былъ съ нею многими узами и такъ или иначе зависѣлъ отъ нея. Сельскаго священника прихожане знали не только, какъ исполнителя таинствъ и требъ, какъ наставника и учителя, но и какъ члена своей семьи, участвовавшаго въ горѣ и радостяхъ своихъ пасомыхъ, въ ихъ нуждахъ и заботахъ, въ ихъ даже сходахъ, въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Сельскій священникъ того времени былъ въ семьѣ своего прихожанина, такъ сказать, своимъ человѣкомъ, не брезгалъ его хлѣбомъ-солью, иногда и пирушкой, а съ почетнѣйшими водилъ и самъ хлѣбъ-соль и принималъ ихъ у себя, какъ гостей; вѣдалъ подъ часъ домашнія и сосѣдскія ихъ дѣла, былъ ихъ судьею и миротворцемъ. Столько же почти близкимъ и своимъ былъ онъ и въ кружкѣ сельскаго дворянства, успѣвшаго порвать связи съ народомъ уже въ прошломъ вѣкѣ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ на послѣднюю тему священникъ.

Запросто бывало любила въ праздникъ общественный или семейный сходиться у священника С., жившаго въ с. М—цахъ, мѣстная аристократія. Послѣ службы Божіей (а тогда, прибавилъ разказчикъ, всѣ паны считали своимъ долгомъ быть каждое воскресенье въ церкви, пѣли на клиросѣ и чуть ли не по очереди чи-

тывали Апостолъ и «Вѣрую») всѣ шли къ свему отцу духовному на «Отче нашъ», какъ говорилось тогда, а иногда и на обѣдъ. По обѣдѣ направлялись въ «кимнату», по срединѣ которой на «доливкѣ» разстилался солидныхъ размѣровъ домашней работы «килымъ» или коверъ; тутъ гости и усаживались въ кругъ, поджавъ ноги. Появлялась варенуха, сливянка или терновка и гости «балакали», а не то играли въ «трилисника». Случалось, что подвыпившій гость начиналъ за «трилисникомъ» шумѣть. Тогда хозяинъ дома обращался къ шумѣвшему съ такимъ приблизительно внушеніемъ:

— Ты бо (имярекъ) схаменись, бо якъ скрутимо джгута, то довго будешъ чухати спину.

И иной разъ несговорчивому панку и дѣйствительно приходилось съ похмѣлья «чухать спину»...

Полтавско-пирятинскій сельскій священникъ прошлаго столѣтія былъ въ собственномъ смыслѣ учителемъ своихъ прихожанъ и ихъ дѣтей; онъ училъ и въ церкви, и въ школѣ. Въ церкви читалъ и толковалъ своимъ прихожанамъ молитвы, заставляя затверживать ихъ наизустъ, читалъ и объяснялъ даже катихизисъ, объявлялъ праздники, какіе слѣдовали на недѣлѣ, обличалъ случавшіяся въ селѣ безчинства, конечно, не въ формѣ проповѣдей. Въ школѣ грамоту и также молитвы изучали подростки подъ руководствомъ опять таки священника. При сельскихъ церквахъ пирятинскаго уѣзда въ XVIII ст. существовали школы, устрояемыя на счетъ громады и церкви, а въ нихъ учили члены причта. Изъ уцѣлѣвшихъ документовъ, хранящихся при библіотекахъ нѣкоторыхъ церквей пирятинскаго уѣзда, видно, что школы существовали: въ с. Малютинцахъ въ 1770 г., въ с. Кейбаловкѣ, гдѣ въ 1828 г. отъ школы остался одинъ «плецъ», въ с. Повстинѣ и др. Повстинскую школу постигла та же участь, что и кейбаловскую: по описи 1828 г. церкви с. Повстина видно, что мѣсто, гдѣ прежде стояла школа, въ этомъ году было пустопорожнее и отмѣчено, какъ *безполезное* для церкви. Не этимъ ли, позднѣе, по особымъ причинамъ, сложившимся взглядомъ сельскихъ священниковъ на школу объясняется регрессъ въ грамотности, какой напр. случился въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, гдѣ въ 1752 г. 1 грамотный приходился на 1,191 душу муж. п., а въ 1885 г. 1 грамотный на 1,793 души муж. пола?

Сельскіе пастыри той мѣстности и времени, о которыхъ у насъ рѣчь, получали образованіе въ черниговской славяно-латинской школѣ, переяславскомъ семинаріумѣ, кіевской академіи и харьковскомъ коллегіумѣ. Извѣстный своею ученостью харьковскій коллегіумъ и кіевская академія, вмѣщавшія 1140—1230 питомцевъ, особенно привлекали къ себѣ алчущихъ и жаждущихъ умнаго свѣта. Въ данномъ случаѣ для насъ важно то, что учившіеся даже въ академіи шли въ сельскіе священники и конечно могли быть хорошими учителями, наставниками, руководителями сельской жизни.

Чѣмъ же платило сельское общество такъ много значившему для него лицу, котораго при томъ само избирало себѣ пастыремъ? Какія средства давало оно ему для существованія?

Въ церковныхъ описяхъ 1827 г., какія мы имѣли возможность видѣть почти во всѣхъ посѣщенныхъ нами церквахъ, при перечнѣ священниковъ, бывшихъ въ извѣстномъ селѣ въ прошломъ вѣкѣ, о каждомъ говорится: «... пользовался отъ прихожанъ доброхотнымъ даяніемъ». Такимъ образомъ, основою обезпеченія сельскаго пастыря въ XVIII в. были прежде всего доброхотныя даянія прихожанъ. Но эти даянія оформлены были письменными договорами обѣихъ сторонъ, пастыря и его прихожанъ, заключавшимися при выборахъ священника сельскимъ обществомъ, громадой. Въ числѣ доброхотныхъ даяній въ такихъ договорахъ первое мѣсто занимали земли, которыя отводили прихожане въ пользованіе причта. Онѣ выдѣлялись главнымъ образомъ изъ общественныхъ земель и угодій; кромѣ пахатныхъ и сѣнокосныхъ полей были и такъ называемыя угодья: рыболовные пруды, луга, гаи, лѣса. Надѣлы производились вновь со ссылкою на пятую заповѣдь и уваженіе къ священнику, иногда-же на указъ, не только въ концѣ прошлаго, но и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Намъ пришлось видѣть дарственную запись козаковъ с. Харьковецъ на землю, въ количествѣ 31 дес., въ пользу причта, въ 1828 г. Мы отмѣчаемъ эту запись потому, что козаки (48 челов.) надѣляютъ землю причту *въ одномъ кускѣ*. Быть можетъ, эта запись можетъ указать на слѣды общиннаго владѣнія, существовавшаго въ лѣвобережной Украйнѣ еще въ текущемъ столѣтіи. Выдѣлялись прихожанами, но уже исключительно для одного священника, грунты, гдѣ и строились для священниковъ жилыя помѣщенія. Правда, такое обезпеченіе было не обязательно и священ-

ники жили иногда на квартирахъ, нанимаемыхъ ими самими, иногда-же, пользуясь добрымъ сердцемъ своихъ прихожанъ, запросто впрашивались въ чью-либо избу и тамъ жили.

Въ договорахъ точно обозначалась плата, какая условливалась при выборахъ, за совершеніе каждой требы. Таксы такого рода существовали рядомъ съ официіальными, какія устанавливались царскими, синодальными и консисторскими указами. Онѣ многочисленны и разнообразны. Для образца приведемъ росписку 1768 г, ставленника Василія Андріевскаго, данную жителямъ с. Талалаевки, роменскаго уѣзда; по ней онъ обязывался взимать: за крещеніе младенца 3 к., за вѣнчаніе первобрачныхъ 10 к., вѣнчающихся вторымъ и третьимъ бракомъ 20 к., за «вводины» 5 к., за вѣнчаніе чужихъ прихожанъ не болѣе 1 руб.; за малый похоронъ 5 к., за большой 10 к., за освященіе дома 20 к., за поминальную обѣдню 10 к., за сорокоустъ 2 руб., за молебенъ 10 к., панихиду 10 к.

Сверхъ денежной платы за требоисправленія, священникъ имѣлъ право сбора хлѣба съ прихожанъ, право такъ называемой *роковщины*. Размѣръ роковщины также обозначался въ договорахъ: отъ имѣющаго до 3 воловъ брали зерна полъчетверика государевой мѣры, до 4 воловъ или плугъ—одинъ четверикъ. Зерно принималось священникомъ то, какое выдавалъ прихожанинъ.

Собственность священниковъ, родовая и благопріобрѣтенная (путемъ наслѣдства, купли и приданное) въ видѣ грунтовъ съ постройками, домашнимъ скарбомъ и пр., играли нерѣдко болѣе значительную роль въ обеспеченіи священника, особенно его семьи, чѣмъ доброхотныя даянія прихожанъ.

Прошло много лѣтъ отъ того времени, котораго мы коснулись; но теперешнее положеніе священниковъ пирятинскаго уѣзда относительно матеріальнаго обезпеченія мало въ чемъ измѣнилось: 8 изъ 16 священниковъ, не имѣя никакой собственности, должны исключительно существовать на средства, получаемыя отъ прихожанъ, довольствуясь тѣмъ-же архаическимъ вознагражденіемъ за свой трудъ. Въ этой формѣ и скудной мѣрѣ вознагражденія за трудъ священника, намъ кажется, заключается источникъ и нареканій на поборы отъ священниковъ и самыхъ поборовъ, несоотвѣтствующихъ ни сану, ни положенію пастыря, причина неудовле-

творительныхъ отношеній пасомыхъ къ пастырю и обратно, относительной бѣдности духовенства и уклоненія лучшихъ силъ онаго отъ будущей пастырской миссіи. «Доброхотныя даянія» не условливаются теперь добровольными соглашеніями, но т. ск. практикой, которая для каждаго почти прихода своя, и это тѣмъ хуже для обѣихъ сторонъ. Плата за требы въ общемъ значительно возвысилась, но она и на половину не удовлетворяетъ нуждъ священника и его семьи. Теперь въ мѣстности, о которой говоримъ, за требы взимаютъ приблизительно такъ: за крещеніе 10 коп., за вѣнчаніе 8 р., за похоронъ малаго 30 к., за похоронъ взрослаго 50 к., за молебенъ отъ 50 к. до 1 р. Водосвятіе, освященіе полей, скота, избъ и т. п. по личному соглашенію. Въ недавнее еще время существовала здѣсь предковская «роковщина», но она видоизмѣнилась такимъ образомъ, что, вмѣсто прежняго сбора зерна отъ имущаго рабочій скотъ, теперь каждый дворъ высылалъ ежегодно къ священнику рабочаго (косаря, или вязальника) безъ платы на одинъ день. Въ нѣкоторыхъ селахъ удержался также обычай убирать хлѣбъ или сѣно священнику *толокой*, для которой избираются всѣмъ памятные дни: Прокопа (8-го іюля), Гавріила (13-го іюля), Иліи (20-го іюля), Палія (Пантелеимона, 27-го іюля) и др. Существовалъ не такъ давно, но теперь уже совсѣмъ вывелся обычай «льнованія», состоявшій въ томъ, что «матушка», при участіи опытной молодицы, пріѣзжала на домъ къ болѣе зажиточнымъ прихожанкамъ и, послѣ потребленія привезеннаго ею-же угощенія, получала ленъ, коноплю и пр.

Архаическая форма вознагражденія за трудъ священника, скажемъ въ заключеніе, чуть ли не главная причина ослабленія единенія между сельскимъ пастыремъ и его прихожанами. На это указывалъ намъ одинъ изъ старожиловъ-священниковъ названной нами мѣстности. «Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ священникъ не имѣетъ никакой собственности и во всемъ глядитъ въ руки прихожанъ, отношенія ихъ большею частію если не враждебны, то холодны и далеки; напротивъ, у священниковъ, имѣющихъ собственныя достаточныя средства, отношенія къ прихожанамъ и обратно далеко искреннѣе».

Z.

Какъ готовилось екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ импер. Екатерины II.

9-го мая сего года Екатеринославъ будетъ праздновать столѣтіе своего существованія. Одновременно съ этимъ во многихъ просвѣщенныхъ уголкахъ Украйны и Новороссіи вспомнятъ о путешествіи на югъ, совершенномъ въ 1787 году Екатериною II.

Это путешествіе надолго взволновало нашъ югъ, не опомнившійся еще отъ произведенной въ немъ всесторонней ломки: разгрома Запорожья, переустройства гражданскаго и соціальнаго, введенія новыхъ властей, призыва новыхъ поселенцевъ. Все предшествовавшее лѣто и осень, во всю слѣдующую зиму, особенно же ранней весной шли по всему пути на широкую руку приготовленія къ встрѣчѣ «Державной»: строились временные дворцы, разбивались роскошныя палатки и шатры, выстраивались цѣлыя слободы на берегу Днѣпра, въ виду дворцевъ, стягивались экипажи и лошади, заготовлялись всевозможные припасы, чистились города и села по пути, чинились и устраивались вновь мостовыя, выравнивались улицы и дороги, вылавливались нищіе, пьяницы и бродяги и высылались внутрь края, либо накрѣпко заключались на мѣстѣ. Словомъ, уничтожалось и сносилось, устранялось и скрывалось все ветхое, неприглядное, нечистое и бѣдное и нарочито создавалось и выставлялось то, что могло веселить взоръ и свидѣтельствовать о геніѣ и необычайныхъ заботахъ Потемкина о благѣ края, яко бы имъ призваннаго къ жизни, доселѣ же безлюднаго и дикаго.

Въ генварѣ 1787 г. Екатерина прибыла въ Кіевъ и здѣсь прожила зиму: посѣщала церкви и монастыри, молилась и лишь изрѣдка веселилась. Одно загадочное происшествіе нарушило здѣсь ея покой: вѣковая обитель Межигорская, вторая лавра кіевская, митрополія Запорожья, истреблена пожаромъ въ ночь передъ тѣмъ днемъ, въ который императрица хотѣла посѣтить ее. Но съ этимъ оканчивались заботы Потемкина о ломкѣ здѣсь стараго строя церковнаго, объ уничтоженіи обителей, бывшихъ представительницами иной жизни, объ изглажденіи всего, съ чѣмъ связана была еще память о старыхъ порядкахъ и ненавистномъ ему Запорожьѣ. 22-го

апрѣля Екатерина съ блестящей свитой отплыла отъ Кіева внизъ по Днѣпру на галерахъ, разукрашенныхъ флагами, направляясь въ волшебно созданную Потемкинымъ Тавриду. Въ Каневѣ ее встрѣтили два вѣнценосные сосѣда. Празднество закончилось фейерверкомъ, да мимоходомъ «старый грѣшникъ» увлекъ за собою чистокровную украинку, выданную потомъ въ замужество за сенатора, а либеральный Фалькенштейнъ чрезъ Коховскаго далъ подобный заказъ на далекіе лезгинскіе улусы. Вправо отъ Канева и самый Каневъ считались еще Польшей. Въ дальнѣйшемъ плаваніи Екатерина посѣтила Кременчугъ и села нынѣшней екатеринославской губерніи: Романково, Новые Кайдаки и наконецъ пустынную запорожскую слободу Половицу, гдѣ положила камень въ основаніе Преображенскаго собора, а вмѣстѣ и города Екатеринослава. Опасные пороги она объѣхала сухимъ путемъ, но съ надгорій днѣпровскихъ глядѣла, какъ ея галера съ частью свиты опускалась въ вѣчно бушующій *Ненасытецъ*, и, закрывъ глаза платкомъ, плакала. Лоцманъ Полторацкій получилъ щедрую награду, а царица въ экипажѣ поѣхала необитаемой степью чрезъ Никополь и Бериславъ до Херсона. Посѣщены Таврія и Крымъ. Шествіе уподоблялось тріумфу; грандіозныя затраты создавали волшебство; но закулисная сторона открывала много непригляднаго: безумную прихоть тщеславнаго баловня судьбы, гнетъ, насиліе и грубый обманъ ея выполнителей. Новоосаженные, съ помощію посуловъ и угрозъ, поселяне, вышколенные и выстроенные для торжественной встрѣчи, съ недоумѣніемъ смотрѣли на появлявшіяся въ ихъ избахъ на мгновенье самовары, чайные приборы, жареныхъ поросятъ, а сопутствовавшій, въ числѣ другихъ, Екатеринѣ графъ Сегюръ, незамѣтно оторвавъ въ одной избѣ хвостъ отъ жаренаго поросенка, легко приставилъ его въ другой.

Утомленная продолжительнымъ и шумнымъ путешествіемъ, Екатерина направилась въ обратный путь чрезъ Харьковъ, а отъ устроенной Потемкинымь грандіозной церемоніи не осталось, кажется, иного слѣда, кромѣ сомнительной славы его, какъ колонизатора Новороссіи, которую онъ перестраивалъ на манеръ расходившагося юнаго наслѣдника несмѣтныхъ богатствъ, разрушающаго до основанія прочное, но скромное жилище своихъ предковъ, даже

не осмотрѣвъ его путемъ, и на развалинахъ его воздвигающаго прихотливыя, дорого стоющія, но недолговѣчныя палаты.

Среди причудливыхъ затѣй главнаго устроителя этого путешествія, въ громадной массѣ вызванныхъ имъ циркуляровъ, ордеровъ, предписаній и всего болѣе частныхъ писемъ, едва примѣтить можно скромную резолюцію екатеринославскаго архіерея, данную имъ въ ожиданіи того же высочайшаго путешествія, 20 генваря 1787 года. Она найдена нами въ архивѣ покровскаго собора, въ г. Александровскѣ, екатеринославской губерніи, и направлена къ устроенію и соблюденію найлучшаго порядка въ церквахъ и духовенствѣ тѣхъ мѣстъ, которыя могли бы удостоиться во время пути Высочайшаго посѣщенія. За годъ почти до начала путешествія, какъ говорится въ резолюціи, именно 18 іюня 1786 г., прислано было изъ святѣйшаго синода росписаніе разныхъ городовъ и селъ, чрезъ которые имѣло послѣдовать въ генварѣ слѣдующаго года высочайшее ея императорскаго величества шествіе, съ предложеніемъ, конечно, епархіальнымъ архіереямъ сдѣлать соотвѣтственныя въ свое время распоряженія относительно высочайшей встрѣчи. Тогдашній екатеринославскій архіепископъ Амвросій съ первымъ, надо думать, извѣстіемъ о прибытіи императрицы въ Кіевъ поспѣшилъ дать отъ себя инструкцію относительно необходимыхъ по духовной части приготовленій. Приготовленія несложныя, ничего почти не стоющія, требовавшія лишь нѣкотораго усердія и времени; но и на нихъ лежитъ печать общей заботы о томъ, чтобы отъ взоровъ Высокой путешественницы устранено было все носившее характеръ будничной жизни и обстановки, хотя бы съ подмѣномъ или заимствованіемъ. Вотъ эта резолюція-инструкція.

«Консисторіи предписать, кому надлежитъ, слѣдующее:

I) Благочиннымъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, самимъ протопопамъ осмотрѣть не только показанныя въ приложенномъ реестрѣ, но и между оными стоящія церкви и наблюдать: 1) чтобы всходы въ оныя и лѣсницы были исправны и надежны; 2) ветхости были починены; 3) полы были тверды и вымыты; 4) пыль и паутина были обметены; 5) дорога изъ церкви усыпана была пескомъ и травою; изъ церкви по краямъ около стѣнъ полъ усыпанъ травою; также около градъ дровъ, бревенъ и никакой нечистоты не было и оная была

исправлена; 6) гдѣ ризы худы, взять лучше изъ другихъ церквей, также кресты, кадилы, лампады; 7) гдѣ священники не надежны— быть самому благочинному или другому по его наряду.

II) При въѣздѣ ея императорскаго величества, при церквахъ звонить, доколь взойдетъ въ покой.

III) При выѣздѣ звонить же.

IV) Выходить изъ церкви при въѣздѣ съ крестомъ, кадилами и лампадою и стоять въ святыхъ вородахъ ограды, къ каретѣ жъ не подходить, развѣ остановленіемъ кареты противу церкви дастся знакъ, тогда подойти священнику, съ однимъ крестомъ, одному.

V) Гдѣ два или три священника, быть всѣмъ въ ризахъ.

VI) Гдѣ діакона нѣтъ, нарядить отъ другой церкви діакона порядочнаго.

VII) По всѣмъ уѣздамъ, по которымъ будетъ шествіе ея императорскаго величества, всѣхъ священно и церковно-служителей обязать подъ опасеніемъ строжайшаго штрафа подписками, чтобы ни они, ни жены, ни сродники ихъ не осмѣливались ни подъ какимъ видомъ ея императорское величество просьбами своими утруждать и чтобы никто ко дворцу въ близости не подходилъ, предъ окнами не стоялъ, отчего и прихожанъ своихъ также удерживать.

VIII) Обязать же подписками, чтобы всѣ были трезвы и порядочны, чего и благочиннымъ накрѣпко смотрѣть, а пьянствующихъ на то время, гдѣ будетъ высочайшее шествіе, разослать для содержанія въ монастыри или въ отдаленнѣйшія мѣста; если же кто усмотрѣнъ будетъ пьянымъ или непорядочнымъ, то и благочинный и священникъ той церкви штрафованы будутъ.

IX) Гдѣ будетъ шествіе высочайшее поутру, священникамъ быть готовыми къ служенію литургіи, которую и не начинать до двѣнадцати часовъ, и съ утра изготовить проскомидію и прочесть часы, если-жъ гдѣ не будетъ слушать ея величество литургіи, то изготовленные дары употребить, или литургіи не служить.

X) Нарядить изъ священно и церковно-служителей для чтенія и пѣнія искусныхъ до четырехъ человѣкъ—отъ другихъ церквей и чтобъ были въ суконномъ пристойномъ платьѣ, въ сапогахъ, вымыли руки и лице и причесали волосы».

Сообщ. **Я. П. Новицкій.**

Іосифъ-Игнатій Крашевскій.

Кончина ветерана польской литературы, умершаго въ Женевѣ прошлаго 7 марта, на 75 году отъ рожденія, встрѣчена европейской и русской печатью какъ крупная литературная потеря. Для литературы и журналистики польской эго потеря незамѣнимая и скорбь, которой приникнутъ общій хоръ похвалъ, возданныхъ Крашевскому польскою печатью, находитъ себѣ полное объясненіе въ дѣятельности покойнаго писателя. Онъ не покидалъ пера въ теченіи 57 лѣтъ и оставилъ около 500 книгъ разнообразнѣйшихъ сочиненій, не считая безчисленныхъ статей и замѣтокъ. Въ значительной степени его усиліями создана читающая польская публика и три поколѣнія были его читателями. «Онъ шелъ рука объ руку со своимъ временемъ, пишетъ о немъ" *Gazeta Polska*, и потому не остался въ тылу за другими; онъ всегда былъ современнымъ и не сдѣлался живымъ анахронизмомъ, замѣняя каждое устарѣвшее сочиненіе прежней эпохи новымъ, дышащимъ жизненностью текущей минуты... Онъ держалъ перо на пульсѣ общества». «Орачъ, плугъ котораго прошелъ по разнороднымъ нивамъ искусства,» Крашевскій былъ романистомъ, и сатирикомъ, драматургомъ, изслѣдователемъ старины, эстетикомъ, филологомъ, журналистомъ и даже рисовальщикомъ и музыкантомъ. «Былъ онъ, какъ выражается образно о его неутомимой дѣятельности *Wiek*, расточительнымъ богачемъ, разбрасывающимъ на обѣ стороны сокровища духа, и алчнымъ скупцемъ, жалѣвшимъ минуты спокойствія и отдыха... для себя». Единогласные въ оцѣнкѣ вліянія и производительности покойнаго романиста, органы польской печати расходятся нѣсколько въ оцѣнкѣ размѣровъ его дарованія. Для такой оцѣнки нужно, конечно болѣе спокойное состояніе духа, которое не мирится съ взволнованнымъ скорбью чувствомъ. Органъ позитивистовъ *Przegląd Tygodniowy* относится довольно сурово къ сошедшему въ могилу романтику, но, конечно, и онъ воздаетъ должное его литературнымъ заслугамъ.

Изъ многолѣтней и неистощимой производительности Крашевскаго считаемъ долгомъ отмѣтить произведенія, посвященныя нашему краю. Какъ беллетристъ, онъ примыкалъ отчасти, въ особенности въ періодъ многолѣтняго своего житья на Волыни, къ такъ назы-

ваемой украинской школѣ польскихъ писателей, чуждаясь ея фантасмогорій и ограничиваясь obyczajowemi powieściami, повѣстями изъ панскаго и народнаго быта. Прекрасною страницею въ его дѣятельности останутся также описательные, историческіе и этнографическіе этюды мѣстностей Волыни, Полѣсья, Подоліи и Новороссіи, написанные живо, съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ нему и чуждые тенденціи.

Въ своихъ польско-украинскихъ повѣстяхъ Крашевскій нерѣдко стоитъ искренно на сторонѣ малороссійскаго простонародья и не становится слѣпымъ предъ грѣхами его угнетателей, потому только, что эти угнетатели соплеменники писателя.

Отношенія его къ мѣстному крестьянскому классу, при ихъ гуманности, носятъ конечно извѣстный условный оттѣнокъ. Рабство вещь позорная и злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ тоже. Но виноваты преимущественно не помѣщики, то живущіе за границею, то ушедшіе совсѣмъ въ научныя спеціальности, а посредники между мужикомъ и помѣщикомъ—экономы. Противъ развитія мѣстной литературы и языка возразить ничего нельзя, но какъ не предпочесть имъ богатую и обширною культуру соплеменнаго народа? За всѣмъ тѣмъ въ украинскихъ повѣстяхъ Крашевскаго много правды и искренности. О его практическомъ отношеніи къ крестьянскому вопросу говорятъ статьи его въ эпоху освобожденія крестьянъ, доказывавшія необходимость обезпеченія ихъ земельнымъ надѣломъ.

Ostap Bondarczuk i Jaryna, романы служащіе одинъ продолженіемъ другого, принадлежатъ къ извѣстнѣйшимъ изъ украинскаго цикла произведеній Крашевскаго. Крестьянскій мальчикъ оказалъ услугу пану въ открытіи клада, за это панъ даетъ ему воспитаніе. Бондарчукъ возвращается изъ-за границы докторомъ иностраннаго университета, здѣсь на родинѣ попадаетъ въ отношенія соперничества къ сыну своего воспитателя. Они оба любятъ одну панну, которая отдаетъ предпочтеніе человѣку своего круга: Бондарчукъ, съ досады, женится на крестьянкѣ, которую не любитъ. Заключительная часть романа занята обрисовкой борьбы чувствъ великодушія и сердечныхъ стремленій изображенныхъ лицъ.

Ulana—лучшая изъ повѣстей Крашевскаго изъ украинской жизни. Молодой панъ, въ глубокомъ волынскомъ Полѣсьи, влюбляется въ замужнюю крестьянскую женщину и любимъ ею. Эти отношенія

рождаютъ драму въ семьѣ героини повѣсти. Мужъ Ульяны, съ горя, поджигаетъ панскій домъ, заложивши предварительно выходъ камнями. Пойманный и судимый, онъ отравляется въ тюрьмѣ ядомъ, который приноситъ ему тетка крестьянка. Ульяна поселяется въ панскомъ дворѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ панъ бросаетъ ее и женится. Ульяна вѣшается съ отчаянія.

Отношенія пана къ Ульянѣ выступаютъ у автора не въ обычномъ видѣ «крѣпостныхъ» романовъ. Въ нихъ много идеальнаго элемента и истинной любви. Это не заставляетъ однако писателя видѣть въ своемъ героѣ рыцаря идеаловъ. Во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни и характера панъ остается съ кругомъ воззрѣній и привычекъ, свойственныхъ рабовладѣльческому классу. Онъ прекрасно пользуется своимъ правомъ помѣщика, чтобъ удалять отъ Ульяны мужа, сначала подъ предлогомъ работъ и посылокъ, а потомъ и совсѣмъ ужъ откровенно. Во время суда надъ крестьяниномъ, ему не приходитъ и въ голову, что расправа, учиненная мужемъ Ульяны, вызвана нарушеніемъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ и что во всемъ этомъ дѣлѣ виновнѣе всѣхъ онъ самъ.

Въ романѣ *Latarnia Czarnoxięska* (Волшебный фонарь) встрѣчается эпизодъ, который слѣдуетъ признать одною изъ самыхъ сильныхъ и искреннихъ вещей изъ всего, что писалъ Крашевскій о малорусскомъ мужикѣ. Это разсказъ одного изъ вводныхъ лицъ романа, *Historya Savki*, о томъ, какъ на его глазахъ въ панскомъ дворѣ былъ засѣченъ крестьянинъ.

Трехтомный историческій романъ изъ временъ Сигизмунда III *Ostatnia z xiąząt Słuckich* повѣствуетъ о бракѣ этой послѣдней представительницы рода Олельковичей съ княземъ Соломерецкимъ. Героиня этого романа еще разъ выводится въ одномъ изъ небольшихъ очерковъ писателя, описывающимъ осаду Дубна.

Прекрасная книга *Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy*, вышедшая вторымъ изданіемъ въ Парижѣ съ изящными рисунками самого автора, даетъ очерки жизни, прошлаго и быта народа названныхъ мѣстностей, оживленныя искуснымъ карандашомъ романитта. Другое, трехтомное сочиненіе въ томъ-же родѣ, *Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budzaku* («члена одесскаго общества исторіи и древностей, Крашевскаго»), есть журналъ его путешествія по Подоліи, Новороссіи и Бессарабіи. На ряду съ замѣтками наблюдателя, тутъ раз-

сѣяно множество историческихъ воспоминаній, этнографическихъ отмѣтокъ, набросковъ жизни и людей того времечи (епископъ Гавріилъ, Воронцовъ, Нарышкинъ и др.) и прекрасныхъ характеристикъ степной природы края. Два послѣднія сочиненія не утратили и понынѣ своего интереса и переводъ ихъ въ цѣломъ или въ извлеченіи былъ-бы крайне желателенъ.

Въ издававшемся Крашевскимъ въ Вильнѣ «Атенеумѣ» помѣщалось не мало статей о Южной Россіи, иногда фантастическихъ, какъ работы печальной памяти этнографа Изопольскаго, но большею частью писанныхъ съ знаніемъ дѣла.

Къ заграничному періоду дѣятельности писателя относится еще повѣсть, начальныя главы которой имѣютъ мѣстомъ дѣйствія Каневъ, во время извѣстной встрѣчи въ этомъ городѣ Екатерины II съ Понятовскимъ. Героиня-крестьянка, подъисканная лицемъ изъ свиты короля, какъ мимолетная забава ему во время остановки въ скучной глуши, въ Варшавѣ становится женою сенатора, получающаго за то каштелянскій дипломъ и орденъ. Этотъ сенаторъ такъ попалъ на свое призваніе, что предлагалъ потомъ тому же Понятовскому и вторую свою жену за званіе воеводы. Паденіе высшихъ классовъ польскаго общества въ ту эпоху нарисовано здѣсь Крашевскимъ безпощадно строгою кистью.

Думаемъ, что не будетъ лучшей похвалы скончавшемуся писателю, какъ сказать, что онъ имѣлъ силу духа и мужество быть правдивымъ. Въ взаимной справедливости залогъ любви и мира родственныхъ народностей и слава тому, кто умѣлъ служить ей.

W.

Отъ редакціи.

Журналъ **„Кіевская Старина“** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка сію не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Кіевская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

МАЙ.

1887 г.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.